

3(8),2018

РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

тема номера:
**НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ
ПОЛИТОЛОГОВ**

ISSN 2541-965X

**СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА ЖУРНАЛА
«РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ —
RUSSIAN POLITICAL SCIENCE» — 2018 — № 3 (8)**

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

От редакции		3
Раздел I. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ		4
Ахмедов Н.Т.	Зачем я это делаю?	4
Гончаренко Я.В.	СМИ и политика: теоретическая рефлексия	10
Каратеев Д.О.	Глобализм и антиглобализм: как две парадигмы развивают взаимный конфликт с помощью политических образов и мифов	15
Сахадзич М.	Конституционная (а)симметрия: новые и старые теоретические рамки	28
Серебряков К.Д.	Понятие и характеристика дефиниции «субсидиарность» в научно-философском дискурсе: генезис и трансформация представлений в католической социальной доктрине	33
Раздел II. ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОПОРЯДКА И ГЛОБАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ		40
Ковшарь М.К.	Влияние постправды на международные отношения	40
Коновалова К.А.	Женское политическое лидерство в современной Латинской Америке: контекст и специфика	45
Петречук А.И.	Баланс сил между ключевыми акторами мировой политики в рамках глобальной стратегии США. Возможно ли снизить напряженность в треугольнике США — Китай — Россия?	51
Хидоятзода К.Д.	Влияние России и Китая на формирование нового миропорядка на примере Центральной Азии (важнейшего региона для России)	58
Мазин С.М.	Новый геополитический вектор России в странах Персидского залива	64
Раздел III. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ		71
Зухба Д.Т.	Арктика и Антарктика в политике глобальной безопасности	71
Мендагазиев А.Е.	Казахстан: становление мирового миротворца	77
Пархоменко Г.И.	Европейский Союз и Россия: стратегическое партнерство в сфере обеспечения международной безопасности	85
Раздел IV. РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА		92
Балашова А.С.	Уровень комфортности жизни Магаданской области как фактор районирования и определения ее потенциала развития	92
Высоцкая З.Р.	Современная этнополитическая мифология в контексте политического управления (на материале татарского народа)	98
Кришталь М.И.	Политические настроения молодежи Калининградской области (социологический анализ)	105
Раздел V. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА		112
Абдуллаев М.Х.	Политическая система США: текущие проблемы и тенденции развития	112

Дедков Е.Н.	Демографическая политика России: взаимосвязь экономического развития и воспроизводства населения	120
Раздел VI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ		128
Дибров Е.А.	Проблема соблюдения прав человека в условиях вооруженного конфликта на юго-востоке Украины	128
Каменских А.Н.	Роль и значение совершенствования контртеррористической деятельности ООН в XXI веке	133
Сайед М.Ф.	Проникновение «Исламского государства» в Центральную Азию: причины и последствия	140
Раздел VII. НКО И ДИПЛОМАТИЯ		146
Полетаев М.Р.	Специфика деятельности неправительственных институтов, осуществляющих культурную дипломатию США	146
Хаткевич А.А.	Гуманитарное сотрудничество в рамках БРИКС: путь к новому миропорядку	152
Раздел VIII. СПОРТ И ПОЛИТИКА		158
Марко К.М.	Политизация спорта и Международный олимпийский комитет	158
Петрова Ю.В.	Влияние участия в массовых мероприятиях чемпионата мира по футболу 2018 года на электоральное поведение граждан (экспериментальный метод)	163
Summary		169
Информация для авторов		175
Оформление статей		175
Редакционный совет		177
Редакционная коллегия		179
Редакция		181

Представляем специальный номер журнала «Русская политология — Russian political science», в который вошли статьи победителей международного конкурса «Лучшая статья молодого политолога — 2018».

В 2018 г. конкурс проводился редакцией журнала впервые. Конкурс проходил по десяти тематическим направлениям. В общей сложности в конкурсе принял участие 51 политолог из России, Сербии, Таджикистана, Украины, США. А также политологи — граждане Омана и Афганистана. Вне конкурса в настоящем номере опубликована еще и статья молодого политолога из Бельгии.

Молодые исследователи-политологи, участники конкурса, представляли следующие учебные заведения: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, МГИМО (У) МИД России, Российский университет дружбы народов, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Южный федеральный университет, Финансовый университет при Правительстве России, Московский государственный областной университет, Высшую школу — Академии Футбола Белград, Российско-Таджикский (славянский) университет, Донецкий национальный университет, Кубанский государственный университет, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Московский государственный лингвистический университет, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Российский государственный гуманитарный университет, Российский государственный социальный университет, Саратовскую государственную

юридическую академию, Ульяновский государственный университет и Южно-Уральский государственный университет.

Главным партнером конкурса выступила Автономная некоммерческая организация «Лаборатория гуманитарных проектов».

Данный выпуск предоставляет новую возможность начинающим политологам презентовать свои исследования, найти единомышленников и продолжить свой профессиональный путь.

В номере представлены статьи, относящиеся к следующим тематическим направлениям: Теория, история и философия политики, Трансформация миропорядка и глобальное регулирование, Проблемы международной безопасности, Региональная политика, Политические системы и социальная политика, Политическая конфликтология, НКО и дипломатия, Спорт и политика.

Редакция журнала «Русская политология — Russian political science» продолжит всестороннее развитие международного конкурса «Лучшая статья молодого политолога». В 2019 г. планируется достижение новых договоренностей с российскими и зарубежными партнерами конкурса, а также организация и проведение для участников конкурса молодежной конференции, на которой молодые политологи смогут выступить с тезисами своих научных исследований. Редакция планирует продолжить традицию поощрения победителей конкурса дипломами, а научных руководителей талантливых молодых политологов — благодарственными письмами.

Приглашаем к участию в конкурсе «Лучшая статья молодого политолога — 2019» политологов из России и зарубежных государств. Считаем, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир — Мир сотрудничества, развития и процветания.

Редакция журнала «Русская политология — Russian political science»

ЗАЧЕМ Я ЭТО ДЕЛАЮ?

Аннотация

В чем состоит основная задача политолога сегодня? Разве в популярном обозрении социально-политических процессов и описании общеизвестных явлений? Основной задачей политолога сегодня является критический анализ действительности, сомнение в ее, казалось бы, фундаментальных истинах. В то же время современную проблематику невозможно осмыслить без погружения в ее самые темные и неизведанные глубины, без возвращения к ее истокам. Несмотря на то, что сегодня левосоциальная теория пребывает в критическом состоянии, мы вновь выдвигаем тезис о ее актуальности и применимости к реалиям настоящего времени. Посредством рассмотрения ключевых противоречий современности нами будет произведено вскрытие существующей социально-политической системы и последующее вынесение диагноза таковой.

Ключевые слова: история социально-политических учений, политическая философия, постмодерн, Маркс, неомарксизм, отчуждение, репрессивность, тоталитаризм.

Автор

Ахмедов Николай Тимурович

Студент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Когда мы пытаемся познать действительность, то есть достаточно большой риск стать ее частью. Когда мы углубляемся в решение каких-либо проблем, вне зависимости от их масштаба, никто не исключает проникновения таковых в нашу собственную жизнь. Когда мы нацеливаемся на преобразование окружающей среды, необходимо остановиться и посмотреть вдумчиво вдаль. Не эта ли самая среда произвела нас на свет? Когда мы долго всматриваемся в бездну, бездна постепенно начинает всматриваться в нас [1. — С. 32], с оговоркой на то, что мы уже являемся ее соучастниками. Чем же является современный мир на самом деле: нами самими или бездной? Сегодня, начиная с популярных блогов и заканчивая университетскими кафедрами, мы так часто слышим о всеобщем мире и благополучии, общемировом стремлении к равенству, единству и справедливости, повсеместном счастье

каждого отдельного человека вне зависимости от каких-либо якобы субъективных факторов. Специально для нас создаются стройные и изящные теории, согласно которым мы живем так, как мы живем, не плохо, не хорошо, не богато, не бедно; наша действительность такая, какая есть, и этим все сказано. Безусловно, в дополнение к ним прилагается соответствующий свод правил, гласящих, как бы это ни было банально, что нельзя выходить за определенные рамки, нельзя критиковать систему, нельзя даже подвергать сомнению ее якобы фундаментальные истины. Казалось бы, после свершения проекта постмодерна совершенно смело можно заявить, что идеология релятивизма совершила свою решительную и окончательную победу, утвердившись на пьедестале всемирного господства. Однако мы приняли рядового пророка за мессию. Релятивизм — всего лишь способ, но никак не путь, парадоксаль-

но, но никак не объективная истина. Он не может быть идеологией, хотя бы потому, что с момента своего появления на свет всегда яростно выступал против таковой, в то же время пытаясь высвободить из ее оков каждого пленника. Релятивизм сыграл крайне жестокую шутку со своими последователями. Он провозгласил: правил нет; однако они отсутствуют не только для его целевой аудитории, но и в ее отношении. Она может делать все что угодно, точно так же как и заинтересованные группы и лица могут делать с ней все, что им вздумается. Из средства борьбы релятивизм превратился чуть ли не в основной гарант стабильности сегодняшнего дня. Официально заявленная свобода выбора, наверно, забыла напомнить, что как каждый может воспользоваться ей, так и она в лице тех, кто является ее главными поставщиками, может воспользоваться каждым. Словно пламя из незатушенного костра, релятивизм перекинулся на современную науку, тем самым лишив ее всякого представления об истинности или ложности, пользе или вреде тех или иных гипотез, теорий, концепций. Верно все, если оно не противоречит дискурсу современности. Все является частью действующего порядка вещей, по своей природе лояльного в той степени, в которой уже обесценится его свержение в пользу радикально настроенных ретроградов и традиционалистов. Именно так осуществляется постепенный переход от постмодерна к контрмодерну — новой эпохе, построенной на отрицании прогресса современности как такового. Способна ли такая поистине тлетворная и губительная наука объяснить ключевые явления действительности? Разумеется, нет. Приблизить нас к нахождению ответов для предотвращения новой всемирной катастрофы может исключительно изучение идей прошлого, в котором мы когда-то совершили непоправимую ошибку. В этой стезе наша первоочередная необходимость — левосоциальная теория —

совокупный конструкт всех социально-политических учений несогласия и протеста, способный предоставить нам достойную альтернативу грядущей системе бездны.

Мы были обречены на созерцание одной из наиболее тяжелых проблем настоящего. Теория политики перестает быть теоретичной, медленно погружаясь в хаос. Мы пытались научиться смотреть, но в итоге пришли к поверхностному просматриванию без проникновения в глубину исследуемого предмета. Мы попались в ловушку. Научный плюрализм — это красивый миф, один из тех, на которых держится современное общество. Он якобы пытается освободить нас от субъективизма и оценочных суждений, открывая перед нами весь простор социально-политической мысли всех времен и народов. Однако, как нам уже известно из опыта истории, сочетание несочетаемого ведет только к потере смысла. И общество перестает быть обществом в привычном для нас понимании. Оно превращается в спектакль [2. — Р. 35]. Распухший орган, жизнедеятельность которого держится исключительно на пресловутом мифотворчестве. В качестве примера рассмотрим самое популярное оправдание существующей системы — миф о стабильности. Согласно ему, конечной целью социального прогресса должно быть аморфное и бесконфликтное состояние, стерильное с точки зрения динамики и конфликта. Общество перманентного компромисса, отказавшееся от поиска истины. Оно же общество массового потребления. В своей сути унифицированное и утилитарное общество. И стоит только на него дунуть, как оно разлетится по ветру, однако, рассеяв вместе с собой и все достижения общесоциального прогресса. Башня современности рухнет, надолго предотвратив какое-либо строительство на своих руинах. История повернется вспять. Все высокие достижения современного общества будут заклеены и признаны упадочными. Этого ли мы хотим?

Типология отчуждения

Проблема берет свое начало с заката модерна. Казалось бы, мир был готов вступить в новую эпоху, что он опрометчиво и сделал впоследствии. Однако он не имел права, поскольку ключевые противоречия прошлого все так же оставались нерешенными. Отчуждение. Бич человечества со времен появления первых форм частной собственности. Опыт Красного мая в 1968 г. показал, что со временем оно только прибавило в актуальности, поглотив и пропитав своим желудочным соком практически все сферы общественной жизни. Сегодня мы можем говорить о трех взаимосвязанных типах отчуждения: экономическом [3. — С. 86], политическом [4. — С. 7] и психосоциальном [5. — С. 54]. Первый, поистине самый древний, расположен между векторами производства и потребления. Его суть заключается в объективации человека посредством влияния на его экономическую жизнь и перенаправления ее в интересах отдельных групп или лиц с целью последующего извлечения и максимизации их прибыли. Личность превращается в товар, рыночную переменную, от которой требуется только эффективное функционирование в рамках существующей экономической системы. Говоря же о втором типе, мы имеем дело с вытеснением человека из реальной политики, созданием иллюзии его участия в ней. И если раньше он не был допущен до процесса принятия государственных решений официально и открыто, то сейчас специально для него создается видимость его собственной важности в ее политическом понимании. Ему предлагается участие в выборах, политических акциях и митингах разного рода, посредством которых он пытается повлиять на власть. Но безрезультатно! За него уже все решили. Хотя бы потому, что швырнули в его лицо всего лишь пару-тройку альтернатив из необъятного океана подлинной свободы. Он — всего лишь пешка в

руках своих господ. Наивная, но при этом безразличная. Так мы подходим к наиболее серьезному и сложному отчуждению — психосоциальному. Нам продиктованы конкретные паттерны — модели поведения, которыми мы вынуждены пользоваться не только в обществе, но и наедине с самими собой. «Дайте мне оковы и цепи, и заберите себе ключи от них!» — говорит современный человек. Он не научился принимать каких-либо решений, он привык, что за него уже все решено. Формируется новый тип зависимого поведения. В осознании, казалось бы, полной свободы мы поступаем так, как от нас того ожидают. Наша новая вера — мейнстрим — психосоциальное потребление. Мы боимся выйти за пределы, преодолеть рамки, мы боимся быть самими собой. Парадоксально, но мы боимся субстанции, частью которой являемся. Мы — невротическое общество, не желающее пойти на прием к специалисту. И в этом поистине необъятном букете социальных болезней, в этом глобальном комплексе неполноценности мы сталкиваемся с айсбергом постмодерна.

Генеалогия левосоциальной теории

Здесь и сейчас единственным спасательным кругом для нас является углубление в изучение левосоциальной теории. Она является далеко не популярным веянием и тем более не выдумкой современности. Это совокупное учение, существовавшее на протяжении практически всей истории социально-политической мысли. Разговор об освобождении можно было бы начать еще с «Государства» Платона [6. — С. 224], однако же, нам представляется это весьма неразумным ввиду: 1) его утопичности, выраженной в максимальной оторванности от какой бы то ни было действительности и ее условий и 2) отсутствия какой-либо единой и слаженной системы в античном мире (разговор если и уместен, то только о

некой протосистеме, в то же время не обладающей определенными четкими рамками и отличительными характеристиками), которую мог бы анализировать и критиковать главный философ древности. Наше повествование мы начнем с так называемого премодерна — эпохи возвеличивания и господства трансцендентного. В его рамках начинает активно развиваться христианская гуманистическая традиция [7. — С. 22], ставшая первыми ростками левосоциальной теории. Несмотря на тоталитаризацию института церкви, имевшую место в Средних веках, теологии отчасти удалось сохранить свою чистоту в своих двух основных тезисах: 1) человек есть образ и подобие Божье (т.е. человек выше всего) и 2) неправедная мирская жизнь (т.е. жизнь без Бога) отталкивает человека от жизни вечной (отказываясь от своей природы в пользу общественных норм (в данном случае культивированного греха) человек рискует лишиться (и лишается) своей субъектности). Парадоксально, но именно христианству мы обязаны появлением новой эпохи — Ренессанса, который впоследствии преобразуется в модерн. Опыт начинает довлеть над традицией. Абсолютный разум становится новой верой, на почве которой уже благополучно могли расцвести молодые деревья Нового времени. Идея освобождения вырвалась за рамки трансцендентного. Вместе с естественными науками она встала в первые эшелоны войска прогресса, обеспечив динамизмом искусство, технику, быт и социально-политическую мысль. Модерн дал нам все. Он — фундамент. Именно благодаря ему левосоциальная теория превратилась в четкое и оформленное учение, порой даже выходящее за свои собственные границы. Но кем они были очерчены? История берет свое начало с немецкой классической философии идеализма [8. — С. 173], представленной Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем. Ее основной заслугой

является тезис о необходимости достижения определенного состояния, в котором будет выражаться гармония внутреннего мира человека и среды его окружающей. Очевидно, ответ на этот тезис не заставил себя ждать. Увидеть в нем проблему удалось двум германским эмигрантам, пришедшим к выводу, что «идеального состояния» достичь невозможно ввиду конкретных политико-экономических и социально-культурных причин, описанных нами ранее. Тех философов, которыми начинается новая глава Библии прогресса, звали Карл Маркс и Фридрих Энгельс [9. — С. 22]. Они первыми обозначили социально-политическую проблематику человечества сквозь призму истории его существования, прямо указав на способы и средства реконструкции существующей системы. Учение Маркса и Энгельса было распространено и дополнено выдающимся философом Великой Октябрьской революции В. Лениным [10. — С. 71]. Он в значительной степени популяризировал и инклюзировал основные принципы левосоциальной теории, впервые воплотив их на практике. В дополнение к марксизму-ленинизму идет менее политизированная, но ни разу не отстающая по своему вкладу в общесоциальный прогресс теория — учение З. Фрейда [5. — С. 54]. Австрийский психоаналитик буквально вскрыл тело человеческого общества, наглядно показав его опухоли и патологии. И причиной таковых являлось не что иное, как действующая система, репрессивно воздействующая на человеческую личность и уничтожающая ее изнутри. Если немецкая классическая философия идеализма предоставила тезис, марксизм-ленинизм вывел из него проблему, то эпоха постмодерна нашла для нее соответствующее решение. Первопроходцами в области социальной анатомии нового общества стали представители Франкфуртской критической школы [11. — С. 5] (в частности Г. Маркузе, Э. Фромм и А. Грамши

как теоретик, предвосхитивший ее создание). Современность по своей сути тоталитарна. Посредством создания новых культов и возведения соответствующих им кумиров она обрекает нас на новое рабство — рабство физического и духовного, сознательного и бессознательного. Системе воспротивился весь мир, и май 1968-го стал тому подтверждением. Теория вновь обратилась в практику. Тысячи интеллектуалов вышли на улицы Парижа, чтобы выразить свое несогласие с текущим порядком вещей, бросить вызов государству как машине массового насилия. Местом битвы за свободу Франция послужила далеко неслучайно. Причина тому — богатейшая философская традиция Пятой республики в лице ее наиболее ярких представителей: Л. Альтюссера [12. — Р. 256] и М. Фуко [13. — Р. 262]. Общество — это система наглого обмана. Цель этой системы — конструирование определенных образов для привлечения и удержания внимания человека, его максимального включения в репрессивный процесс на ролях жертвы. Говоря о современности, следует заметить, что вышеописанная социальная тотальность была подвергнута полному разоблачению. Система уже не просто обманывает, она убивает нас. Отныне не мы, но она определяет ход так называемого прогресса. И если прибегнуть к детальному анализу современного общества, станет понятным, что этот прогресс — лишь тонкий поверхностный слой, прикрывающий дно общесоциальной стагнации (если не постепенного регресса). Величайший философ наших дней, один из немногих приверженцев и продолжателей левосоциальной теории С. Жижек [14. — С. 7] в рамках основания Люблянской лаканианской школы вновь обращается к психоанализу для познания существующей системы с целью последующего опровержения постулатов, являющихся ее фундаментом. Общество — это кризис. Кризис каждой отдельной личности, пристра-

тившейся к навязанным представлениям о благе. Личности, существующей в системе множества симулякров, при этом отдаленной от реальной деятельности. Личности глубоко несчастной, но отчего-то свывшейся со своим горем, более того, пристрастившейся к нему.

Современное состояние (диктатура)

В процессе рассмотрения истории социально-политической мысли мы могли наблюдать рост и развитие левосоциальной теории. Ростки премодерна в следующую эпоху стали могучими кронами деревьев по ее окончании и переходе в постмодерн дали свои плоды. Что ждет левосоциальную теорию сейчас? Новый урожай или гибель? Безжалостная вырубка из соображений ненужности? В противном случае история завершится именно так. Современный мир — это система четырех диктатур, которые условно можно разделить на два блока: социально-экономический и политико-культурный. К первому относятся: 1) диктатура потребления, базирующаяся на рыночном фундаментализме, и 2) диктатура большинства. Последняя выражена в отрицании реальной социальной проблематики и ее нивелировании посредством навязывания ложных ценностей. Второй блок — 3) диктатура авторитета (силы), то есть укоренение и укрепление навязанных ценностей и устройства системы в соответствии с ними, и 4) диктатура информации, принуждающая человека к восхвалению системы и участия в ее формообразующих акциях. Таким образом, в случае забвения левосоциальной теории общество, отказавшееся от сопротивления, придет к своему логическому завершению. Оно попросту изживет себя. Выполнит свое историческое предназначение. В эпоху, когда человек отказывается от своей сущности, от перманентного противоборства с системой в мятежных исканиях свободы, общество не может быть обречено на что-либо иное, как только на гибель.

Литература

1. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. — М., 1990.
2. Debord G. La Société du spectacle. — Callimard, 1996.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — М., 2010.
4. Ленин В. Государство и революция. — М., 1974.
5. Фрейд З. Тотем и табу. — СПб., 2005.
6. Платон. Государство. — М., 2005.
7. Евангелие. — М., 2005.
8. Маркс К. К критике гегелевской философии права. — М., 2007.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — М., 2016.
10. Ленин В. Материализм и эмпириокритицизм. — М., 1952.
11. Маркузе Г. Одномерный человек. — М., 2003.
12. Althusser L. Pour Marx. — La Découverte, 2005.
13. Foucault M. Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines. — Callimard, 1966.
14. Zizek S. Welcome to the Desert of the Real. — Verso, 2013.

СМИ И ПОЛИТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Аннотация

Статья посвящена теоретическому осмыслению средств массовой информации как социального и политического явления. Даются определения понятия «средства массовой информации», приводятся функции СМИ. Особое внимание уделено критическим подходам, которые акцентируют внимание на искажении реальности со стороны медиа, коммерциализации СМИ, утверждении инфотейнмента и концентрации собственности в медиасфере. В то же время автор подчеркивает, что функциям и роли средств массовой информации вряд ли возможно дать однозначную оценку, а влияние СМИ зависит от множества факторов, в том числе характеристик аудитории.

Ключевые слова: средства массовой информации, аудитория, манипуляция, инфотейнмент, медиакратия.

Автор

Гончаренко Ян Владимирович

Магистрант кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Тема положения средств массовой информации в обществе и политике, их взаимоотношений с различными социальными и политическими акторами крайне актуальна. СМИ стали влиять на политику с момента своего возникновения и распространения в Новое время. Это влияние нарастало по мере появления и развития новых видов средств массовой коммуникации в XX–XXI вв.: радио, телевидения и Интернета. Данные процессы имели свои приложения в политической сфере, отраженные, в частности, в концепциях медиатизации и виртуализации политики.

Прежде всего, следует определить значение понятия «средства массовой информации». Несмотря на частое использование этого термина, в литературе не так часто встречаются его определения. В Законе РФ «О средствах массовой информации» дано юридическое определение понятия «СМИ»: «...периодическое печатное

издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)». А массовая информация, с точки зрения этого закона, — «...предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы» [1]. Другие определения встречаются в учебной и научной литературе. Так, Т.В. Евгеньева, используя термин «средства массовой коммуникации» (синонимичный СМИ), определяет массовую коммуникацию как «систематическое распространение сообщений среди численно больших рассредоточенных аудиторий с целью воздействия на оценки, мнения и поведение людей» [8. — С. 441]. С точки зрения Е.П. Семишовой и В.С. Семиной, СМИ — «...система творческих и технических структур, взаимодействующих

между собой и с другими социальными системами в целях формирования и передачи потока информации» [13. — С. 75]. Общим для всех этих определений является признание содержанием деятельности СМИ распространение информации среди большого количества людей.

Каковы функции средств массовой информации? Классическими авторами, во многом определившими дальнейшие направления дискуссий, считаются Г. Лассуэлл, с одной стороны, и П. Лазарсфельд, Р. Мертон, с другой. Г. Лассуэлл относит к функциям СМИ наблюдение или надзор за окружающей обстановкой, обеспечение взаимосвязи частей общества в соответствии с изменениями среды, передачу социального наследия или опыта от одного поколения к другому [12. — С. 132], в целом положительно оценивая роль СМИ. В этом же контексте СМИ часто называют четвертой властью с точки зрения их функции сторожевых псов или общественных стражей [7. — С. 173]. СМИ в демократической системе обязаны следить за деятельностью правительства, что предполагает свободу СМИ от государственного и какого-либо иного давления и свободный поиск ими информации. С этой точки зрения свободные СМИ являются одним из столпов классической демократии, фактором развития культуры политического участия.

В свою очередь, П. Лазарсфельд и Р. Мертон называют функциями СМИ присвоение статуса, укрепление социальных норм и наркотизацию как дисфункцию — отождествление знаний о проблемах дня с действиями в отношении них при фактической апатии [11. — С. 140–145]; эта точка зрения демонстрирует манипулятивный потенциал СМИ. Остановимся на критических по отношению к средствам массовой информации теоретических концепциях более подробно.

Главный пункт для критики СМИ — искажение ими реальности и манипу-

ляция информацией. Ж. Бодрийяр подчеркивал, что СМИ активно участвуют в симуляции — замене реального знаками реального [2. — С. 18] и создании гиперреальности, слабо связанной или вообще не связанной с реальностью. М. Кастельс, в свою очередь, выделил три основных процесса, показывающих воздействие медиа на население: установление повестки дня, прайминг (фиксирование установки) и фрейминг (создание рамок для интерпретации событий и проблем) [4. — С. 184–185]. С его точки зрения, СМИ формируют повестку и задают рамки для восприятия информации аудиторией. Если события, индивиды или группы не представлены в СМИ, то их не существует в конструируемой массмедиа реальности. В результате возникает культура реальной виртуальности [5. — С. 351].

Н. Луман также отмечает, что массмедиа производят трансцендентальную иллюзию — то есть свою собственную реальность [6. — С. 13]. Он признает, что знание от СМИ мы характеризуем как сомнительное и все-таки вынуждены на нем основываться и из него исходить [6. — С. 8]. Н. Луман приводит следующие факторы отбора новостей: новая информация, конфликты, количественные показатели, локальная направленность, нарушения норм и скандалы, моральные оценки, действия и действующие лица, актуальность и рекурсивность (учет в более поздних сообщениях), выражения мнений [6. — С. 49–59]. Те новости, которые слабо соответствуют этим критериям или не соответствуют им, не получают освещения в СМИ. Игрная роль гейткиперов, СМИ могут педалировать обсуждение новых тем или замалчивать существующие проблемы.

В последние годы тема ложной информации в СМИ стала широко обсуждаться в публичной сфере на фоне международного конфликта между Россией и странами Запада и избрания президентом США Д. Трампа в 2016 г. Популярными стали такие понятия,

как фактоиды, постправда, фейковые новости. На наш взгляд, это стало признанием проблемы, которая давно обсуждалась в интеллектуальном сообществе.

Следует отметить, что подобное отношение к средствам массовой информации как транслирующим исключительно недостоверную информацию подвергается критике. Полный разрыв транслируемой через СМИ информации с реальностью возможен в течение короткого времени, однако впоследствии это может привести к кризису доверия в обществе и политическому кризису. Полная монополия на СМИ (важная для манипуляции) затруднительна, особенно в демократических странах и в связи с развитием Интернета. Сохраняются личная коммуникация и личный опыт, служащие альтернативным источником информации. Н. Луман отмечает, что аудитория не является полностью зависимой от СМИ: «...отдельный участник [такой коммуникации] получает шанс выбрать в предлагаемом ассортименте именно то, что ему подходит, или то, что он полагает нужным знать в силу принадлежности к определенному кругу» [6. — С. 10–11]. Граждане — потребители информации могут самостоятельно отбирать информацию, что нивелирует попытки навязывать аудитории единую картину мира. В Великобритании спорность оснований участия страны в военной кампании в Ираке привела к масштабным дискуссиям по поводу объективности СМИ и закату политической карьеры Т. Блэра. В позднем СССР с его партийно-государственной монополией на СМИ существовали самиздат, тамиздат, зарубежное радиовещание, политические анекдоты, представлявшие альтернативную повестку. Все это сыграло не последнюю роль в делегитимации правящего режима.

Другой пункт для критики СМИ — их стремительная *коммерциализация* и, как результат, упрощение подаваемой в них информации. П. Бурдые говорит о

рейтинговом менталитете [3. — С. 42] в средствах массовой информации. Целью массмедиа стало получение прибыли, которая формируется за счет доходов от рекламы. В свою очередь, размер этих доходов напрямую зависит от размера аудитории СМИ, который необходимо максимально увеличить. В результате, как отмечает П. Бурдые, конкуренция между СМИ за аудиторию ведет к единообразию их содержания [3. — С. 37]: для привлечения аудитории необходимо предоставлять информацию, пользующуюся популярностью у большинства, — и СМИ сообщают одну и ту же информацию. Это углубляет проблему искажения информации; как пишет К.М. Цвынар, «...конкуренция свободного рынка поощряет «моделирование» сообщения, хотя бы ради того, чтобы сделать его более привлекательным и поэтому «легко продаваемым»» [15. — С. 99].

Одним из последствий этого процесса стало превращение деятельности СМИ в *инфотейнмент* (от англ. *information+entertainment*). СМИ стремятся привлечь аудиторию сенсациями, эмоционально насыщенной информацией, не требующей критического мышления от аудитории. Это может приводить к явно неэтичным и противозаконным действиям со стороны массмедиа, гонящихся за сенсациями: вторжениям в частную жизнь, мистификациям и т.д. Научный анализ становится невостребованным, в СМИ научные суждения подменяются лишь имеющими видимость научных, а место ученых занимают «эксперты» [3].

Инфотейнмент проникает и в политику. Главную роль начинает играть не реальная личность политика, а его имидж. Хорошо известен пример президентских выборов в США 1960 г., на которых Дж. Кеннеди победил Р. Никсона во многом благодаря эффектному имиджу и своей внешности, хотя на дебатах Никсон выглядел более убедительным и подготовленным. Одной из тенденций является персонализация

политики — то есть привязка идентификации избирателей не к идеологии или к партии, а к конкретному человеку (вернее, его имиджу). Таким образом, логика медиа разрушает логику партийной и программной идентификации избирателей.

Тем не менее, возможно, что отчасти эти проблемы преувеличены, а для критиков инфотейнмента характерен нормативизм. Прежние печатные СМИ, предоставлявшие объективную и «качественную» информацию (в противовес «некачественной» эпохи инфотейнмента), обладали небольшой аудиторией, а их объективность и качество также являются предметом дискуссий. В современных условиях такие «качественные» СМИ сохраняются в разных формах. А упрощение распространяемой через большинство СМИ информации обусловлено стремлением получить наибольшую аудиторию. Вопрос состоит и в том, какое из двух положений вернее: 1) СМИ навязывают аудитории инфотейнмент или 2) аудитория сама желает получать информацию в виде инфотейнмента, при этом СМИ подстраиваются под аудиторию.

Еще один пункт для критики СМИ — концентрация собственности в медиасфере [4]. В мире доминирующими становятся медиахолдинги, которые включают информационные агентства, газеты, журналы, радиостанции, телеканалы, интернет-сайты, кинокомпании, издательства, социальные сети и т.д. Образование медиахолдингов вызвано различными причинами, прежде всего стремлением СМИ к устойчивости в условиях турбулентного рынка и финансовыми возможностями крупных медиамагнатов (таких как Р. Мердок или С. Берлускони) скупать СМИ. Причем господствующими в мире стали медиахолдинги западных стран, прежде всего США и Великобритании. Это произошло в силу политического, экономического, культурного, информационного, технологического и языкового господства этих стран. Все это

позволяет формировать информационную повестку в мировом масштабе и создает угрозу для информационного суверенитета других стран.

Для представленности в политическом пространстве политическим акторам необходимо присутствовать в СМИ и пользоваться их благосклонностью. В ряде случаев правящая элита стремится завладеть СМИ для контроля над обществом. Одним из популярных концептов современности является *медиакратия*. Медиакратию часто рассматривают как власть средств массовой информации. Впрочем, как представляется, этот подход упрощает действительность. Медиамагнаты пока не заняли господствующие позиции в политической элите по всему миру. Скорее, следует согласиться с исследователями, предлагающими комплексный взгляд на проблему. Например, А.И. Соловьёв определяет медиакратию как «способ организации власти, при которой информационные отношения превращаются в ключевой механизм форматирования политического пространства и обеспечения взаимодействия между властью и обществом» [14. — С. 124]. В свою очередь, С.С. Бодрунова дает следующее определение медиакратии: «...такой дисбаланс в системе «политика — медиа — аудитория СМИ», который подразумевает сращивание медиа и политики в процессе распределения и отправления властных полномочий» [9. — С. 203]. Подобное сращивание может иметь несколько вариантов: вхождение медиамагнатов и журналистов в политическую элиту, неформальные отношения между политиками и сотрудниками СМИ (прежде всего их руководством), а также превращение СМИ в инструмент контроля над обществом со стороны правящей элиты. Близким к медиакратии термином является нетократия, являющаяся своеобразной адаптацией концепции медиакратии к современным условиям развития Интернета [10].

Как видно, функции СМИ многообразны, при этом они могут играть как положительную, так и отрицательную роль. Сохраняется точка зрения, что СМИ не манипулируют, а информируют, но сейчас она менее популярна в философском, научном и экспертном сообществе. Чаще говорят о манипулятивном воздействии СМИ на аудиторию, однако степень этого воздействия всегда была предметом дискуссий. Одни исследователи полагают, что возможности СМИ в этом плане практически безграничны и контроль над

СМИ позволяет полностью контролировать население. Другие полагают, что возможности СМИ сильно ограничены устоявшимися в обществе нормами, традициями и стереотипами, которым СМИ вынуждены следовать, а также ослаблением информационной монополии мейнстримных СМИ. Влияние СМИ зависит и от индивидуальных качеств каждого отдельного человека: критичности его мышления, подверженности манипуляции, (не)диверсифицированности его источников информации и других факторов.

Литература

1. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации».
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция [Текст] / Пер. О. А. Печенкина. — Тула, 2013. — 204 с.
3. *Бурдые П.* О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой. Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. — 160 с.
4. *Кастельс М.* Власть коммуникации [Текст]: Учеб. пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 564 [4] с.
5. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
6. *Луман Н.* Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2005. — 256 с.
7. *Назаров М.М.* Массовая коммуникация и общество: Введение в теорию и исследования. Изд. стереотип. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. — 354 с.
8. Политическая социология. Учебно-методический комплекс / Под ред. Т.В. Евгеньевой. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — 518 с.
9. *Бодрунова С.С.* Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2012. — № 3. — С. 203–215.
10. *Глазунова С.А.* Нетократия: власть в информационном обществе // Власть. — 2012. — № 7. — С. 67–70.
11. *Лазарсфельд П., Мертон Р.* Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: Хрестоматия. — М., 2002. — С. 138–149.
12. *Лассвелл Г.* Структура и функции коммуникации в обществе // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: Хрестоматия. — М., 2002. — С. 131–138.
13. *Семишова Е.П., Семина В.С.* Средства массовой информации в культурном процессе современности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2009. — № 2 (70). — С. 74–80.
14. *Соловьёв А.И.* Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 2. — С. 124–132.
15. *Цвынар К.М.* Средства массовой информации в современной культуре: информация и просвещение или манипуляция? // Политическая концептология. — 2015. — № 2. — С. 97–108.

ГЛОБАЛИЗМ И АНТИГЛОБАЛИЗМ: КАК ДВЕ ПАРАДИГМЫ РАЗВИВАЮТ ВЗАИМНЫЙ КОНФЛИКТ С ПОМОЩЬЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ И МИФОВ

Аннотация

После произошедших в 2015–2016 гг. нападений на женщин в Кельне и терактов в Европе и США конфликт глобалистского и антиглобалистского движений вышел на качественно новый уровень. Кризис глобализма, наметившийся благодаря проблемам социально-политического характера, продолжает набирать обороты, в то время как вместо поиска оптимального решения власти западных стран предпочитают стратегию наклеивания ярлыков на одну из сторон конфликта. Так как видно, что стратегия продолжает быть популярной, а отношения двух сторон только ухудшаются, общество западного мира находится в опасности начинающегося хаоса. Свой вклад в развитие конфликта привносят ангажированные мифы, нацеленные на политическое уничтожение врага. В настоящем исследовании мы предлагаем проанализировать составляющие, благодаря которым конфликт двух идеологий продолжает обостряться, — это дискурс-анализ политических образов конфликтующих, а также политических мифов, которые сформировались благодаря идеологической конфронтации.

Ключевые слова: глобализм, антиглобализм, конфликт, политические образы, политические мифы, национализм, глобализация.

Автор

Каратеев Дмитрий Олегович

Студент кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Неоспоримый факт, что современное понятие глобализации со времени издания знаменитого труда Т. Левитта «Глобализация рынков» сильно преобразовалось, в первую очередь из-за политики, проводимой кластером западных стран. Глобализация, или, вернее сказать, ее идеологическая составляющая — глобализм, давно вышли из системы исключительно экономико направленных процессов и теперь распространяются практически на любую сферу деятельности человека — от обыденных социальных контактов до творчества. И, несмотря на то, что современный человек получает достаточно пользы от результата деятельности запад-

но-ориентированной глобализации, тем не менее наметился достаточно явный список проблем, связанный с данной идеологией [24. — С. 37]. Все эти проблемы вытекают из двух сформировавшихся кластеров, которые мы можем отметить как кризис культурной унификации и кризис суверенитета.

Насчет первого мы можем сказать, что результатом данного кластера проблем становится в первую очередь потеря понятия о собственной идентичности простым обывателем. Одна из тех точек опоры, про которую писал Э. Фромм в своей философской работе «Бегство от свободы», а именно — принадлежность к нации как четко очерченному кругу своих, выбивается

из-под ног огромного слоя социума — среднего класса. При этом ему в качестве полноценной духовной замены ничего не дается, сформировавшаяся пустота заполняется лишь набором материальных суррогатов. Это приводит к сублимации среди огромного количества людей, представляющих совсем уж разные нации; она приобретает вид агрессии, страха за отчизну, страха за потерю исторической и культурной уникальности, с которой мог бы себя связать тот или иной обыватель, что в конечном счете консолидирует друг с другом все большее и большее количество людей, восстающих против режима, поддерживающего глобалистские воззрения.

Также очень важной является проблема глобализма, возникающая тогда, когда речь идет о степени самостоятельности государств или определенных политических институтов, которые никак не могут использовать весь свой инструментарий воздействия на определенный круг своих проблем без включения в это дело сторонних — наднациональных — институтов. Уходя из сферы этико-философских проблем в стан социально-политических, она начинает распространяться на всех политических акторов, включенных либо прямо, либо опосредованно в управление страной. Касается это не только представителей трех ветвей власти, но и упомянутого нами выше среднего класса, так как кризис современных глобализационных процессов и перипетии демократической парадигмы, превращающиеся в краеугольный камень всего процесса управления, не могут выносить за скобки их собственные проблемы, касающиеся экономических, культурных и социальных аспектов современной жизни.

Глобализм трактуется в качестве определяющего принципа подхода к формированию, организации, функционированию и развитию мира как целостной экономической, социокультурной и политической суперсистемы

[5. — С. 20]. Однако на деле его сторонники упускают из вида тот момент, что в любом случае новорожденной системе будет необходим четко структурированный управляющий механизм, который при этом сможет удовлетворять потребности каждого игрока политической арены, при этом лавируя между разницей уровня их культурного, социального, экономического и политического развития, а также между противоречиями с другими акторами этого супернового единого пространства. Естественно, такого механизма просто не может существовать. Или же, что нам зачастую показывает практика, он может быть весьма условным, так как если какую-то группу акторов будут удовлетворять объединяющие экономические правила, то других могут не устраивать единые социальные и культурные ценности.

Порожденные глобализацией кластеры проблем приводят в движение дисбаланс мирового порядка, что не может не сказаться на стабильности в регионах. В итоге мы можем наблюдать, как начинают консолидироваться и поляризоваться две популярные силы, доводящие споры о полезности глобализации до известных крайностей. Под этими силами мы имеем в виду сторонников глобализации и ее ярых противников — антиглобалистов. Данный конфликт не может иметь продолжения без набора определенных инструментов, которые смогут закрепить позицию и тех, и других представителей, переманить на свою сторону сомневающихся и выставить идеи противоположной стороны в дурном свете. На помощь этим конфронтующим приходят ангажированные мифы, идеологически нацеленные не только на формирование негативного образа противника, но и несущего в себе роль «срывателя масок», способного (по крайней мере в теории) пролить свет на заблуждения соперников и переубедить их занимать ту позицию, на которой они так упорно продолжают

стоять. Также важным аспектом являются сформированные образы представителей двух лагерей, так как их анализ необходим для установления причины столь сильного расхождения во взглядах.

* * *

Безусловно, сложно в данном контексте выделить то, за что именно выступает глобалистская парадигма — здесь также можно говорить о таких процессах, как вестернизация, унификация, интернационализация, интеграция [12]. Однако, если отойти от этико-философских взглядов на данные феномены и рассматривать кризис глобализации через призму социально-политических процессов, не возникнет сомнения, что здесь определение глобализации как концентрации всех противоречий между определенными силами будет выступать как нечто объединяющее все вышеперечисленные процессы по причине невозможности выделения какой-либо из них без связи с идеологией глобализма. Однако возникает другая проблема — как именно выделить проблематику ситуации в контексте глобализационных процессов, связанных непосредственно с социально-политической парадигмой? На самом деле, это достаточно просто, если мы рассмотрим два образа индивидов, каждый из которых будет являться цельным представителем своего лагеря, то есть образ глобалиста и образ антиглобалиста. К примеру, как бы мы могли охарактеризовать человека, стоящего на важности ценностей глобализации и ратующий за ее исключительную пользу?

1. Политические образы глобалистов и антиглобалистов. Несмотря на то, что обычно приходит на ум образ не очень зрелого романтика, идеализирующего мир и полусформированный набор своих ценностей, далеко не всегда лагерь глобалистов составляют исключительно подобные индивиды. Социальные и политиче-

ские аспекты, которые предполагают формирование положительного образа защитника глобалистских идей, накладывают отпечаток своего влияния на определенную группу людей, которая может быть более восприимчива к переменам в системе ценностей. Это касается не только подростков или зрелых молодых людей, возводящих представления о справедливости в абсолют, но и тех людей, которые когда-то, например, столкнулись с агрессивной государственной репрессивной аппаратурой. В частности, приходит на ум серия студенческих волнений в Европе и Северной Америке в 1968 г. По сути, этот момент истории можно назвать первой политической конфронтацией людей, которые стали как бы предшественниками современных глобалистов и антиглобалистов — мы имеем в виду неконформистов и консерваторов. Обозначившийся пятьдесят лет назад социальный кризис в отношении отцов и детей спровоцировал то, что сейчас приобретает качественно иной характер. Тем не менее заметим, возвращаясь к образу современного глобалиста, что он почти ничем не будет отличаться от человека, стоящего на позициях неконформизма 1960-х гг., который также против военных действий и проявления агрессии (насилие возможно только как инструмент подавления уже проявившейся агрессии) стоит на позициях необходимости слияния культур и почти всегда положительно относится к концепции плавильного котла, выступает за равные с основным населением права для иностранцев и такую же равную поддержку в сфере социального обеспечения. Глобалист готов отстаивать любые права человека, если они не идут вразрез со свободами каких-то групп, определенных как меньшинство (однако чаще всего достаточно больших; таких, которые могли бы создать ажиотаж в мире). Является персоной, не считающей институт семьи особенно важным, но

при этом защищающей права женщин, секс-меньшинств, людей другой расы и религии, отличной от той, что в большинстве представлена в определенной стране.

Например, если мы взглянем на характер протестов, проводившихся (по большому счету, продолжающихся) против избранного в ноябре 2016 г. президента Д. Трампа, то увидим, насколько общий портрет протестующего будет похож на тот, что был предложен выше. Одной из самых крупных из последних акций был протест 29 июня 2018 г., организованный членами движения «Марш женщин» и Центром народной демократии. Митингующие выступали против политики нулевой толерантности в отношении нелегальных мигрантов, которой придерживается Трамп [3]. На одном из самых крупных митингов против избранного президента 21 января 2017 г. наиболее популярными лозунгами на транспарантах были: «Равенство для всех», «Уважение ко всем», «Я поддерживаю права иммигрантов», «Жизни черных тоже в счет» [2]. В Лондоне многотысячные протесты сопровождались криками «Нет расизму, нет Трампу», «Уважай права человека» и подобными [4]. Учитывая тот факт, что данные выступления проходили не только в США, но и в других странах мира, можно быть уверенным, что зафиксированный образ глобалиста может быть релевантен в отношении всех представителей — защитников глобалистских идей.

Также немаловажной, хоть и с определенными оговорками, чертой является холодность к концепции капитализма, которая если и приемлема для большинства глобалистов, то только с некоторыми нюансами, согласно которым рынки хоть и не должны иметь барьеров, тем не менее обязаны регулироваться государством в известной степени для того, чтобы не допустить краха мировой экономики и не повторить ситуацию Великой депрессии, когда нестабильность на рынке в большей

степени ударила по самым социально незащищенным классам. Но, конечно, необходимо уточнить, что последний пункт является яблоком раздора для большинства глобалистов, часть из которых по причине несогласия с вышеуказанной позицией, выделяются из общего стана глобалистов, становясь своеобразными экономическими глобалистами. Но так как мы рассматриваем проблему через призму социально-политического дискурса в отношении глобализации, данное описание достаточно справедливо относится к группе глобалистов.

Что же касается второго лагеря, то тут мы можем спокойно полагаться на образ консерватора. Конечно, можно сказать об определенных различиях некоторых аспектов консерватизма в разных странах, но, тем не менее, воздерживаясь от упущения социально-политических аспектов, мы можем утверждать, что консерватор в любой стране мира будет за традиционные семейные ценности, предполагающие нуклеарную модель построения семьи и патриархальные отношения внутри нее. Также он стоит на позиции коллективности, так как среди многих консервативных семей существует предположение, что без связей никто не сможет построить достойную карьеру. Этому человеку будет свойственно поддерживать национальную культуру и концепцию сильного, автономного государства, которое всегда будет иметь достаточно сил, чтобы самостоятельно проводить свою политику, защищать свой народ от различных колебаний и агрессии и популяризировать свои культурные ценности для создания благопристойного образа представителя страны, кем собственно и является наш описанный консерватор-антиглобалист. Также этот человек будет ратовать за экономическую стабильность государства, что отчасти предполагает опаску в отношении излишней открытости рынков сбыта товаров и услуг, ведь любое недовольство повышением цен

на необходимый для производства товара материал, ростом налогов, инфляцией, ростом ставки по кредитам и другие составляющие спровоцируют поиск антрепренерами новых мест для своего бизнеса, что ударит и по уровню инфляции, и по количеству рабочих мест. И, пожалуй, самое актуальное его отличие от глобалиста состоит в том, что антиглобалист по большому счету крайне не согласен с проводимой сегодня в большинстве развитых стран политикой в отношении мигрантов.

В качестве примера можно привести серию митингов в Германии против миграционной политики, волна которых была спровоцирована дерзкими нападениями беженцев на девушек в Кельне в 2015 г. Несмотря на множество мелких стычек немцев с приехавшими мусульманами до того, именно оно стало крупным колом, вбитым в отношения глобалистов и антиглобалистов на уровне обывателей не только в Германии, но и по всему миру. Демонстрация того, что бежавшие от ужасов войны на самом деле не менее страшные в своих поступках, чем сама война, доказало большому количеству антиглобалистов правильность избранного ими идеологического пути [16].

Также очень показателен пример антиглобалистского митинга против съезда саммита G20 в 2017 г. Множество людей, находящихся на площадях и улицах Гамбурга, выступали против постепенного стирания границ между национальной и наднациональной политикой как в Германии, так и по всему миру. «Я просто хочу выразить солидарность с угнетенными людьми, продемонстрировать свою поддержку. Я призываю к тому, что нам нужно больше распределения власти», — поделилась мыслями одна из протестующих [7]. Также в акции участвовали люди, считающие, что G20 помогает стимулировать экономический рост в развивающихся странах, что правильно, но воплощать это необходимо менее

агрессивным в плане национальной политики путем [7].

Вышеописанные отличия антиглобалистов от глобалистов дают вторым своеобразное преимущество перед первыми в борьбе за группу сомневающихся, так как позволяет заявить о нетерпимости, природной злобе и ксенофобии, свойственной антиглобалистам, хотя по сути оба образа не являются чем-то из ряда вон выходящим и ничем не провоцируют отрицательное отношение к себе. Подобный взгляд глобалистов порождает достаточно прогрессирующие подрывные мысли, относительно группы людей, потенциально опасных для всего общества, особенно в той парадигме, которая как бы заявляет свои претензии на статус основной формы социальных и политических отношений. Ведь если среди наших друзей, родственников, знакомых и коллег, которых мы допускаем в свой близкий круг общения, окажутся индивиды-антиглобалисты, способные дискриминировать и даже применять насилие в отношении кого-то из представителей социума, то у нас начинается зарождающееся сомнение в пользе общения с подобного рода людьми. А в некоторых случаях это сомнение перерождается в панический страх перед подобной гипотетической ситуацией — ведь от такого человека всегда можно ожидать агрессивных действий уже по отношению к нам, то есть, в данном контексте, к своим. Это приводит к росту уровня атомизации и закрытости внутри общества, что также ничего полезного в стабильность функционирования социума не привносит.

По итогу в социуме появляется серьезная, практически животная предосторожность, способствующая не объединению людей, как того, по логике вещей, желают глобалисты, а разъединению и все большему отдалению друг от друга, что, в свою очередь, порождает страшную опасность роста вседозволенности как со стороны на-

циональных институтов, так и наднациональных, все больше и больше получающих власть, полномочия и инструменты воздействия на умы и души самых обычных представителей социума. Это утверждение больше относится к представителям глобализма, так как отображенный образ, продемонстрированный через призму определенных действий, показывает, насколько действительно эти люди оторваны от реальности. Они видят опасность только в чересчур сильной силе национального государства, не видя при этом, насколько развращены и мощны сейчас наднациональные институты. Признание того факта, что романтические идеи всеобщего мира, дружбы и наивное стремление к полному исчерпанию конфликта не могут на практике дать какое бы то ни было решение кризиса глобализма, оборачивается поиском виноватого, роль которого если еще несколько лет назад играло государство, то сейчас играют именно антиглобалисты только по причине их категорического несогласия с размыванием понятий «нация», «родина», «чуждая культура» и т.д.

В свою очередь, антиглобалисты, получившие в наследство от своих отцов и матерей-консерваторов приземленность и зашоренность, не могут порой понять, что в том виде, в котором когда-то понималась нация, перестала существовать, и что действительно необходимо искать компромиссы в ситуации, когда в твою страну хотят приехать чужие со своим набором культурных ценностей. Однако, надо признать, что последние более трезво оценивают обстановку в своих странах и далеко не всегда начинают проявлять агрессию только лишь по причине инаковости. Возникает вопрос в балансе культурных проявлений, так как действительно можно найти множество тех обычаев в среде чужих, за которые в нормальном обществе, где главенствует закон и право, могут дать срок в тюрьме, как, например, за традицию

удаления клитора девочкам в некоторых мусульманских странах.

2. Политические мифы. Теперь же рассмотрим политические мифы, представленные обеими сторонами конфликта.

В ночь с 25 на 26 августа 2018 г. на востоке Германии в городе Хемнице произошла массовая драка с участием людей разных национальностей. В результате трое немцев были ранены ножом, один из них, 35-летний Д. Хиллиг, погиб [6]. Из-за чего возник конфликт, точно не известно. В соцсетях и местных СМИ появлялась информация о том, что мигранты приставали к женщинам и это спровоцировало драку, но полиция опровергает такую версию. Через какое-то время были задержаны двое подозреваемых — 22-летний выходец из Ирака и 23-летний сириец. Данные о задержании мигрантов быстро распространились в соцсетях, и уже в воскресенье вечером в центре Хемница собрались около 900 человек. Данная ситуация не является чем-то из ряда вон выходящим для Германии. Подобную реакцию у простых немцев вызывали и террористические акты в Берлине, Дортмунде и Гамбурге, и очередные проекты по созданию новых лагерей для беженцев, и нашумевшее в 2016 г. вышеупомянутое массовое нападение на женщин в Кельне. Однако можно утверждать, что ситуация перешла Рубикон, так как до сего момента нападения и теракты со стороны исламистов и обычных беженцев происходили в Западной Германии. Восточная же Германия все время оказывалась в стороне, даже несмотря на то, что правые движения, в том числе и радикальные, больше поддерживаются именно в этой части страны. Поэтому ситуация с беженцами в стране становится еще более разбалансированной, так как обратная агрессия со стороны восточных немцев может привести в действие бомбу, готовую взорвать хлипкий мостик между двумя лагерями немцев — защитников и противников

беженцев. В итоге две стороны, стоящие за и против политики Меркель, начинают искать виноватого путем расклеивания ярлыков и создания мифов, которые смогут отвлечь людей от решения проблемы.

На фоне этой картины очень ярко выделяется выступление официального представителя Федерального канцлера Ш. Зайберта, который осудил «сборища» в Хемнице, сказав, что митингующие начали «охоту на людей другой внешности и другого происхождения и пытаются распространить на улицах ненависть» [25]. Учитывая то, что возмущенные так всполошились из-за представителя другой национальности и имеющего другую внешность — Д. Хиллиг имел кубинские корни, и, судя по темному цвету кожи, погибший не особо был похож на типичного немца [18], — вышеприведенное заявление кажется не только абсурдным, но и варварским в отношении людей, которые избирали начальника высказавшегося чиновника.

Подобная риторика государственных деятелей Германии, продолжающих поддерживать зашедшую в тупик политику в отношении мигрантов, выводит конфликт глобалистов и антиглобалистов на новый, весьма радикальный, уровень. В глазах обычного гражданина не только в Германии, но и во всем мире недовольные вседозволенностью и агрессией мигрантов превращаются в тех, кого называют разжигателями. Также можно вспомнить митинги против немецкой правоориентированной партии «Альтернатива для Германии», прошедшие в Берлине после выборов в Бундестаг в сентябре 2017 г., где митингующие скандировали: «AfD — шайка расистов», «Пропаганда нацизма не имеет права на существование», «Расизм — не альтернатива», а также: «Беженцам здесь рады», «AfD — фашисты», «Нацистские свиньи» и нецензурное «F**k AfD». Активисты даже не чурались показывать средние пальцы в сторону ультраправых [10]. Поэтому, пожалуй,

самым главным мифом, порожденным лагерем глобалистов, является утверждение, что все те, кто выступают против современного миропорядка, являются фашистами или нацистами. Но так ли это на самом деле?

Если говорить о терминах «фашизм» и «нацизм», то, сравнивая с действиями тех же протестующих против глобализации, корреляции между ними и сложившейся конфронтационной ситуацией нет в принципе. Ведь по сути за что выступают эти протестующие? Они против стирания границ и превращения мира в единое общество, управляемое из одного центра в интересах транснациональных корпораций или национальных властных институтов. Они — за многообразие культур, за сохранение языковых, национально-культурных различий между народами, за сохранение ими своей идентичности, за сохранение границ, за сохранение независимости национальных экономик и против всяких торговых стандартов, которые возводят перед мелкими производителями непреодолимые преграды [14]. Конечно, если мы присмотримся к самой протестной деятельности, то увидим некоторые перегибы. Например, в Висмаре, неподалеку от Хемница, несколько человек из стана националистов атаковали выходца из Сирии — они толкали его и наносили удары, выкрикивая ксенофобские лозунги [8].

Однако подобное поведение свойственно не только антиглобалистам. Лидеры Antifa (антифашистское движение) признаются, что готовы применять насилие и физически атаковать любого, кто выступает против них или потворствует расизму, так как данная сила используется во имя искоренения ненависти [20]. В 2016 г. после региональных выборов в Мюнхене на представителей партии «Альтернатива для Германии» было совершено нападение со стороны Antifa. Пресса впоследствии подала эту драку как нападение крайне правых на антифашистов [11]. Тем не

менее мы видим только однобокий взгляд со стороны немецких властей на сложившийся конфликт. Министр иностранных дел Х. Маас после нападения на немцев в Хемнице заявил, что «подавляющее большинство немцев являются космополитическими и терпимыми, но пока порядочные люди молчат, голос расистов будет сильным и громким. Мы должны показать миру, что мы, демократы, большинство, а расисты — меньшинство. Безмолвное большинство должно, наконец, стать громче» [22]. Так что, если мы говорим о нацизме и фашизме через призму насилия и провокации агрессии, то и с той, и с другой стороны существует множество примеров взаимных стычек, которые неоднократно оканчивались и серьезными травмами, и даже смертью [13]. К тому же, учитывая степень влияния власть имущих Германии через национальные СМИ и степень пропаганды в них, то можно засомневаться, действительно ли именно антиглобалисты используют методы авторитарных режимов в продвижении своих мировоззрений. К примеру, в газете «Der Spiegel» подчеркивалось, что песня, в которой последние строки были: «Процветай, любимая германская родина!», можно с уверенностью назвать «нацистским лозунгом митингов Хемница» [26]. А канал ZDF выпустил материал, в котором утверждалось, что двое мужчин на митинге, собравшем около 900 человек, вскидывали руки в нацистском приветствии, что позволило первым окрестить весь митинг нацистским [27].

В плане идеологии, конечно, можно утверждать, что антиглобалисты, многие из которых представлены и радикальными националистами тоже, слишком ретивы в своем рвении избавиться от притока беженцев. Но если посмотреть на протесты правоориентированных сил (кроме самых радикальных, как, например, Национал-социалистическая партия Германии или Хорватское освободительное движение), мы не

увидим ни нацистских лозунгов, призывающих к физическому уничтожению чужих, ни каких-либо выражений сочувствия к нацизму и фашизму времен Гитлера и Муссолини, никаких цитат из трудов видных теоретиков фашизма и нацизма, никаких портретов или символов, отсылающих к тем режимам. Также стоит подчеркнуть, что у нынешних правых движений в Европе типа той же «Альтернативы для Германии», ПЕГИДА или Шведских демократов нет каких-либо предпосылок к созданию систематизированной ксенофобной идеологии. Только лозунги, программы партий и иной взгляд на решение наметившихся проблем. Так, например, в программе «Альтернативы» можно найти критику ислама и мусульман, но только лишь в ключе того, что идет, по их мнению, «навязывание мысли со стороны как внутренних, так и внешних акторов, что особенности мусульман являются неотъемлемой частью немецкой культуры», с чем они в корне не согласны [21].

Одним из ярких мифов, касаемых сферы критики глобализма антиглобалистами, пожалуй, можно назвать миф о главной роли США в формировании и управлении процессами глобализации, а потому и все глобалисты, так или иначе выражающие целесообразность подобных стремлений гегемона, являются продажными марионетками последнего. Безусловно, многие предпосылки говорят нам о том, что Соединенные Штаты являются идейными вдохновителями данной парадигмы. Однако верно ли утверждать, что эта страна наперекор интересам своих партнеров навязывает отдельные аспекты глобализации другим народам и следит за исполнением только своих предпочтений? И справедливо ли утверждать, что при этом часть этих самых народов готовы предать даже свои связи с родной и с близкими для извлечения уже какой-то своей личной выгоды?

Отбросив антиглобалистские стереотипы, мы увидим, что в реальности в

протестных акциях, имеющие хотя бы небольшие связи с идеями глобализма, участвуют обычные люди разных возрастов, разных национальностей и ничем не отличаются от тех граждан, которые стоят по другую сторону баррикад. Если мы посмотрим фотографии с митингов против Трампа в Лондоне, а также с других митингов в поддержку глобалистских воззрений, мы не увидим хоть единого кардинального отличия, которое бы говорило о какой-либо разнице между ними и сторонниками антиглобализма [17; 23]. Обе стороны выходят с национальными флагами. Обе стороны, пользуясь преимущественно демократическими методами, пытаются отстоять свои права. Также как во всех существующих движениях, не обошлось и без паршивых овец в стадах.

Если мы посмотрим на статистику подготовленных, сорванных и совершенных терактов в Германии, то представители праворадикальных групп (большинство из которых зачастую представляют антиглобалистскую повестку) за последние 12 лет были замечены в 15 подобных случаях, в то время как леворадикальные (чаще примыкающие к стану глобалистов) — в 50 случаях [19. — С. 48–53]. В то же время в ноябре 2011 г. была раскрыта террористическая группировка «Национал-социалистическое подполье», члены которой с 2000 по 2007 г. совершили несколько убийств лиц с миграционным прошлым [1. — С. 24].

Касаясь избитой мысли о том, что несогласные просто являются «продажными подстилками Америки», тут мы ничего сказать прямо не сможем, ибо подобные мысли уходят далеко за пределы социально-политического дискурса, превращаясь в извращенную модель конспирологических теорий. Тем не менее, как бы ни вели себя люди, не относящиеся напрямую к политическому истеблишменту, важно в контексте выбранного нами мифа рассмотреть непосредственно поведение

сторонников глобализации в верхах управления стран Европы и США. Пожалуй, самой влиятельной подобной фигурой является известный сторонник глобализации — Д. Сорос. Он так высказывался о глобализационных процессах: «Глобализация принесла огромные блага. Государственное вмешательство в экономику никогда не было особенно эффективным; кроме того, государство склонно злоупотреблять своей властью. Глобализация открыла людям новые возможности для новаторства и предпринимательства и ускорила глобальный экономический рост. Но у глобализации имеются и негативные аспекты. Во-первых, она предрасположена к кризисам; во-вторых, она усиливает неравенство между богатыми и бедными как внутри стран, так и между ними; в-третьих, она вызывает неправильное распределение ресурсов между частными и государственными интересами» [15]. Также добавляет Сорос, что именно администрация Буша начала комбинировать рыночный фундаментализм с «гегемоническим» и односторонним представлением о роли Америки в мире [15]. То есть мы можем наблюдать за тем, как одна из главных фигур идеологии глобализма старается трезво оценить как возможные минусы процессов глобализации, так и степень влияния на эти процессы Соединенных Штатов. Далее в своей работе «Тезисы о глобализации» финансист продолжает развивать свои мысли по поводу растущей роли США: «Главной резервной валютой является доллар, а все существующие международные финансовые учреждения находятся под влиянием США и других стран, образующих центр международной рыночной системы. Именно они определяют политику. Они принимают во внимание происходящее во всем остальном мире, но их первейшей заботой является обеспечение стабильности и процветания у себя дома. Это предоставляет центральным странам громадное преимущество» [15]. Следуя

из взгляда Сороса на существующий порядок, Америка действительно является не только вдохновителем и духовным образчиком глобализма, но и основным актором, обеспечивающим управление подобного рода процессами. Конечно, как защитник глобализации Сорос продолжает настаивать на полезности этих действий, подчеркивая способности США через призму собственных выгод создавать необходимые условия и для того, чтобы страны-партнеры заокеанской державы чувствовали себя довольными. Однако, как мы видим это не только в Европе, но и в других частях света, далеко не всегда находятся политические силы, согласные с этими доводами, что автоматически нарушает логику мыслей финансиста, так как количество недовольных существованием данной экономической и геополитической модели продолжает расти. Даже если отталкиваться от того, что Сорос, будучи финансистом и меценатом, имел в виду только лишь экономическую целесообразность вышеописанного расклада, то тут, конечно, все действительно более благообразно. Однако с постепенным снижением темпов роста экономики стран «большой семерки» и агрессивной экономической экспансией Китая через несколько десятков лет мы увидим, насколько нестабильной может стать подобная система из-за безграничного доверия управлением процессами глобальной экономики по сути только одной стране, причем уже сейчас имеющей внутренние противоречия почти по каждому вопросу [9].

В связи с этим логично предположить, что раз США как самый главный актор в формировании и управлении глобалистским дискурсом заинтересованы как можно дольше проводить подобную политику по причине банальной экономической выгоды, значит, они будут воплощать эту идею и в других сферах жизнедеятельности социума, так как для поддержки

актуальности и целесообразности таких экономических отношений им нужно продвигать все глубже и все более агрессивней подобные идеи на социальном и культурном уровне. Это порождает те кластеры проблем, о которых мы говорили в самом начале, то есть кризис культурно-национального размытия и кризис суверенитетов по всему миру. Наднациональные институты внедряются в социально-политические аспекты жизни, и, по причине своей принадлежности более к идеям глобализма, нежели к идее соблюдения выгод тех стран, на которые они могут претендовать (естественно, в голове даже на самом обыденном уровне будет возникать знак равенства между интересами глобализма и интересами США), постепенно разрушают или, по крайней мере, размывают деятельность и роль национальных институтов, находящихся в тех же странах. К тому же мы сталкиваемся с некоторым идеологическим парадоксом, так как глобализм, воплощающий в том числе и расширение социальных, политических прав обычных граждан посредством доступа к исключительным данным и способностью быстро реагировать на какие-то события с помощью социальных сетей и Интернета, нивелирует демократические принципы благодаря все большей передаче полномочий наднациональным институтам, деятели которых, в отличие от национальных, далеко не всегда проходят процессы избрания на выборах, обсуждения кандидатур и легитимации. С культурно-национальной стороны мы также можем видеть, как ценности, свойственные определенным европейским нациям, такие как уникальный язык, искусство, традиции, наряды, кинематограф и др. постепенно замещаются изделиями, которые порой не отличишь от своих американских оригиналов. Все это продолжает разрушать построенную после Второй мировой и усовершенствованную после распада социалисти-

ческого лагеря модель стабильности в западных обществах на строгих основах глобализации, добавляя к политическим противоречиям на уровне государственного управления еще и проблемы с все более радикализируемым и поляризующимся конфликтом между глобалистами и антиглобалистами как на уровне все тех же политиков и экономистов, так и на уровне простых обывателей.

Миф со стороны антиглобалистов в отличие от мифа с противоположной стороны больше отвечает законам логики. Однако, держа в голове подлинную роль обоих мифов, мы действительно сталкиваемся с тем, как подобные взаимные уколы никак не могут привести обе стороны к консенсусу или приблизить нас к объективной правде; они только лишь распалют огонь ненависти, продолжая отдалять друг от друга как конфликтующие стороны, так и обычных людей в социуме многих стран, где даже родные друг другу люди становятся чужими из-за подобных столкновений.

* * *

Образы и мифы, рассмотренные нами в этой статье, отразили суть отношений между двумя лагерями — глобалистов и антиглобалистов. Учитывая предложенные выше нюансы и те подходы, которые предлагаются сторонами для решения накопившихся проблем, можно сказать, что обе стороны никогда не смогут полностью уничтожить позиции друг друга. Также, отбрасывая идеалистические сценарии дальнейшего развития событий, нельзя утверждать, что в ближайшее время нас ждет какой-либо консенсус между этими конфликтующими. Однако резкий поворот навстречу друг другу — это то, что по-настоящему способно приостановить падение мирового сообщества в пропасть хаоса.

Примеры США и европейских государств очень явно демонстрируют, что

образы и мифы, которые подарили нам глобалисты и антиглобалисты, полезны только лишь своей наглядностью — практическое значение имеет лишь критический взгляд на идеологии обеих сторон конфликты. Мы видим правых и виноватых как в среде националистов, не желающих видеть, как тонет в безумном количестве мигрантов их страна, так и в лагере социалистов, не приемлющих ни в каком виде ту агрессию, с которой они сталкиваются в жизни. Важным в означенном конфликте может только взаимное принятие друг друга, проявлению которого должны способствовать национальные власти этих стран: налаживание диалога, способного открыть всем сторонам возможность выхода из наметившегося патового положения дел. Конечно, мы не раз подчеркивали падение политической силы национальных институтов и рост влияния не всегда заинтересованных в национальных проблемах (приобретающих, однако, далеко выходящие за пределы границ государств размах) наднациональных институтов и транснациональных корпораций. В этом проявляется одна из самых слабых и одна из самых серьезных брешей идеологии глобализма, так как наднациональные институты далеко не всегда отвечают идеальной модели беспристрастности и объективности в отношении дел определенных стран. Но так как в данной статье не подразумевалась критика указанной идеологии, мы можем сказать, что властные силы, которые зачастую закрывают глаза на этот равный конфликт, рассматривая под микроскопом поведение лишь одной стороны и награждая ее целым рядом ярлыков, обязаны отказаться от подобной политики и начать прислушиваться к тем проблемам, о которых заявляют обе стороны. Особенно, если данный конфликт дошел до точки кипения и очень скоро будет способен расколоть мир на два уже не просто враждующих, а воюющих лагеря.

Литература

1. Антонов А.Е. История становления и развития Национал-Демократической партии Германии [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «CyberLeninka». — 2012. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-razvitiya-natsional-demokraticheskoy-partii-germanii> (дата обращения: 27.09.2018).
2. Богдановский А. В Вашингтоне после инаугурации Трампа проходят массовые протесты [Электронный ресурс] // РИА-Новости. — 2017. — URL: <https://ria.ru/world/20170121/1486213952.html> (дата обращения: 19.09.2018).
3. В Вашингтоне арестованы сотни протестующих против Трампа [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Корреспондент.net». — 2018. — URL: <https://korrespondent.net/world/3985038-v-vashynhtone-arestovany-sotny-protestuuischykh-protiv-trampa> (дата обращения: 21.09.2018).
4. В Лондоне продолжаются многотысячные протесты против визита Трампа [Электронный ресурс] // МТРК «Мир». — 2018. — URL: <https://mir24.tv/news/16313698/v-londone-prodolzhayutsya-mnogotysyachnye-protesty-protiv-vizita-trampa> (дата обращения: 19.09.2018).
5. Грачев Н.И. Политическая глобализация и государственный суверенитет [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «CyberLeninka». — 2012. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-globalizatsiya-i-gosudarstvennyy-suverenitet> (дата обращения: 20.09.2018).
6. Жданова Н. На востоке Германии в драке с мигрантами убили немца. Ультраправые два дня митинговали с требованием «защитить Европу» [Электронный ресурс] // Meduza. — 2018. — URL: <https://meduza.io/feature/2018/08/28/na-vostoke-germanii-v-drake-s-migrantami-ubili-nemtsa-ultrapravyye-dva-dnya-mitingovali-s-trebovaniem-zaschitit-evropu> (дата обращения: 26.09.2018).
7. Костив М. «Вам здесь не рады»: в Гамбурге не утихают протесты антиглобалистов [Электронный ресурс] // РИА-Новости. — 2017. — URL: <https://ria.ru/world/20170708/1498124001.html> (дата обращения: 19.09.2018).
8. Лозинская А., Королева Е. Битва в Хемнице: как немцы бунтуют против мигрантов [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Газета.Ру». — 2018. — URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/08/31/11936035.shtml> (дата обращения: 27.09.2018).
9. Мировая экономика в цифрах 2017 г. и прогноз изменений на 2020 и 2030 гг. [Электронный ресурс] // Интернет-издание «GOLOS.IO». — 2017. — URL: <https://golos.io/ru--yekonomika/@romapush/mirovaya-ekonomika-v-cifrakh-2017-g-i-prognoz-izmenenii-na-2020-i-2030-gg> (дата обращения: 28.09.2018).
10. Нецензурные лозунги и средние пальцы: в Германии сотни демонстрантов протестуют против ультраправых [Электронный ресурс] // Украинская служба новостей — ТСН. — 2017. — URL: <https://ru.tsn.ua/svit/necenzurnye-lozungi-i-srednie-palcy-v-germanii-sotni-demonstrantov-protestuyut-protiv-ultrapravyyh-936148.html> (дата обращения: 22.09.2018).
11. Никифорова В. Выборы в Германии плавно перетекают в восстание антифашистов [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд». — 2017. — URL: <https://vz.ru/world/2017/9/25/888355.html> (дата обращения: 27.09.2018).
12. Петров П.А. Концепции глобализации в социальной философии [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «CyberLeninka». — 2018. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-globalizatsii-v-sotsialnoy-filosofii> (дата обращения: 13.09.2018).
13. Прусенкова Н. Война вышла из подворотен [Электронный ресурс] // Новая Газета. — 2017. — URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/09/20/73910-voyna-vyshla-iz-podvoroten> (дата обращение: 27.09.2017).
14. Пшеничников И. Антиглобалисты: нормальные ребята, но их заносит [Электронный ресурс] // РИА-Новости. — 2017. — URL: <https://ria.ru/analytics/20170707/1498077831.html> (дата обращения: 22.09.2018).
15. Сорос Д. Тезисы о глобализации [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер — Политология. — 2001. — URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/sor_tezis.php (дата обращения: 28.09.2018).

16. Хилл Дж. Нападения в Кельне: беззащитность и ярость немцев [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. — 2016. — URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/01/160110_germany_cologne_vulnerable (дата обращения: 19.09.2018).
17. Anti-Trump protests in the UK — in pictures. [Electronic source]: The Guardian News and Media. — 2018. — URL: <https://www.theguardian.com/us-news/gallery/2018/jul/13/anti-trump-protests-in-the-uk-in-pictures> (Accessed: 22th September 2018).
18. Daniel Hillig // Geller Report [Electronic source] — 2018. — URL: [https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2018-tesat-2018](https://www.google.ru/search?q=%D0%94%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8D%D0%BB%D1%8C+%D0%A5%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B3&newwindow=1&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwioyumm597dAhW0o4sKHQYeAdkQ_AUICigB&biw=1366&bih=626#imgrc=Vn5f9Z52sygEM: [image] (Accessed: 26th September 2018).19. European Union Terrorism Situation and Trend Report 2018 (TESAT 2018) // EUROPOL [Electronic source]. — 2018. — URL: <a href=) (Accessed: 20th September 2018).
20. Ganim S., Welsh C. Unmasking the leftist Antifa movement // CNN News. [Electronic source]. — 2017. — URL: <https://edition.cnn.com/2017/08/18/us/unmasking-antifa-anti-fascists-hard-left/index.html> (Accessed: 27th September 2018).
21. Grundsatzprogramm von die Partei // AFD Webaufttritt. [Elektronische ressource]. — 2017. — URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afdgrund-satzprogramm_russisch_web.pdf (behandlungsdatum: 22.09.2018).
22. Huggler J. Germans told to 'get off the sofa' and stand against far-Right violence // The Telegraph Media Group [Electronic source]. — 2018. — URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/09/02/germans-told-get-sofa-stand-against-far-right-violence/> (Accessed: 27th September 2018).
23. In pictures: 'PEGIDA' rallies in Germany // The Telegraph Media Group [Electronic source]. — 2018. — URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/picturegalleries/11340963/In-pictures-PEGIDA-rallies-in-Germany.html> (Accessed: 24th September 2018).
24. Peacock J.L. Grounded Globalism: How the U.S. South Embraces the World // The New Southern Studies. — University of Georgia Press, 2007.
25. Shubert A., Schmidt N., and Vonberg J. German government condemns right-wing rioters after protests surprise police // CNN News [Electronic source]. — 2018. — URL: <https://edition.cnn.com/2018/08/27/europe/germany-chemnitz-violence-intl/index.html> (Accessed: 26th September 2018).
26. Thelen R. Right-Wing Mob Wreaks Havoc on German City // Spiegel ONLINE. [Elektronische ressource]: — 2018. — URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/chemnitz-right-wing-riots-enter-second-day-a-1225321.html> (behandlungsdatum: 25.09.2018).
27. Weiteres Chemnitz-Urteil. Geldstrafe für Hitlergruß // ZDF-Kanal. [Elektronische ressource]. — 2018. — URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/heute/weiteres-chemnitz-urteil-geldstrafe-fuer-hitlergruss-100.html> (behandlungsdatum: 25.09.2018).

КОНСТИТУЦИОННАЯ (А)СИММЕТРИЯ: НОВЫЕ И СТАРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ¹

Аннотация

Хотя исследований по асимметричному федерализму в политической науке достаточно, существует не так много структурированных научных работ по конституционной асимметрии. Необходимо заметить, что в последнее время были проведены некоторые исследования, но проблема конституционной асимметрии по-прежнему носит эпизодический, фрагментарный характер [1. — С. 24]. Кроме того, исследования конституционных асимметрий ограничены в основном двумя вопросами. Во-первых, традиционная теория федерализма рассматривает симметрию как неотъемлемую интегративную часть федеративных государств. Во-вторых, эта теория основывает свой аргумент на федеративных многонациональных системах. Тем не менее в современной литературе подчеркивается, что традиционная теория федерализма не признает, что асимметрия является скрытой в квазифедеральных государствах².

Ключевые слова: федерация, теория федерализма, конституционная асимметрия.

Автор

Сахадзич Майя

Докторант группы государственных и правовых исследований юридического факультета Антверпенского университета (Антверпен, Бельгия)

Традиционные (симметричные) федеративные государства

Хотя Райкер утверждает, что вторая половина XX века является «веком федерализма» [2], Гибсон замечает, что «век федерализма» Райкера является менее федеративным, чем XXI век. [3]. В настоящее время 28 государств являются федерациями. Именно такое количество стран вхо-

дит в международную организацию «Форум федераций». Официально федерации объединяют около 40% населения планеты и 45% территории Земли [4. — С. 27; 5. — С. 6].

При этом большинство федеративных систем были созданы в многонациональных государствах. Наконец, некоторые из них установили конституционную асимметрию [6. — С. 7–11].

¹ Данная статья основана на ранее опубликованных работах автора на английском языке: *Sahadžić M. Federal Theory on Constitutional Asymmetries: revisited // QUEEN MARY Law Journal. 2016 — Vol. 8: Special Conference Issue. — P. 135–147; Sahadžić M. New Federal systems: multi-tiered, multinational, asymmetrical // Tijdschrift voor bestuurswetenschappen en publiekrecht. — 2017. — P. 221–232; Sahadžić M. Constitutional asymmetry vs. sovereignty and self-determination // Sui-generis. — 2017. — P. 290–302.*

Статья на русском языке публикуется автором впервые. Статья не подавалась на конкурс «Лучшая статья молодого политолога — 2018».

Данная статья является частью исследовательского проекта, финансируемого Фондом фундаментальных исследований Фландрии (The Fonds Wetenschappelijk Onderzoek — FWO).

² В качестве примера можно привести не только Бельгию, но и официально не объявленные федеративные государства: Италию, Испанию и Соединенное Королевство. См.: *Palermo F. Asymmetries in Constitutional Law — An Introduction // Asymmetries in constitutional law, recent developments in federal and regional systems. 2009.*

Несмотря на то, что конституционная асимметрия является предметом повышенного интереса только в течение последних нескольких десятилетий, эта тема ворвалась в обсуждение теории федерализма с издания в 1964 г. статьи Тарлтона о понятиях симметрии и асимметрии [7]. Тарлтон вводит понятие асимметрии через анализ взаимоотношений между субъектами федерации и центральной властью в федеративной системе. Кроме того, Тарлтон рассматривает дифференциацию между симметричной и асимметричной моделью федеративной системы как две противоположные друг другу концепции. В целом он предполагает, что под симметрией понимается степень, в которой составные части федеративного государства имеют общие черты, а, в свою очередь, составные части в модели асимметрии общих черт не имеют [7. — С. 861]. Это рассуждение соответствует концепции федеративной системы в традиционной теории федерализма. Описание, приведенное ниже, возникло задолго до Второй мировой войны, когда федерализм понимался как скверная альтернатива унитарному государству [8, 9]. Как правило, федеративное государство представляет собой форму организации государства с двумя или равными составными единицами, одной конституцией или другим правовым актом, соответствующим конституции, одной системой управления и распределением полномочий [10. — С. 577–608; 11; 12; 13. — С. 409–412]. Исследования предполагали, что федеративное государство состоит из одинаковых в правах субъектов и они равны в своих отношениях друг с другом и с центром [14. — С. 105]. Кроме того, симметрия используется как синоним равенства, а асимметрия — как синоним неравенства [15. — С. 184].

Также традиционная теория федерализма предполагает симметрию. Предполагается, что большая симметрия означает большой потенциал феде-

рализма как подходящей формы государственной организации [7. — С. 872].

Однако в нем не содержится исчерпывающего объяснения того, почему это необходимо [16. — С. 212]. Дальнейшие исследования показывают, что традиционная теория федерализма использует симметрию как механизм интеграции [7; 17]. В частности, утверждается, что централизация является существенной чертой федеративной системы, поскольку большая симметрия означает гармонию для федеративного государства [7. — С. 871–873]. Это связано с тем, что гармоничная федеративная система не может развиваться, если она в значительной степени асимметрична [7. — С. 872–873]. Иными словами, асимметрия рассматривается как перспектива разобщенности или даже разделения составных частей [17; 18]. Таким образом, асимметрия требует от федеральной государственной власти усиления координации и принуждения в целях ослабления напряженности, связанной с асимметричными системами [7. — С. 874; 19. — С. 73]. При этом симметризация рассматривается как механизм для устранения различий в федеративном государстве [20. — С. 249].

Таким образом, симметрия воспринимается как гарантия стабильности федеративных систем. Вышесказанное показывает, что, хотя симметрия считается естественной, в то же время [16. — С. 212] она рассматривается как исключение [7. — С. 871–873; 17; 21. — С. 323].

Попытки рассмотреть эти вопросы были ограничены еще другой проблемой. Широко признано, что история большинства современных государств характеризуется усилиями ограничить национальное разнообразие в них, иногда даже с помощью недемократических методов [22. — С. 307]. Теория выдвигает идею о том, что разнообразие требует большей координации и принуждения со стороны центрального правительства для того, чтобы федеративная система продолжала

функционировать [7. — С. 874]. Как заявили МакГерри и О'Лири, так называемые национальные федералисты поддерживают идею использования федеративной системы в качестве инструмента национального строительства. Кроме того, они воспринимают ее как потенциальный механизм более централизованного унитарного государства [23. — С. 185–186].

Последние публикации подчеркивают, что традиционная теория федерализма связывает симметрию с многонациональными субъектами и процессами формирования нации [18]. И, наконец, нельзя ожидать, что такое построение федерализма позволит, по крайней мере, неэффективно решать стоящие перед ним задачи.

Современные асимметричные многоуровневые многонациональные системы

Преыдушие исследования в области федерализма были сосредоточены на изучении многонациональных симметричных типов федеративных государств [18]. Это, вероятно, коренится в скрытом этноцентризме, который отказывается признавать различные идентичности в такой модели федерализма, которая вдохновлена чисто территориальной федеративной системой США [24]. В конечном счете, исследователи редко выходили за рамки традиционного контекста теории федерализма.

Поэтому попытки применить традиционную теорию федерализма в современных федеративных системах получают значительное неодобрение¹. Современные исследователи предполагают, что традиционная теория федерализма не совсем приспособлена к современным федеративным системам. Исследователи поддерживают эту идею, подчеркивая, что одним из

слабых мест традиционной теории федерализма является то, что она во многом опирается на известные «модельные» федерации, такие как Австралия, Германия, Швейцария и США², в то же время игнорируя современный диапазон федераций [25]. Например, Обингер отмечает, что в последнее время федеративные системы в основном являются «раздробленными» государствами [26. — С. 8], такими как Босния и Герцеговина, Бельгия, Испания, Италия, Соединенное Королевство и т.д. Эти государства, как представляется, разрабатывают новые федеративные формы [27]. В соответствии с этим Тьерни отмечает, что современные субнациональные образования бросают вызов ненациональному понятию федеративного государства с их конституционной повесткой дня, которая способствует приспособлению многонациональности [28], в частности через различные уровни управления.

Несколько ученых взяли на себя задачу доказать, что федерализм особенно восприимчив к государственной организации, а также, что он является универсальным, когда речь идет о приспособлении к новому контексту (контекстам) [29]. По существу, Попелиер занимается динамичным подходом Фридриха к федерализму, который идентифицирует федерализм с процессом [30], показывая, что нет необходимости определять, является ли система «действительно федеративной», чтобы быть включенной в сравнительный анализ из-за постоянных требований автономии субнациональных уровней [31]. В частности, Уоттс указывает на то, что современные федеративные государства приняли многоуровневый характер, означающий систему, в которой центральный уровень смешивается с субнациональными субъекта-

¹ См.: *Palermo F. Asymmetries in Constitutional Law — An Introduction // Asymmetries in constitutional law, recent developments in federal and regional systems. 2009.*

² Для детального анализа федерализма в Соединенных Штатах Америки см.: *Stepan A., Linz J. J., Yadav Y. Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011. — С. 257–275.*

ми, обладающими законодательной властью [8. — С. 20; 11. — С. 64]. Для обеспечения возможности и облегчения проведения аналогии между федеративными системами была принята следующая терминология: (1) термин «центральный уровень» описывает высший уровень управления в федеративных системах; (2) термин «субнациональные образования» — подуровни управления с нормотворческой властью. В теории единицами обычно называют штаты, провинции, регионы, кантоны, общины, субъекты, республики, земли и т.д. Более общие термины включают субгосударственные подразделения, государственные органы, субнациональные структуры, федеральные подразделения, федеральные структуры и т.д.; (3) при необходимости применяется терминология по конкретным странам. Обсуждение многонациональности часто основывается на определении многонационального государства, предложенного Степаном: «Я называю государство многонациональным, если (1) оно имеет территориальные различия, с языковыми, религиозными, культурными и этническими идентичностями, и (2) политические группы, которые хотели бы

наращивать политический суверенитет, или независимое государство или государство вокруг этих территориальных различий» [32. — С. 39]. Это помогает соединить многоуровневые системы с мультинациональными и позиционировать многоуровневые системы как мультинациональные по своей сути [32. — С. 40].

Заключение

Следуя предыдущим разделам, современные ученые предполагают, что, хотя все конституционные асимметрии могут и не быть результатом мультинационализма, многоуровневые многонациональные системы часто имеют конституционную асимметрию, а процессы симметризации не нейтрализуют всех различий (ассиметрии). Рассмотренные исследования подтверждают тесную взаимосвязь между мультинационализмом и конституционной асимметрией. С этой целью современные мыслители стремятся сформировать нормативную базу, соответствующую разнообразным многоуровневым многонациональным системам, и предлагают серьезную дискуссию о конституционных асимметриях в многоуровневых многонациональных системах.

Литература

1. *Wolff S.* Cases of Asymmetrical Territorial Autonomy // Weller M., Nobbs K. Asymmetric autonomy and the settlement of ethnic conflicts. — University of Pennsylvania Press, 2011.
2. *Riker W.H.* Federalism: Origin, Operation, Significance. — Boston: Little, Brown, and Company, 1964.
3. *Gibson E.L.* Federalism and Democracy in Latin America. — Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2004.
4. *Hueglin T.O.* Comparing federalism: Variations or distinct models? // Benz A., Broschek J. Federal Dynamics: Continuity, Change, and the Varieties of Federalism. — Oxford Scholarship Online, 2013.
5. *Elazar D.J.* Exploring Federalism. — Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1987.
6. *Caminal M., Requejo F.* Democracy and Federalism in Plurinational Societies // Federalism, Plurinationality and Democratic Constitutionalism: Theory and Cases. — N.Y., 2012.
7. *Tarleton C.D.* Symmetry and Asymmetry as Elements of Federalism: A Theoretical Speculation // The Journal of Politics. — Vol. 27. — № 4 (Nov., 1965).
8. *Watts R.* Contemporary Views on Federalism // Villiers B. Evaluating Federal Systems. — Kluwer Law International, 1994.
9. *Erk J.* Explaining federalism. State, society and congruence in Austria, Belgium, Canada, Germany and Switzerland. — London; N.Y., 2008.
10. *Halberstam D.* Federalism: Theory, Policy, Law // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. — Oxford: Oxford University Press, 2013.

11. *Watts R.* Comparing Federal Systems in the 1990s. Kingston and Montreal: Institute of Intergovernmental Relations. — Queen's University and McGill-Queen's University Press, 1997.
12. *Pagano M.A.* In the Eye of the Beholder: The Dynamics of Federalism in National and Supranational Political Systems // Pagano M.A., Leonardi R. The Dynamics of Federalism in National and Supranational Political Systems. — London: Palgrave Macmillan, 2007.
13. *Kincaid J.* Comparative Observations // Kincaid J., Tarr G.A. Constitutional Origins, Structure, and Change in Federal Countries. — McGill-Queen's University Press, 2005.
14. *McGarry J.* Asymmetry in Federations, Federacies and Unitary States // *Ethnopolitics*. — Vol. 6, № 1. — P. 105–116.
15. *McGarry J.* Asymmetric Autonomy in the United Kingdom // Weller M., Nobbs K. Asymmetric autonomy and the settlement of ethnic conflicts. — University of Pennsylvania Press, 2011.
16. *Burgess M.* Comparative Federalism: Theory and Practice. — London: Routledge, 2006.
17. *Palermo F.* Asymmetries in Constitutional Law — An Introduction // Asymmetries in constitutional law, recent developments in federal and regional systems. — 2009.
18. *Requejo F.* Decentralization and Federal and Regional Asymmetries in Comparative Politics // Requejo F. and Nagel K.-J. Federalism beyond Federations: Asymmetry and Processes of Resymmetrisation in Europe. — Aldershot, UK: Ashgate, 2011.
19. *Fossas E.* National Plurality and Equality // Requejo F. Democracy and National Pluralism. — N.Y.: Routledge, 2001.
20. *Nagel K.-J., Requejo F.* Conclusions: Asymmetries and Decentralisation Processes — Comparative Comments // Requejo F. and Nagel K.-J. Federalism beyond Federations: Asymmetry and Processes of Resymmetrisation in Europe. — Aldershot, UK: Ashgate, 2011.
21. *Gagnon A.-G.* The moral foundations of asymmetrical federalism: a normative exploration of the case of Quebec and Canada // Gagnon A.-G. and Tully J. Multinational Democracies. — N.Y.: Cambridge University Press, 2001.
22. *Requejo F.* National pluralism and federalism. Four potential scenarios for Spanish plurinational democracy // Perspectives on European Politics and Society. — 2001.
23. *McGarry J., O'Leary B.* Federations and Managing Nations // Burgess M., Pinter J. Multinational Federations. — London: Routledge, 2007.
24. *Kymlicka W.* Is federalism a viable alternative to secession? // P. Lehning Theories of secession. — London: Routledge, 1998.
25. *Popelier P.* Subnational multilevel constitutionalism // Perspectives on Federalism. — 2014. — Vol. 6, № 2.
26. *Obinger H.* et al. Federalism and the Welfare State: New World and European Experiences. — N.Y.: Cambridge University Press, 2005.
27. *Blindenbacher R., Watts R.* Federalism in a Changing World — A Conceptual Framework for the Conference // Blindenbacher, R. Koller A. Federalism in a Changing World — Learning from Each Other. — McGill-Queens University Press, 2003.
28. *Tierney S.* Constitutional law and national pluralism. — Oxford: Oxford University Press, 2006.
29. *Blindenbacher, R. Koller A.* Federalism in a Changing World — Learning from Each Other. — McGill-Queens University Press, 2003.
30. *Friedrich J.* Trends of Federalism in Theory and Practice. — N.Y.: Praeger, 1968.
31. *Popelier P.* The need for sub-national constitutions in federal theory and practice: the Belgian case // Perspectives on Federalism. — 2012. — Vol. 4, № 2.
32. *Stepan A.* Towards a New Comparative Politics of Federalism, Multinationalism, and Democracy: Beyond Rikerian Federalism // Gibson E.L. Federalism and Democracy in Latin America. — Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2004.

Перевод статьи с английского языка осуществила Матюсова Анастасия, магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕФИНИЦИИ «СУБСИДИАРНОСТЬ» В НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ: ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В КАТОЛИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ

Аннотация

Принцип subsidiarности является базовым для правовой системы ЕС. В рамках данного материала прослеживается трансформация содержательных аспектов рассматриваемой категории в католической социальной доктрине (посредством изучения папских энциклик и их научной интерпретации). Предпринимается попытка определения степени влияния культурно-исторического контекста и политического положения Ватикана на изменения в философском подходе папства.

Ключевые слова: принцип subsidiarности, солидарность, социальная философия, католическая социальная доктрина, государство, иерархия институтов.

Автор

Серебряков Кирилл Дмитриевич

Студент кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

В наиболее обобщенном виде под subsidiarностью понимается такой правовой принцип, согласно которому принятие решений, управление возлагается на наиболее низкие из возможных уровней существующей государственной иерархии, реализуемый с целью увеличения эффективности работы государственного аппарата, предоставления максимальной самостоятельности низовым звеньям управленческих структур, улучшения взаимодействия государства с обществом. Т.е. кратко и в самом широком смысле — это есть наделение властью самого нижнего звена, входящего в систему иерархии институтов. Особенностью данного принципа является то, что, несмотря на достаточно большую историю существования в европейской политической и правовой системе,

он не вписан в систему устоявшихся категорий теории государства и права, а его интенсификация в теории государственного управления происходит лишь в последние десятилетия.

При этом свое концептуальное обоснование subsidiarность изначально получила в социальной доктрине католической церкви, причем как на этапе становления, так и, условно, в научно-философских изысканиях периода предыстории. Так, например, Л.А. Оноприенко утверждает, что еще в XIII в. Фома Аквинский рассматривал государство как живой организм (идея на тот момент для Европы была не нова, к ней несколько раньше обращался Иоанн Солсберийский в политико-философском труде «Поликратик»), подобных идей придерживался и современник мыслителя Винсент де Бовуа, называвший

политию «*corpus politicum mysticum*» [3. — С. 180]. И главная мысль выше обозначенных авторов заключается в том, что любое государство состоит из частей, каждая из которых выполняет свою функцию, причем сумма этих элементов не равна целому, точно так же, как отдельно от тела сердце или ноги действовать не могут. Другим важным моментом является сменяемость, обеспечивающая обновление состава организма, но при этом сохраняющая его неизменность, самость, не позволяющая запустить механизм разрушения структуры.

Эта мысль позволила заложить теоретический фундамент, развитие которого продолжится уже в XIX–XX вв., и сформировать важное положение в социальной доктрине католической церкви: субсидиарность есть инвариант иного принципа — солидарности, но с поправкой на сферу ее применения, ее толкования в контексте взаимозависимости и взаимообусловленности человека и общества со всеми вытекающими онтологическими и этическими последствиями.

Пожалуй, в дальнейшем следует проследить как дефиниция субсидиарности рассматривалась Ватиканом и какие трансформации в понимании данного принципа отмечались в выступлениях занимавшихся этой проблематикой римских понтификов (Львом XIII, Пием XI, Иоанном XXIII и Иоанном-Павлом II).

Важной заслугой папы Льва XIII стала его попытка доктринального обоснования невозможности подавления государством автономии небольших групп, необходимость которого особенно ярко выразилась в конце XIX в. в связи с приходом к классовому обществу и резкому ухудшению положения пролетариата.

В своей энциклике 1891 г. «*Regum Novarum*», в частности, выдвигались следующие тезисы: во-первых, помимо церкви государство как институт также должно нести свою долю ответ-

ственности за экономико-политическое состояние дел («...равная забота обо всех общественных классах есть первоочередная задача благородного правителя, реализуемая посредством воплощения в жизнь принципа *распределительной справедливости* [Прим. — К.С.]»), во-вторых, важна роль заданных рамок вмешательства самого государства («...справедливым можно считать такое положение, когда человек и семья обладают достаточной свободой действий в той мере и до тех пор, пока наличие такой свободы не будет вредить общему благу») [8]. Здесь довольно ярко представлена новая позиция церкви относительно классического вопроса о распределении компетенций между носителями «двух мечей».

Более того, субсидиарность, обозначенная как принцип распределительной справедливости, стала призывом, попыткой разрешения новых социальных конфликтов, что довольно интересно, ибо в современном понимании принцип субсидиарности больше относится к институциональной стороне, а заинтересованные в реализации подобного проекта акторы классифицируются по иным основаниям (этническим, функциональным, регионально-ориентированным и др.). Однако философские искания папы Льва XIII не нашли широкого отклика у католического населения и у правителей в целом.

Через сорок лет продолжателем «субсидиарной» традиции стал папа Пий XI, в 1931 г. выступивший с энцикликой «*Quadragesimo Anno*». Перед анализом ее положений необходимо несколько слов сказать о том социально-политическом контексте, в котором пребывали Ватикан и весь мир к этому времени: это депрессивное состояние мировой экономики, переживающей глобальный кризис, возрастание роли диктаторских режимов, настроения реваншизма в Германии, приход к власти в Италии фашистов и т.д. Поэтому следует закономерным считать продолжение

педалирования вопросов соотношения государства и общества, но с расстановкой новых акцентов и отображением усиления позиций первого в официальном дискурсе Святого Престола, что дальше и будет прослежено.

Более того, энциклика Пия XI — прямое продолжение мыслей его предшественника, ибо понтифик считал, что развитие идей subsidiarности поможет улучшить положение рабочего класса и встроить достаточно революционные еще к концу XIX в. идеи Льва XIII в своевременный, актуализированный контекст, в развитие социальной доктрины.

Пий XI дал классическое для католической социально-правовой определение принципу subsidiarности: «...как невозможно у лица отобрать свободу действия в пределах его компетенций для достижения его же личных результатов, так равнозначно можно считать преступлением и нарушение социального баланса, отбирая у объединений низшего порядка полномочия, которые они могут исполнить самостоятельно, действуя из своих собственных средств, с тем, чтобы передать эти полномочия объединениям более высокого порядка» [9]. Здесь же рассматриваемый концепт называется еще «принципом социальной мудрости», но с той поправкой, что «любая общественная деятельность является subsidiarной» [9].

Папская энциклика концептуализирует обозначенный выше второй тезис Льва XIII, и здесь, по сути, выступает как поиск баланса между возможностью обеспечения автономии действия небольших союзов и заботой государства о своем населении с попыткой предотвращения узурпации власти, т.к. еще из античных учений нам известно, что основная цель государства (политии) — это обеспечение всеобщего блага, но в католической социально-доктринальной повестке это возможно во взаимодействии с принципом «распределительной справедливости». Экономика же является частной сферой, поэтому

категория «общего» не может быть к ней применима, равно как и притязания на государственное вмешательство, а если такое и наблюдается, то мы сталкиваемся с «узурпацией правомочий, которые естественно принадлежат людям и их союзам». Однако однозначности здесь Пий XI не наблюдает, отмечая, что «успешно больше не может исполняться то, что когда-то исполнялось ассоциациями, и это вызвано развитием социально-экономических отношений» [9]. Т.е. понтифик допускает возможность государственного вмешательства (это обуславливают особенности исторического процесса), но на координирующих основаниях и только в рамках объективной необходимости с четко обозначенным механизмом применения контрольных полномочий. Такое допущение было необходимо, чтобы обосновать необходимость наличия иерархии с правительством во главе, в рамках которой возможно формирование subsidiarного принципа, ибо между экономическими игроками и государством, по мнению Папы Римского, нет промежуточных и эффективно координирующих объединений.

Государство — это объединение высшего порядка, поэтому ни о какой вторичности мы говорить не можем, а подтверждение данного тезиса, по мнению Пия XI, кроется в subsidiarном характере его деятельности («Если публичная власть даст волю ассоциациям низкого порядка заниматься своими делами самостоятельно, то более свободно и эффективно она сможет исполнять свои и только свои исконные функции в виде управления, надзора и выбора стратегии развития в зависимости от нужд»; «...носители государственной власти лишней раз должны убедиться, что только строгое соблюдение принципа subsidiarности даст достаточный результат поуровневой организации государства, что только тогда будет усилен авторитет его в глазах общества...») [9]. Subsidiarность же есть единственный эффективный инстру-

мент в борьбе с соблазном чрезвычайного государственного вмешательства, ростом бюрократизма и централизма, это способ обеспечения выживания небольших объединений посредством адекватного распределения полномочий и организации достаточного механизма общественного контроля государственных органов.

В целом умозаключения понтифика были представлены как компромисс между капиталистическим и социалистическим мировоззрением с их недостатками в сфере регулирования и организации человеческих отношений, так как необходимо и хорошо организованное экономическое общество, и правильное функционирующее политическое, чего ни одна из парадигм добиться не могла.

Следующим крупным понтификом-мыслителем, продолжившим последовательно формировать социальную доктрину католической церкви в соответствии с субсидиарной логикой стал Иоанн XXIII. И здесь необходимо указать контекст (исторический, фактический, событийный), в котором проходил его понтификат: потрясение мира от итогов Второй мировой войны, попытки поддержания мирного сосуществования народов, обостряющаяся гонка вооружений и идей между СССР и США.

В 1961 г. папа Иоанн выступил с энцикликой *Mater et Magistra*, приуроченной к 70-летию и 30-летию двух разобранных выше документов. И здесь уже наблюдается своего рода игра смыслов, например, в отношении роли государства в функционировании общества: если Пий XI выступал с априорно дополняющей позиции, то Иоанн XXIII настаивает на его вспомогательной роли.

Наблюдается согласие с предыдущими мыслителями относительно места экономики и их процессов, а также организаций (ассоциаций и союзов), которое заключается в прерогативной роли здесь частного сектора и частных

лиц, но по причине сложности и неопределенности нынешнего времени, вслед за Пием XI провозглашается исходная из приоритета экономических связей новая роль государства — координирующая и стимулирующая, т.е. обеспечивающая благо граждан в свете новых тенденций. И здесь важны не сами факты четкого представления о наличии государственного вмешательства и перечня сфер, где это может происходить, а инструментарий (способы), с помощью которого данные факты и само вмешательство реализуются (здесь Иоанн XXIII выступает большим прагматиком, что, очевидно, связано с наличием достаточно обширной эмпирической информации, заданной логикой его времени и собственным жизненным опытом).

Называется и четкое обозначение цели, оправдывающей существование государства, определенно носящее социальные, а не трансцендентные или категориально-должные коннотации: «...[это] набор таких общественных условий, при которых у человека есть наиболее оптимальные возможности для реализации своих стратегий и процветания» [5]. Именно поддержание такой балансирующей доминанты есть задача государства, нарушение которой оправдывает стратегии вмешательства, причем, в больших объемах (понтифик называет государственное образование более сведущим в понимании состояния дел). И тут важна сквозная мысль, ярко выраженная в следующей фразе: «...общественная жизнь буквально в тисках из-за духа индивидуализма, та жизнь, что некогда процветала в гармонии многообразия социальных групп, ныне мы вынуждены констатировать следующее: лицом к лицу встали индивид и государство, вынужденное забрать себе исполнение тех функций, которые некогда принадлежали посреднику — социальным группам» [5].

Хотя пафос работы заключается в расширении применения принципа суб-

сидиарности (которое может быть дано государством и исходить от него), но в этом контексте нельзя не упомянуть и следующего мыслительного достижения Иоанна XXIII, выраженного в другой энциклике «*Pacem in terris*», вышедшей на два года позже — речь идет о концептуализации такой категории, как публичная власть общей компетенции. Мыслительным фундаментом для данной категории стало осознание папой Иоанном становления глобального международного сообщества, формирования принципиально новой стратегии взаимоотношений государств, который при таком конгруэнтном составе способны и должны решать уже не локальные национальные проблемы, а назревшие проблемы всеобъемлющего характера, решение которых и есть наиболее короткий путь к достижению общего блага.

Решает подобную задачу некоторая надгосударственная организация, реализующая непосредственно с национальными правительствами отношения, основанные на принципе subsidiarности [6; 7].

Последним на данный момент крупным понтификом-мыслителем, поднимавшим в контексте формирования социальной доктрины католической церкви принцип subsidiarности, был Иоанн Павел II, который к столетнему юбилею «*Regum Novarum*» выпустил свою энциклику — «*Centesimus Annus*». Тут сразу стоит отметить достаточно либеральные взгляды папы, который отошел от общей социал-демократической или социально преобладающей риторики своих предшественников. В работе делается четкий акцент на роли активной личности в ходе реализации изучаемого принципа. И реализуется это активное начало в человеческих объединениях (т.е. тут мы видим инструментальный подход к общности, что довольно интересно и необычно для римско-католического пула). Этим же заранее искореняется представление об индивидуе как пассивном объек-

те управления. Взаимодействие на свободных началах этих индивидов делает демократию, ценимую Папой Римским, возможной. Государство же значительно секуляризируется в его глазах, теряя определенные сакральные функции и априорное представление о знании эталонных ориентиров и единственно правильных способах их достижения, что, опять же, подтверждает идею выхода из официального ватиканского дискурса левых взглядов и отсылает к размышлениям по данному вопросу в аналогичный период времени Ч. Линдблома [1. — С. 279–293]. Такое образование рассматривается также инструментально в контексте возможностей — возможностей достижения общего блага [2].

Оба инструментальных понятия имеют четкое разграничение, что нашло отражение в работе. Это проявляется как косвенно (например, в репризе о безработице дается разграничение действий по решению проблемы со стороны каждого актора — общества и государства; основная цель первого заключается в формировании транспарентного процесса общественной самоорганизации, а государство тут должно изыскивать способы, для выхода данного процесса в материально-физическом воплощении [4]); также это проявляется и непосредственно, где Папа Римский ясно излагает свою мысль о превалирующей роли общественной модели над государственной: «...право на объединение представляет собой право естественное, и уже по этому основанию оно [общество. — Прим. К.С.] предшествует включению в объединение политическое» [4]. При этом мы видим в аргументации ссылку на энциклику Льва XIII, отмечавшего следующее: «Сохранение и охранение, но никак не нарушение естественных прав есть обязательство государства. Поэтому запрет союзов порождает замкнутую логику — противоречие принципу собственного существования» [8].

Поэтому построение общества активных личностей возможно только при применении принципа субсидиарности, определение которого у Иоанна Павла II исходит из мыслительной традиции Пия XI: «Присвоение функций сообщества более высокого порядка относительно сообщества более низкого порядка невозможно, равно как и вмешательства во внутреннюю жизнь данного сообщества; но для сохранения общего блага и единых целей должна от сообщества более высокого порядка исходить поддержка по нисходящей, если того требует ситуация и само сообщество более низкого порядка, то и координация его действия с другими частями общества» [4]. Т.е. по самим формулировкам видно, что понтифик признает наличие иерархии институтов власти, что является вполне обычным явлением при инструментальном мировоззренческом подходе, также из общей логики энциклики исходит, что государство возглавляет иерархию организаций, даже естественных (например, семья), но с правовой позиции именно естественные организации выше: здесь наблюдается довольно интересный прием противопоставления институционального и правового отношений, где верхняя позиция еще не означает главенства, для Иоанна Павла II важны фундаментальные основания, они условно и «выше», т.к. обеспечивают положение более высоко стоящих организаций, формирующих иерархию.

При этом государство в силу своего высокого иерархического положения субсидиарно по отношению к обществу, причем вне данного принципа оправдания существованию политического сообщества нет, но такое положение создает основание для риска — риска посягательства на иерархию в поисках более высоких позиций, реализуемых посредством диктования правил и условий, определяющих суть абсолютно каждого нижестоящего звена (при условии, что Папа Римский не разграничивает иерархии на искусственные

и естественные, реприманд достаточно обоснован) [2].

Несмотря на достаточный скепсис, проявленный папой Иоанном XXIII относительно перспектив существования посреднических (в терминологии понтифика — «промежуточных») структур, Иоанн Павел II признает последние и в *Centesimus Annus* уделяет им достаточно много внимания: «Любая социальная акция индивида проистекает в промежуточных объединениях в виде семьи, экономических, политических и иных социальных групп, существующих отдельно и самостоятельно от индивидов, которые их создали» [4], причем их работа позволяет нивелировать последствия «задыхающей» между государством и рынком» свободы развития, имеющейся у индивида [4], стоит вставить небольшую ремарку: при наличии инструментального подхода к организациям и первичности активной личности, мы видим явную субъективацию ряда организационных структур, что лишает в некотором роде смысла общую «пользовательскую» или «пассивную» платформу аргументации понтифика (инструментальность предполагает пассивность объекта, наделенного данным качеством).

Подводя итоги материалу, следует отметить, что основная формулировка, скелет принципа субсидиарности никогда не подвергались сомнению и не оспаривались ни одним из пап. Каждый из понтификов, обращаясь в своих энцикликах к мирянам и правителям, толковал этот принцип в соответствии с существовавшей на тот момент социально-политической и экономической ситуацией. Когда государство не заботилось о своих подданных, раздавленных грузом промышленных корпораций, папа Лев XIII напомнил о том, что именно государство должно нести ответственность за социальную и экономическую ситуацию в стране, воплощая принцип распределительной справедливости. Пий XI осуждал в своих энцикликах из-

лишнее вмешательство государства в дела объединений низшего порядка, подчеркивая его дополняющую роль. Иоанн XXIII, живший в послевоенную эпоху, делал акцент на способах вмешательства государства и его целях, то есть на вспомогательной его роли. Иоанн Павел II, ставший свидетелем стремительного распространения и возрастания влияния европейских демократических ценностей в мире, указывал на то, что высшей ценностью является человек, в котором он видел

активного субъекта государственного управления. При этом, независимо от того, в какое время тот или иной Папа Римский обращался к идее subsidiarности, основное ее требование оставалось неизменным: «...преступно было бы нарушать социальное равновесие, отбирая у объединений низшего порядка полномочия, которые они могут выполнять самостоятельно, используя доступные им средства, с тем, чтобы передать эти полномочия объединениям более высокого порядка» [9].

Литература

1. Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира / Пер. с англ. — М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. — 448 с.
2. Нейхауз Р. Дж. Бизнес и Евангелие: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/14_n/eh/aus_3.html#39. — Загл. с экрана (26.04.2018).
3. Оноприенко Л.А. Принцип subsidiarности и его отражение в социальной доктрине Католической церкви // PolitBook. — 2014. — № 3. — С. 178–191.
4. John Paul II. Centesimus Annus: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_01051991_centesimus-annus_en.html. — Загл. с экрана (25.04.2018).
5. John XXIII. Mater et Magistra: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vatican.va/holy_father/john_xxiii/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_15051961_mater_en.html. — Загл. с экрана (24.04.2018).
6. John XXIII. Pacem in terris: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vatican.va/holy_father/john_xxiii/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem_fr.html. — Загл. с экрана (24.04.2018).
7. Lapointe B. Le Principe de subsidiarité sous l'éclairage de l'enseignement social de l'église: limitation ou extention des competences de la Communauté Européenne? // L'identité politique. — 1994: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.u-picardie.fr/labo/curapp/revues/root/33/benoit_lapointe.pdf. — Загл. с экрана (25.04.2018).
8. Leo XIII. Rerum Novarum: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vatican.va/holy_father/leo_xiii/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum_fr.html. — Загл. с экрана. (12.05.2018).
9. Pius XI. Quadragesimo Anno: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vatican.va/holy_father/pius_xi/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19310515_quadagesimo-anno_en.html. — Загл. с экрана. (12.05.2018).

ВЛИЯНИЕ ПОСТПРАВДЫ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается определение феномена «постправда» на современном этапе, а также формы его проявления и методы использования в политике. Отдельное внимание уделено анализу потенциального и реального влияния данного явления на международные отношения.

Ключевые слова: постправда, политика постправды, международные отношения, СМИ.

Автор

Ковшарь Мария Константиновна

Магистрант института истории, международных отношений и социально-политических наук Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

За последние несколько лет мировая политическая обстановка наполнилась чередой скандалов, отличающихся отсутствием доказательной базы и оперированием с обеих сторон косвенными аргументами. Подобный процесс с чередой взаимных бездоказательных обвинений напоминает скорее ток-шоу со скандалами. Во всех случаях данные перепалки носят характер показательных разбирательств, где основная конкурентная борьба идет не за то, чтобы доказать истинность своей позиции, а за то, чтобы скорее склонить доверие аудитории, в роли которой выступает сегодня мировая общественность. Подобные скандалы, произошедшие за последние несколько лет, приобрели глобальный характер. К числу таких разбирательств можно отнести ситуацию с выборами президента США в 2016 г., российско-украинский кризис, дело с отравлением семьи Скрипалей в Великобритании. Все перечисленные события повлекли за собой достаточно серьезные последствия в политическом и международном пространстве, при этом все они

сопровождались громкой медийной компанией, рассматриваемой сегодня в ключе концепции постправды. Исходя из этого, весьма перспективным представляется изучение влияния постправды на международные отношения.

Определение концепции постправды. Еще в 2004 г. американский публицист К. Кроуч в своей книге «Постдемократия», объясняя положения современной внутренней политики США, отметил, что «предвыборные дебаты — это строго контролируемое зрелище, управляемое конкурирующими командами экспертов в методах убеждения. ...Масса граждан играет пассивную, спокойную, даже апатичную роль, реагируя только на сигналы, данные им. За этим зрелищем предвыборной игры политика действительно формируется в частном порядке путем взаимодействия между избранными правительствами и элитой, которая в подавляющем большинстве представляет интересы бизнеса» [10. — С. 15]. Сегодня, благодаря современным средствам массовой коммуникации, явление, описанное Кроучем, вышло

за рамки государства, человечество столкнулось с беспрецедентным по масштабам явлением — мировыми дебатами, смысл которого состоит в завоевании доверия и популяризации определенной системы взглядов у как можно большего процента аудитории, при этом достоверность используемого информационного материала уходит на второй план. Данная ситуация получила название «постправда», а подход к такому освящению информации — «политика постправды».

Политические события 2016 г. (президентские выборы в США и референдум о выходе Великобритании из ЕС) стали причиной появления и популяризации нового термина «постправда» (post-truth). Данное слово было названо интернет-порталом издательства Оксфордского университета «Оксфордские словари» (Oxford Dictionaries) словом 2016 года. Там же понятие постправды определяется как обстоятельства, при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на общественное мнение, чем обращение к эмоциям и личностным убеждениям. Oxford Dictionaries отмечают, что постправда, в понимании отсутствия актуальности истины как таковой, впервые упоминалась в 1992 г. драматургом С. Тешихом в эссе в журнале «The Nation», а уже в 2005 г. вышла книга «Эпоха постправды» Р. Кейса [12].

К теоретическому осмыслению этого явления активно обращались многие авторы, однако большое количество вопросов все еще остается недостаточно освященными. Так, проблематика влияния политики постправды на современное международное взаимодействие представлена лишь в небольшом количестве работ отечественных [6, 3, 5] и зарубежных авторов [12, 8, 9].

Для определения проявления политики постправды следует обозначить ее кардинальные отличия от некоторых других явлений в современном медиапространстве. Так, следует отличать постправду от фейковых новостей или

желтой прессы. Под фейковыми новостями (fake — фальшивка, подделка) подразумевается новостной контент, намеренно содержащий ложную, сфабрикованную информацию (текст, фото, видео, аудио и т.д.) [4. — С. 89]. Отличительной особенностью желтой прессы является контент, основывающийся на сенсационных, скандальных темах, часто не имеющих под собой основания [2]. Как видно, и в первом, и во втором случае оперирование происходит к заведомо ложным или сомнительным фактам. В этом и заключается кардинальное отличие постправды так как она не оперирует к фактам как таковым. Как отмечает С. Чугров, постправда — это «не ложь, не фейк, не «утка», не миф, а некая особая квазиреальная среда», которая возникает, «если люди игнорируют факты, а правда уже не играет существенной роли, уступая место популистской риторике, будь то обсуждение изменения климата, проблем миграции или военных расходов. При этом постправду порождают не факты, а их переживание» [6. — С. 46].

Проявление политики постправды. Механизм работы постправды описал в интервью Д. Хогган: «Вместо того, чтобы противостоять сути аргумента, люди склонны критиковать мотивы противников и усиливать враждебность по отношению к группам, придерживающимся другого мнения». Также он отметил, что данная привычка не позволяет людям сосредотачиваться на конкретных вопросах и в конечном итоге лишь отвлекает внимание от действительно важного [7]. Использование подобных человеческих слабостей открывает широкие возможности для спекуляции общественным сознанием. Таким образом, существуют определенные методы, используемые политикой постправды для воздействия на конечного потребителя.

С.В. Смаль, например, выделяет несколько направлений в технологии формирования постправды: гиперболизация информации (в сторону

приуменьшения и преувеличения); подмена понятий и замалчивание [3. — С. 223]. Данные методы также могут быть расширены методами допущения намеренных логических ошибок, которые нацелены на то, чтобы ввести оппонента в заблуждение. Данные методы широко используются в ходе дискуссий и дебатов. Среди наиболее распространенных: подмена тезиса; апелляция к личности (*argumentum ad hominem*), большинству, авторитету, традиции, истории; отождествление хронологии с причинно-следственной связью и др.

Одним из наиболее часто встречающихся приемов постправды является отсылка к анонимному источнику, который пользуется доверием, при этом данный источник идентифицировать невозможно. В этом случае СМИ снимают с себя ответственность за содержание информации, что представляется весьма удобным с правовой точки зрения [6. — С. 49].

Помимо перечисленных технологий используются также и скрытые методы манипуляции, нацеленные на концентрацию внимания (цель — привлечь и зациклить внимание), придание определенной эмоциональной окраски событиям (цель — сформировать мнение относительно чего-то, апеллируя к эмоциям), а также формирование определенного эмоционального реагирования у аудитории (цель — вызвать определенную эмоцию). Некоторые среди таких методов выделяет доктор филологических наук И.М. Дзялошинский [1. — С. 21–40]:

а) внушающие ценностно-эмоциональные технологии:

- использование слов, относящихся к основным ценностям общества (для США это слова: демократия, патриотизм, цивилизация, христианство, дом, семья, дети, материнство, наука, медицина, здоровье, любовь, мир, счастье),
- метод забрасывания грязью (подбор эпитетов и терминологии, которые

дают предмету четкую этическую оценку),

- использование слоганов (концентрация образа в одну фразу),
- метод исторических аналогий (помогает в конструировании метафор, программирующих объект воздействия);

б) управление информационной средой:

- фильтрация информационного потока: односторонний негативный/позитивный вентиль (выпуск только определенной информации),
- выборочный подбор информации (освещение только выгодных факторов),
- информационный шум (на основную информацию «навешивается» множество других материалов).

Таким образом, основными чертами постправды являются [3. — С. 225]:

- преобладание притязаний над доводами и аргументами;
- оперирование к оппоненту с позиции стереотипного «образа другого» (образа врага), что становится доминирующей внешней атрибуцией;
- переход к простой форме реагирования на действие оппонента (реакция с позиции предубеждения, эмоций, стереотипов);
- придание, нагнетание и усиление эмоциональной окраски событию.

Следует подчеркнуть, что все вышеперечисленные методы используются политикой постправды с целью влияния на аудиторию. Исходя из этого, в зависимости от предназначения аудитория может варьироваться, распространяясь на государство, континент или же все мировое сообщество. В ключе того, что современные технологии позволяют любому актору выходить на глобальный уровень взаимодействия, постправда принимает трансграничный характер, влияя на характер международных взаимоотношений.

Проявление политики постправды в международных отношениях. Постправда, как уже отмечалось выше,

имеет значительное влияние на развитие международного взаимодействия как на межгосударственном уровне, так и на уровне общественного взаимодействия (публичная дипломатия). Данное влияние обусловлено самой спецификой международной среды, которая основывается на концепции налаживания контактов, установления доверительных отношений между сторонами, способствования пониманию своего видения ключевых моментов взаимодействия. Конечная цель развития международных отношений состоит в установлении максимально продуктивного взаимодействия, на основе либеральных принципов равенства, взаимоуважения, доминирования международного права.

В этом ключе постправда как явление, изменившее формат передачи и восприятия информации, особенностями которого является перенос значимости от фактов к другим составляющим, в значительной степени влияет на изменение характера международного взаимодействия.

Среди основных направлений влияния постправды на международные отношения можно выделить:

- изменение характера ведения коммуникации (переход к более эмоционально окрашенному диалогу, ослабление формализации коммуникационных актов) — проявляется в упрощении дипломатического этикета;
- изменение порядка разрешения международных конфликтов и споров (переход к более эмоционально окрашенному переговорному процессу, отход на второй план важности доказательной базы);
- изменение характера поведения официальных лиц в ходе международного взаимодействия (изменение риторики, лексики, склонность к

повышению языковой эмоциональности, общедоступности).

Среди основных изменений, вызванных постправдой, которые можно уже сегодня наблюдать на международном уровне, исследователи отмечают следующие [5, 9]:

- международные отношения, в рамках межгосударственного взаимодействия, утрачивают признаки рациональности и все больше переходят к эмоциональному, ценностному оперированию;
- снижается эффективность межгосударственной коммуникации, что ведет к осложнению разрешения общемировых проблем и угроз;
- обостряется международная конфликтогенность;
- усиливается внешнее влияние на международный имидж государства, его формирование становится все менее управляемым и все более непредсказуемым.

Таким образом, распространение политики постправды ведет к подрыву либерализма в системе международного порядка, основанного на равных правах всех участников международного взаимодействия, взаимном уважении, уважении права и порядка.

При этом следует подчеркнуть, что отмеченные направления изменений могут иметь как положительное, так и отрицательное проявление, которое будет зависеть исключительно от характера и цели применения. К сожалению, сегодня можно заметить в большей степени негативное проявление изменений, пришедших с эпохой постправды.

Можно заключить, что постправда как современная общемировая тенденция имеет достаточно негативное влияние на международные отношения, склоняя данную сферу к отходу от стандартных либеральных форм взаимодействия.

Литература

1. Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в массмедиа // Вестник МГУ. Серия 10: Журналистика. — 2005. — № 1. — С. 19–55.
2. Лозовский Б.Н. Журналистика: краткий словарь. — URL: http://virlib.eunnet.net/metod_materials/jdictionary/?xsln=article.xslt&id=a83 (дата обращения: 30.09.2018).
3. Смаль С.В. Технологии формирования постправды: политико-конфликтологический аспект // Политика постправды в современном мире: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» / Под ред. О.В. Поповой. — СПб.: Скифия-принт, 2017. — С. 222–225.
4. Суходолов А.П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиaprостранстве // Евразийское сотрудничество: гуманитарные аспекты. — 2017. — № 1. — С. 87–106.
5. Харкевич М.В. Постправда как политическая архаика 2.0: кейс публичной дипломатии // Политика постправды в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» / Под ред. О.В. Поповой. — СПб.: Скифия-принт, 2017. — С. 247–249.
6. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. — 2017. — № 2. — С. 42–59.
7. Biggs D., Hoggan J. The Toxic State of Public Discourse and How to Clean It Up // Planetizen. — 2016. — July 19. — URL: <https://www.planetizen.com/node/87441/toxic-state-public-discourse-and-how-clean-it> (дата обращения: 30.09.2018).
8. Conway P. Post-Truth, Complicity and International Politics // E-International Relations. — 2017. — March, 29. — URL: <https://www.e-ir.info/2017/03/29/post-truth-complicity-and-international-politics/> (дата обращения: 30.09.18).
9. Crilley R. International relations in the age of 'post-truth' politics // International Affairs. — Vol. 94. — Issue 2. — 2018. — P. 417–425. — URL: <https://doi.org/10.1093/ia/iiy038> (дата обращения: 30.09.2018).
10. Crouch C. Post-democracy. — Cambridge: Polity Press, 2005. — 212 p.
11. Suskind R. Faith, Certainty and the Presidency of George W. Bush // The New York Times Magazine. — 2004. — October, 17. — URL: <https://www.nytimes.com/2004/10/17/magazine/faith-certainty-and-the-presidency-of-george-w-bush.html> (дата обращения: 30.09.18).
12. Word of the Year 2016 is... // Oxford Dictionaries. — URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (дата обращения: 30.09.18).

ЖЕНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: КОНТЕКСТ И СПЕЦИФИКА

Аннотация

Настоящая статья исследует особенности политического лидерства женщин в современной Латинской Америке в общем контексте властных отношений в регионе. Автор стремится рассмотреть вопрос в страноведческой и регионоведческой плоскостях. На примерах отдельных государств предлагается выделить ряд предпосылок, способствующих политическому активизму женщин, а также несколько условных специфических типов женского политического лидерства в Латинской Америке. В заключение делается вывод о том, что к настоящему моменту женское политическое участие на высшем уровне в Латинской Америке все же не выражается в формировании самостоятельной внутренне целостной группы влияния.

Ключевые слова: Латинская Америка, политическое лидерство, политические элиты, женщины-лидеры.

Автор

Коновалова Ксения Александровна

Магистрант кафедры американских исследований
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)

Приход на президентские посты ряда влиятельных латиноамериканских стран женщин, таких как Мишель Бачелет в Чили, Кристины Фернандес де Киршнер в Аргентине, Дилмы Руссефф в Бразилии, в свое время заставил СМИ и академическое сообщество говорить о феминизации латиноамериканской политики и особых, женских, политических элитах в регионе. Те авторы, кто не решался говорить о женских политических элитах как факте латиноамериканской государственной жизни, все равно исследовали феномен женского лидерства, подводя под него особые психологическую, поведенческую, даже биографическую основы [напр., 6].

К настоящему моменту феминизация политической панорамы Латинской Америки утратила свои наиболее яркие и медийные проявления. В Аргентине,

Бразилии, Коста-Рике, Чили женщины покинули президентские кресла, уступив их, как выразилась ушедшая в наиболее спорном и даже скандальном политическом контексте Д. Руссефф, «белым пожилым мужчинам» [3]. В связи с этим кажется актуальным вопрос: насколько все-таки обоснованным может быть восприятие Латинской Америки как региона, задавшего своеобразный тренд женских политических элит в современных условиях?

Для ответа на этот вопрос предлагается рассмотреть отдельно субъективный и объективный контекст тех условий, в которых реализуется в Латинской Америке политическое участие женщин на высшем уровне.

С субъективной стороны, обращаясь к отдельным национальным примерам (Аргентина, Бразилия, Чили, Парагвай), в принципе возможно сформулировать

совокупность условий, способствующих выдвижению женщин в высшие властные круги в Латинской Америке.

К таким условиям могут быть причислены:

а) внешняя политика поддержания статус-кво. Как известно, в XXI в. Латинская Америка пережила не одну радикальную трансформацию международного самопредставления как осуществляя попытки приблизиться к цивилизованному старому Западу через преференциальные торговые соглашения с США и даже помощь в военных операциях НАТО [2], так и возрождая проекты героев войны за независимость в левом ключе (образование и деятельность АЛБА — типичнейший пример). Можно заметить, что при этом женщины не становились инициаторами таких смен, они скорее действовали как надежные продолжатели заданного их пассионарными предшественниками-мужчинами курса. Так, К. Киршнер пришла к власти под лозунгами продолжения дела супруга Н. Киршнера, и в этом смысле даже больше походила на И. Перон, а не на Эвиту, чей образ ей так нравилось использовать [7]. Луиса Инасиу «Лулу» да Сильву латиноамериканская пресса широко называла политическим крестным отцом Д. Руссефф, имея в виду большую преемственность всего ее курса [10];

б) возможности (в т.ч. конъюнктурные) для запуска больших социальных реформ и обращения к проблемам «мягкой» безопасности. Характерным примером здесь снова может послужить Бразилия: еще в 2006 г. здесь был запущен масштабный социально ориентированный проект «Программа ускорения роста», призванный, как говорила тогда еще глава кабинета министров Д. Руссефф, «сделать Бразилию из нефтеэкспортной страны державой первого порядка» [9]. У Руссефф, активно занимавшейся данной программой, ориентированной в числе прочего на преодоление неравенства в доходах бразильцев, борьбу с бедностью и без-

работицей, было прозвище «матери» Программы ускорения роста. Президентство Руссефф было отмечено и другими мощными социальными инициативами, например, «Бразилия без бедности», «Мой дом, моя жизнь — 2». В целом, именно социальные реформы стали визитной карточкой правления Руссефф, ее главным козырем в теperешней борьбе с отстранившей ее оппозицией, и именно они сформировали ее женско-материнскую миссию в высокой бразильской политике. Еще один показательный случай касается М. Бачелет, чья внутренняя политика сосредоточивалась на реформировании высшего образования (его предполагалось сделать бесплатным к 2020 г. [8]), обеспечении защиты прав детей и матерей, разрешении экологических проблем [12]. Обращение к проблемам гендерного равенства, по признанию некоторых отечественных авторов [6], составляющее общее место внутриполитических повесток женщин — лидеров государств Латинской Америки, также может рассматриваться здесь как часть общей проблематики человеческой безопасности, традиционно интересующей женщин-лидеров.

Что касается конъюнктурности, то, конечно, широкое социальное реформирование с успехом реализовывалось до тех пор, пока мировые цены на сырье, за счет экспорта которого все еще по большей части живет Латинская Америка, были высоки. Обвал этих цен вел к пересмотру задач внутренней политики государств региона через тяжелые социально-экономические кризисы, в общем, и уходу женщин-лидеров, ассоциировавшихся с мегавложениями в местный человеческий капитал, с вершин большой политики, в частности. Так, например, с падением рейтингов К. Киршнер в конце ее второго срока совпал дефолт в Аргентине (2014), Д. Руссефф же подверглась импичменту на фоне жесточайшей за последние десятилетия экономической рецессии в Бразилии;

в) особое состояние структуры и внутригрупповых отношений национальной политической элиты, при котором существенно снижается либо исчезает влияние типичных в контексте региона силовых игроков (армия, компрадорская олигархия, мафиозные группировки).

Как известно, латиноамериканский регион в прошлом многократно сталкивался с опытом военных диктатур, и демократический транзит происходил здесь параллельно с выправлением военно-гражданского баланса. Можно заметить, что женщины приходили в большую политику именно на стадии консолидации демократии и достижения относительно высокого уровня институционализации власти. Так, М. Бачелет, которая сама являлась министром обороны в переходный период, возглавила страну только после реформ Р. Лагоса, «одного из архитекторов демократического транзита» [1]. Другой яркий пример дает Парагвай, где первой в истории женщиной-министром обороны в 2012 г. была назначена Мария Гарсиа Лис. Назначение гражданского юриста М. Гарсиа было символичным для Парагвая, в XXI в. еще переживающего наследие диктатуры А. Стресснера (1954–1989). Оно как бы олицетворяло необратимость политической десубъективизации армии на всех уровнях — от институционального до имиджевого [4. — С. 43].

Что касается влияния традиционного большого бизнеса, то примечательным антипримером может послужить та же Бразилия. Отстранение Д. Руссефф по коррупционным обвинениям можно логически связать с тем фактом, что объявленной целью администрации Руссефф в свое время являлась именно борьба с коррупцией [3], которая в известной степени и с давних пор составляет один из стержней бразильской государственной системы, нечто вроде добавочного механизма перераспределения государственных ресурсов. То есть, как только женщина-

лидер пришла и попыталась сломать этот механизм, вся дееспособность государства буквально рассыпалась.

Как видно, в запросе на женское лидерство в государствах и обществах региона важную роль играла имиджево-символическая и даже эмоционально-психологическая основа. При этом можно заметить, что женщины-лидеры оказывались как бы ярким и концентрированным, но одиночным, личностным символом сформированного ранее национального курса, пусть даже особенности этого курса и были сходными в группе стран. В каждом из рассмотренных случаев женщина приходила в систему статусов, ролей и их распределения, сложившуюся в политической элите латиноамериканской страны ранее.

При этом, конечно, имея в виду повороты биографии, стили лидерства и содержание правления известных латиноамериканских женщин-государственных руководителей, можно попытаться выделить несколько обобщенных концептов их лидерства. Но, во-первых, такая классификация не будет совершенно исчерпывающей (исчерпывающие классификации типов женского политического лидерства в ЛКА к настоящему моменту вообще не представлены в литературе). Во-вторых, накладывая содержание эти концептов на реальность стран, в которых женщины-лидеры правили, мы неизбежно столкнемся с ограничениями именно гендерной «особости» таких концептов. Как видно из таблицы 1, они вполне могут быть интерпретированы в духе общей, не ассоциирующейся с гендерным фактором, специфики региона ЛКА.

Здесь необходимо сказать, что сами по себе объективные особенности политической жизни региона ЛКА ориентированы на продвижение политического активизма женщин лишь косвенно, заодно с повесткой развития, и не несут в себе специальных каналов

Таблица 1. Женские типы политического лидерства в современной ЛКА

Условный тип женского политического лидерства	Примеры личностей	Пояснение	Как может соотноситься с не зависимым от гендерного фактора региональным политическим контекстом
Супруга национально-го вождя	Мирейя Москоско, Кристина Киршнер	Обе — жены экс-президентов, сменили супругов у руля управления страной	Проявление кланово-патерналистских связей как одного из каналов рекрутирования политической элиты в ЛКА
Мученица и героиня антидиктаторской борьбы	Мишель Бачелет, Дилма Руссефф	В прошлом подвергались репрессиям со стороны военных режимов, вели антидиктаторскую борьбу и пропаганду в подполье (Д. Руссефф). Придя к власти, сделали ставку на мифологию невозвращения к диктатуре, в том числе, особо акцентируя гуманистическое, социально ответственное лицо их государства	Проявление общественного запроса на харизматического лидера + лидера с хорошими способностями к кризисному менеджменту. И устойчивая демократизация, и насущные социально-экономические реформы представляют собой общую повестку для лидеров обоих полов в странах региона
Эффективная технократка	Мария Гарсиа Лис	Женщина-назначенец и символ для заранее утвержденного сценария реформ в стране (в Парагвае — реформы военно-гражданских отношений)	

для утверждения их в качестве особой группы влияния.

Так, во-первых, дело в том, что латиноамериканские развивающиеся государства и общества подвержены эффекту высокого старта. В политэкономии он трактуется как восстановительный рост экономик за счет выборочного внедрения новейших, опробованных передовыми обществами, способов организации национального хозяйства без глубоких системных реформ. В среде же политической культуры и сознания он связывается нами с копированием дискурса развитых стран. С точки зрения воздействия на массовое сознание, обсуждение в публичном информационном пространстве сюжетов, ассоциирующихся с развитостью, может создавать как бы иллюзию приближения к этой «разви-

тости» в государственной и повседневной человеческой реальности.

Не секрет, что проблематика недискриминации людей по признакам пола, цвета кожи, сексуальной ориентации стала общим местом политических программ развитого Запада, в идейном и цивилизационном поле влияния которого находится Латинская Америка. Так что здесь феминизация политики вполне может быть одним из инструментов тактики калькирования политического дискурса развитых стран.

Во-вторых, женский активизм во власти явно воспринимаем в неомарксистской идейной традиции, интеллектуальное оформление политики в котором в целом свойственно Латинской Америке. Стоит учесть, что неомарксизм в данном случае проявляет себя очень широко — от давно известных теорий

зависимого развития до «социализма XXI века» по Уго Чавесу. Собственно, в чавистской Венесуэле большая пропагандистская ставка была сделана именно на политическое участие женщин. Большой комплекс мер — от принятия новой эгалитарной «боливарианской» конституции до передачи в какой-то момент более чем десятка министерских постов женщинам — был призван подчеркнуть, что социалистическая Венесуэла является образцовым «гендерно чувствительным» государством. Характерно, что и на фоне кризисных событий последних лет женская политическая мобилизация в Венесуэле сохранена: весной 2017 г., например, в стране стали собираться «Женские бригады Уго Чавеса», целью которых являлась пропаганда социалистической экономики и общее повышение привлекательности социалистического пути развития для Венесуэлы [13].

Кроме этого, с точки зрения теории, типология женского политического лидерства в Латинской Америке, даже взятая на региональном фоне, может вполне вписаться в универсальные рамки, исходно вообще не связанные со страновой или региональной спецификой. Обратим внимание, например, на следующее обстоятельство: во многих латиноамериканских государствах институционализированные демократические механизмы до сих пор соседствуют с феноменом персонификации политики. В современных условиях это порождает запрос на эффективного «лидера-пожарного» с чертами «лидера-знаменосца», по типологии Маргарет Херманн. При таком раскладе женщина, как, собственно, и мужчина, с соответствующими личностными и деловыми качествами могут получить высокий государственный пост путем участия в стандартной внутрипартийной и/или электоральной конкуренции. Так, в Бразилии летом 2017 г., как показывали социологические опросы, в предвыборной гонке обнаружили два принципиальных фаворита (тогда это

были гипотетические 2–3 места после Луиса «Лулы» да Силвы) — М. Сильва и Ж. Болсонару [11]. Сильва при этом представляла умеренно левый фланг, Болсонару — крайне правый, и можно сказать, что конкуренция между ними на тот момент указывала на существование двух альтернатив для дальнейшего пути Бразилии — либо (условно) по примеру европейской социал-демократии, либо по примеру правонационалистических экспериментов. Альтернатива Сильва при этом имела в первую очередь общегосударственное и общегражданское, и только затем символическое и гендерное звучание.

Таким образом, по нашему мнению, более логично сегодня ставить вопрос о существовании традиции политического участия женщин в Латинской Америке, а не женских элит как реального субъекта властных отношений.

В Латино-Карибской Америке, как, впрочем, и в других регионах и обществах, сегодня существуют субъективные и объективные предпосылки для того, чтобы женщины на паритетных началах с мужчинами могли соревноваться в электоральной и внутрипартийной борьбе. Чисто региональная и страновая специфика может при этом как способствовать продвижению женщин в большую политику (например, неомарксистские идеологические традиции, связанные с «левым поворотом»), так и мешать ему (например, наличие упоминавшихся силовых игроков в местных политических элитах).

В целом на основании биографий нескольких женщин-государственных деятелей нельзя сделать вывод о формировании какой-то устойчивой новой группы политического влияния, объединенной *объективным* признаком помимо гендерного. Латиноамериканские женщины-политики выступают, скорее, как политики *вообще*, обладая каждой своим видением национальных государственных реальностей, собственными конкурентными преимуществами и слабостями.

Литература

1. *Дабагян Э.* Дважды президент Мишель Бачелет // Новая газета. — 2015. — 10 марта. — URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/03/10/63341-dvazhdy-prezident-mishel-bachelet>.
2. Колумбия готова отправить войска в Афганистан в поддержку миссии НАТО // Regnum. — 31.05.2017. — URL: <https://regnum.ru/news/2282092.html>.
3. *Петрич Б.* Дилма Русеф: Только неопутчисты могут помешать победе Лулы да Силвы на президентских выборах. — Иносми. — 28.04.2017. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20170428/239240395.html>.
4. *Хейфец Л.С., Коновалова К.А.* Военно-гражданские отношения в Парагвае после диктатуры Альфредо Стресснера // Латинская Америка. — 2017. — № 8.
5. Чили ждет второй тур президентских выборов // РИА Новости. — 25.11.2017. — URL: <https://ria.ru/world/20171125/1509571193.html>.
6. *Яковлева Н.М.* Феномен женского лидерства в странах Латино-Карибской Америки // Перспективы. — 25.04.2011. — URL: http://www.perspektivy.info/book/fenomen_zhenskogo_liderstva_v_stranah_latino-karibskoj_ameriki_2011-04-25.htm.
7. *Ярыгина М.А.* Образ Эвы Дуарте де Перон в предвыборной кампании Кристины Фернандес де Киршнер // Латинская Америка. — 2012. — № 5. — С. 59–66.
8. ¿Es posible la universidad gratuita en Chile? // La Semana. — 13.02.2017. — URL: <http://www.semana.com/educacion/articulo/la-educacion-publica-en-chile/515426>.
9. Dilma Rousseff. — CIDOB. 29.12.2016. — URL: https://www.cidob.org/biografias_lideres_politicos/america_del_sur/brasil/dilma_rousseff.
10. Lula da Silva y Dilma Rousseff lanzan un sitio web que defiende sus 12 años en el poder // La Nación. — 12.08.2014. — URL: <http://www.nacion.com/el-mundo/conflictos/lula-da-silva-y-dilma-rousseff-lanzan-un-sitio-web-que-defiende-sus-12-anos-en-el-poder/MI3XYGZG6B-D63ONFYACJ5EMRNQ/story/>.
11. Lula lidera, e Bolsonaro disputa com Marina 2º lugar em cenários para 2018. — Datafolha. 26.06.2017. — URL: <http://datafolha.folha.uol.com.br/eleicoes/2017/06/1896223-lula-lidera-e-bolsonaro-disputa-com-marina-2-lugar-em-cenarios-para-2018.shtml>.
12. Michelle Bachelet // Forbes — Profile. — URL: <https://www.forbes.com/profile/michelle-bachelet/>.
13. *Oliveiro A.* Se organizan Brigadas de Mujeres Hugo Chávez a nivel nacional // El Universal. — 2017. — 17 марта. — URL: http://www.eluniversal.com/noticias/politica/organizan-brigadas-mujeres-hugo-chavez-nivel-nacional_644238.

БАЛАНС СИЛ МЕЖДУ КЛЮЧЕВЫМИ АКТОРАМИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ В РАМКАХ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ США. ВОЗМОЖНО ЛИ СНИЗИТЬ НАПРЯЖЕННОСТЬ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ США — КИТАЙ — РОССИЯ?

Аннотация

На сегодняшний день военно-политический потенциал Вашингтона со стратегической точки зрения уступает таковому Москвы и Пекина в совокупности, но превосходит их по отдельности. Между США и Китаем, вероятнее всего, будет идти серьезное соперничество за экономическое лидерство. Победа в нем будет одним из определяющих факторов устройства мировой системы и прямо отразится на военно-политических возможностях ключевых стран мира. США необходимо получить серьезную поддержку со стороны давних и новых партнеров. Иначе в течение следующих 20 лет Вашингтон рискует сдавать позиции новой сверхдержаве. Если же сложится союз США — Китай, то он будет сильно влиять на ЕС и Россию. Пока такой сценарий не реализован, углубление сотрудничества Москвы с Пекином представляется целесообразным и может помочь России совершить (технологический) рывок вперед. После того как наши страны были поставлены в ряд ревизионистских, у Пекина есть еще один повод в пользу укрепления российского вектора внешней политики.

Ключевые слова: Китай, США, сотрудничество, экономическое лидерство, ведущее государство, военная доктрина, многополярный мир.

Автор

Петречук Александр Игоревич

Магистрант кафедры политологии
Института международных отношений
и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического
университета
(Москва, Россия)

Для американских политиков, военных и экспертного сообщества понятие «оборона» зачастую обозначает разные вещи. Основной вопрос — правомерно ли называть политическую стратегию и военную доктрину США оборонительной. Ответ не может быть однозначным. Главное, от чего стоит отталкиваться, — зона интересов вашингтонской и объединенной трансатлантической элиты — почти весь мир [10], точнее, любое место на планете, которое обладает определенной минимальной полезностью и до которого можно добраться. С этой точ-

ки зрения — любое движение против указанной модели является опасным, а значит, нужно обороняться.

С точки зрения других мировых игроков подобный подход никакого отношения к защите не имеет. Вернее называть его весьма агрессивным сдерживанием, на которое Вашингтон теперь официально делает ставку [7]. Эта политика направлена против Китая и России. Стоит отметить, что до этого момента американцы так или иначе пытались (или делали вид) наладить «сотрудничество» с двумя странами, или, как выражались маститые аме-

риканские политологи, «вовлечь в сотрудничество» [6].

С Россией взаимодействие было относительно быстро свернуто. «Их не интересовала региональная держава», — как выразился Б. Обама. Ведь Москва не показала прямой заинтересованности в улучшении отношений с Вашингтоном ценой неприемлемых уступок.

С Китаем же дело развивалось иначе. В начале 2000-х гг. американцы пришли к осознанию необходимости работы над Китаем. В конце 2006 г. американские исследователи Н. Фергюсон (Niall Ferguson) и М. Шулярик (Moritz Schularick) ввели в научный оборот термин «Кимерика» (Chimerica) [13] и тогда же озвучили концепцию создания союза двух экономических гигантов (этакий G2), которые будут вместе править миром [27]. В 2009 г. во время визита в Пекин З. Бжезинский выступил с новой интерпретацией этой идеи, предложив создание «G2» [15] — «большой двойки» (была отвергнута китайским руководством) [16]. В том же году в интервью «Financial Times» Г. Киссинджер развил концепцию стратегического союза между США и Китаем [19].

По мнению вашингтонских аналитиков, «движение Китая к либеральной рыночной экономике» замедлилось или даже остановилось после того, как С. Цзиньпин в конце 2012 г. был избран генеральным секретарем КПК. По оценке газеты «Нью-Йорк таймс», его понимание реформ не похоже на прежние элементы либерализации, которые запускали в 1980–1990-е гг. Д. Сяопин, Х. Цзиньтао и другие высшие руководители КНР. Тогда партия постепенно обращалась к рыночным силам и откровенному капитализму. Версия реформ С. Цзиньпина означает движение в противоположном направлении: активизация государственного и партийного контроля, сохранение и развитие государственных предприятий. Рыночные механизмы были упомянуты им только в контексте укрепления власти

КПК. Председатель КНР поставил цель занять к 2035 г. лидирующие позиции в глобальных инновациях, подтвердил курс на строительство социализма с китайской спецификой. А к 2050 г. Китай по комплексной государственной мощи и международному влиянию может стать ведущим государством мира [9]. Американцы очень хотели видеть Китай в роли союзника [12]. С целью более быстрого движения Поднебесной к демократии внутри страны готовилось «гражданское общество», поддерживались уйгуры.

Вашингтонский истеблишмент, в котором сильно мессианские настроения, вера в божественное предназначение американской нации и превосходство американского образа жизни, не мог смириться с тем, что какая-то страна хоть в чем-то способна обойти США. Эти настроения хорошо выразил бывший стратегический советник Д. Трампа С. Бэннон. Он подчеркнул: «Мы находимся в состоянии экономической войны с Китаем <...> Один из нас станет гегемоном в ближайшие 25–30 лет. И если мы задержимся на этом пути, то Китай обгонит нас. Если мы продолжим проигрывать, то через пять или десять лет достигнем точки невозврата, после которой уже никогда не сможем восстановиться» [21].

Стоит отметить, что именно в этом контексте из-за океана оценивают проект «Один пояс — один путь» [2]. По словам бывшего госсекретаря США Р. Тиллерсона, эта «экономическая инициатива по укреплению региональной торговли и производительности нарушает существующую систему экономических правил и норм... Китай, похоже, хочет установить свои собственные правила и нормы» [11]. По сути, американское руководство пугает не сам торговый путь, а то, как он скажется на основных экономических показателях КНР. Поднебесная в 2015 г. уже обогнала США по размеру ВВП (по ППС) [3], по сальдо внешнеторгового баланса, по счету текущих операций

[5], международных резервов Центробанка. Все успехи Пекина в экономике, которая основана на сочетании частной и государственной собственности, показывают успешность китайской модели развития, в противовес неолиберальной рыночной экономике. Особо стоит отметить социальное измерение китайской экономической модели, которая помогает эффективно бороться с бедностью и наращивать средний класс. Неолиберальная модель же способствует обогащению единиц, лишая американскую мечту массы. Ориентация развивающихся стран на Поднебесную и ее успешную социально-экономическую модель позволит Китаю начать свою восхождение к статусу супердержавы. В первую очередь Пекин вытеснит Вашингтон из АРТ, который в Стратегии национальной обороны США назван ключевым, поскольку «открытый и свободный регион обеспечивает процветание и безопасность для всех» [25]. Руководство Китая фактически приступило к соответствующим действиям. Американцы в ответ на это в своей Стратегии национальной безопасности пообещали «активизировать сотрудничество с партнерами по всему региону», в частности с Индией, Тайванем, Таиландом, Филиппинами и т.д. [23].

Данные стратегии вышли через несколько месяцев после XIX съезда КПК, на котором председатель КНР С. Цзиньпин заявил о следовании Китаем своим собственным путем к статусу ведущего государства мира. Эти документы стали реакцией американского руководства как на укрепление позиций Китая, так и его лидера внутри его страны [1]. В Вашингтоне поняли, что не смогут привлечь Пекин к сотрудничеству на своих условиях. Геоэкономические конструкции американских геополитиков разрушились и единственно возможным остался вариант долгосрочного сдерживания Китая, который фактически объявил о своем намерении конкурировать с США за мировое лидерство.

Примечательно, но анализ недавно выпущенных американских документов стратегического планирования показывает, что, пожалуй, впервые их главной темой является экономика, задачи экономического развития и всестороннего сотрудничества. Даже военная доктрина, так или иначе, увязана с обеспечением экономической безопасности США. При этом сама тематика экономического взаимодействия с Китаем является приоритетной и острой, поскольку Поднебесная бросает вызов порядку, установленному западными державами после окончания Второй мировой.

Судя по всему, американские эксперты и политики рассчитывали, что универсальные западные культурные ценности, рыночная экономика, интеграция в международные структуры будут способствовать либерализации китайского политического строя, либерализации среди руководства Коммунистической партии Китая, что в итоге трансформирует Поднебесную в либеральную демократию. На этой основе можно было бы заложить прочный союз двух держав — G2. Фактически такой союз исторически сложился в экономической плоскости, но не политической. На сегодняшний день объем товарооборота между США и Китаем действительно впечатляет.

Солировать в таком партнерстве должен был бы Вашингтон. В варианте Трампа это звучит как «большая сделка» (great deal) [14], по условиям которой Белый дом отказывается от экономических претензий к КНР, а последняя становится лояльной к интересам США на международной арене, в частности в КНДР и Сирии. Однако уже в мае 2009 г. премьер-министр Госсовета Китая В. Цзябао категорически отверг концепцию «большой двойки». Он заявил, что «говорить о доминировании двух держав в международных делах абсолютно необоснованно и ошибочно. Китай будет проводить независимую политику и не станет вступать в альянс

с какими-либо странами» [4]. Для Вашингтона подобное объединение было бы благом, но с высокой долей вероятности обернулось бы кошмаром для России [20].

Казалось бы, после того как США получили стратегического оппонента в виде Китая, им стоило наладить отношения с Москвой. Но даже сейчас не стоит питать иллюзий по поводу возможности смягчения отношений между Кремлем и Белым домом. С этим утверждением согласны и эксперты Stratfor. «Надейся на лучшее, но готовься к худшему. Это мантра, которой строго придерживаются США и Россия, поскольку они готовятся к напряженным отношениям на предстоящие несколько лет», — утверждают специалисты агентства [26]. Исходя именно из этого посыла, стоит проводить анализ военно-политической стратегии Вашингтона, которую там считают не иначе как оборонительной. Не секрет, что Конгресс США одобрил выделение Министерству обороны \$700 млрд в 2018 г. и рассматривает выделение \$686 млрд в 2019 г. [17].

Ситуация для оппонентов Вашингтона в военном плане складывается неоднозначная. На сегодняшний день ВМС Китая самые большие в мире (по количеству судов), а в долгосрочной перспективе и самые мощные. По потенциалу ВМС России находятся приблизительно на одном уровне с американскими, что подтверждают западные военные. При этом российские системы ПВО-ПРО считаются одними из лучших в мире. Касательно сухопутных войск, превосходство в численности и силе все-таки на стороне Поднебесной, учитывая мобилизационный резерв. В пользу США можно засчитать их лидерство в НАТО. Совокупная мощь блока значительно выше российской в количественном отношении, при этом наша армия рассредоточена по стране. У всех трех стран имеется ядерное оружие, лидером в этой сфере является Россия, однако не следует преувеличи-

вать значимость данного фактора. Поскольку в ходе выяснения отношений в виде опосредованных локальных столкновений, противоборстве на территории третьих стран чужими руками, указанный фактор практически не играет роли из-за того, что применение атомного оружия может привести к более серьезному противостоянию ввиду следующих обстоятельств:

1. США создают глобальную систему ПРО, состоящую из двух сегментов — европейского и азиатского. Пентагон ни на минуту не прекращает развивать многоуровневую систему глобальной ПРО с момента выхода из Договора об ограничении систем противоракетной обороны в 2002 г. В нее входят подсистемы наземного (THAAD, Patriot PAC-3, Aegis Ashore), морского (Aegis) и воздушного базирования (ABL). Несмотря на то, что примерно половина пусков противоракет на испытаниях закончилась неудачей, американцам удалось серьезно продвинуться в этом деле. Разрабатываемая система коррекции противоракет со спутников качественно поднимет возможности ПРО. В начале ноября 2017 г. Агентство противоракетной обороны (MDA) США закончило размещение ракет-перехватчиков наземного базирования на Аляске;

2. США реализовывают пресловутую стратегию быстрого глобального удара. Основу ударных средств в этой концепции составляют крылатые ракеты (КР) «Томагавк», в долгосрочной перспективе гиперзвуковые КР большой дальности, баллистические ракеты наземного и морского базирования в неядерном оснащении (перспективными гиперзвуковыми блоками). США располагают морской группировкой, которая может нести более 4 тысяч, а ВМС США — более тысячи КР «Томагавк» с дозвуковой скоростью полета.

Однако «Томагавки» не в полной мере обеспечивают нужную скорость удара. А оружие со скоростью полета 6500–7500 км/час, оптимальной для

быстрого нападения, у Вашингтона пока нет. Более того, быстрота и внезапность, глобальность удара могут быть достигнуты лишь при условии, если во всех жизненно важных районах будут присутствовать группировки ВМС и ВВС США. Это означает, что для подготовки нападения на относительно большую страну необходимо, по крайней мере, два месяца, поскольку необходимо будет осуществлять стратегическое развертывание группировок своих ВВС и ВМС в районах боевого применения. В итоге в среднесрочной перспективе БГУ целесообразно применить только в ходе локального конфликта. Однако с переходом на гиперзвуковое вооружение потенциал концепции значительно возрастет.

На текущий же момент соревнование между Вашингтоном и Пекином [18] происходит по следующей схеме: США хотят сохранить свое господство в АТР, который они получили по итогам Второй мировой, а Китай хочет очистить от американского присутствия жизненно важное пространство, создать зону безопасности. Единственно реальной возможностью затормозить (остановить) экспансию Поднебесной является создание общего и всеобъемлющего фронта против КНР и России в столь перспективном регионе. В экономическом отношении это выражается в создании проекта по типу Транстихоокеанского торгового партнерства, но отстаивающего экономические интересы американского государства, а не корпораций. В военно-политическом плане объединение может происходить по примеру НАТО и с учетом опыта консолидации [22] очень разных по всем параметрам стран. В связи с этим США заинтересованы не только в укреплении старых связей, но и поиске новых крупных партнеров, например, Индии.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- американцы не смогли договориться с Китаем о создании союза и вынуждены противостоять Пекину;

- США без поддержки союзников не могут гарантировать свою победу в ходе борьбы с Россией и Китаем, тем более во всех сферах [24];
- между Вашингтоном и Пекином, вероятнее всего, будет идти серьезное соперничество за экономическое лидерство по всему миру;
- вероятно создание региональных военных блоков с участием США в АТР и Персидском заливе;
- Россия будет оставаться объектом давления со стороны США, при этом Китай не готов принять Россию «с распростертыми объятиями»;
- растущая мощь Китая и его, зачастую необоснованные, территориальные притязания к соседям, вызывают серьезную обеспокоенность стран региона за свою безопасность и подстегивают США к более решительным действиям;
- наращивание потенциала вооруженных сил стран АТР нарушает сложившийся паритет вооружений;
- среди всех изменений в политике Вашингтона, произошедших с приходом Д. Трампа к власти, наиболее примечательные изменения происходят в сфере торговли. Действующая администрация Белого дома теперь с подозрением относится к многосторонней системе торговых правил, ранее созданных США.

В итоге пока есть все основания говорить о том, что идею «G2» при Трампе постигнет та же судьба, что и при Обаме, несмотря на все политические реверансы Белого дома. У сменяющих друг друга администраций США попытки выстраивать особые отношения с Китаем стали уже чем-то вроде традиции, уходящей корнями к временам Никсона-Киссинджера [8]. Тенденция к становлению многополярного мира трудно обратима, и все старания Вашингтона сохранить единоличное лидерство с помощью разделения ответственности едва ли будут успешными [4]. Ведь вашингтонские политики столкнулись со сложностями либерального миро-

вого порядка, защита которого требует проблемы становятся американскими от США больших усилий, а мировые проблемами.

Литература

1. Итоги XIX съезда КПК: Россия и Китай наносят совместный удар // ИА REGNUM. — 2017. — 26 октября. — URL: <https://regnum.ru/news/2338735.html> (дата обращения 22.09.2018).
2. Как XIX съезд КПК изменит Китай и его отношения с миром // Московский центр Карнеги. — 2017. — 21 октября. — URL: <http://carnegie.ru/commentary/73464> (дата обращения 20.09.2018).
3. Китай — крупнейшая экономика мира, официально // РБК. — 2014. — 9 октября. — URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2014/10/09/56bd9b609a7947299f72c82d> (дата обращения 22.09.2018).
4. Минин Д. Поделят ли США и КНР мир на двоих? Новое издание идеи G2 // Фонд стратегической культуры. — 2017. — 22 апреля. — URL: <https://www.fondsk.ru/news/2017/04/22/podeljat-li-usa-i-knr-mir-na-dvoih-novoe-izdanie-idei-g2-43862.html> (дата обращения 20.09.2018).
5. Михайлов С. Китай обходит США // Газета.ру. — 2104. — 8 октября. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/10/08/6254453.shtml> (дата обращения 20.09.2018).
6. Сушенцов А. Военное присутствие США в АТР // РСМД. — 2012. — 8 июня. — URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennoe-prisutstvie-ssha-v-atr/> (дата обращения 21.09.2018).
7. США назвали сдерживание «агрессии России» приоритетом в Европе // Forbes. — 2016. — 27 января. — URL: <http://www.forbes.ru/news/311361-ssha-nazvali-sderzhivanie-agressii-rossii-prioritetom-v-evrope> (дата обращения 26.09.2018).
8. Федотов В.П. О формуле G2 в отношениях США и Китая: мифы и реальности // РИСИ. — 2010. — 28 апреля. — URL: <https://riss.ru/analytics/1071/> (дата обращения 21.09.2018).
9. Холодков В.М. США vs КНР: торговая война — первый этап в битве идей // РИСИ. — 2018. — 2 марта. — URL: <https://riss.ru/analytics/48383/> (дата обращения 26.09.2018).
10. Яковлев Г. Зона жизненных интересов — весь мир // Национальная оборона. — 2017. — URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/geopolitics/2017/0726/145821799/detail.shtml> (дата обращения 22.09.2018).
11. Ansley R. Tillerson's Takes on US Foreign Policy: A Year in Review // Atlantic Council. — 2017. — 13 December. — URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/tillerson-s-takes-on-us-foreign-policy-a-year-in-review/> (accessed: 23.09.2018).
12. Bergsten C.F. Two's Company // Foreign Affairs. — 2009. — 1 September. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2009-09-01/twos-company> (accessed: 23.09.2018).
13. Bernstein R. Chimerica: A Marriage on the Rocks? // The New York Times. — 2009. — 4 November. — URL: <https://www.nytimes.com/2009/11/05/us/05iht-letter.html> (accessed: 24.09.2018).
14. Bradsher K. Trump Promotes Deals in China, but Hints at Long Trade Fight Ahead // The New York Times. — 2017. — 9 November. — URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/09/business/donald-trump-china-trade-xi-jinping.html> (accessed: 20.09.2018).
15. Brzezinski Z.K. The Group of Two that could change the world // The Financial Times. — 2009. — 13 January. — URL: <https://www.ft.com/content/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac> (accessed: 21.09.2018).
16. Carafano C.C. Why a U.S.-China "G2" Won't Work // The Heritage Foundation. — 2016. — 6 January. — URL: <https://www.heritage.org/defense/commentary/why-us-china-g2-wont-work> (accessed: 25.09.2018).
17. Daniels J. Senate passes \$700 billion defense policy bill, backing Trump call for steep increase in military spending // CNBC. — 2016. — 18 September. — URL: <https://www.cnbc.com/2017/09/18/senate-passes-700-billion-defense-policy-bill-backing-trump-call-for-steep-increase-in-military-spending.html> (accessed: 25.09.2018).
18. Denmark A. A New Era of Intensified U.S.-China Competition // Wilson center. — 2018. — 4 January. — URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/new-era-intensified-us-china-competition> (accessed: 25.09.2018).

19. *Ferguson N., Schularick M.* The End of Chimerica // Harvard Business School. — 2009. — P. 4. — URL: https://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/10-037_0fdf7d5e-ce9e-45d8-9429-84f8047db65b.pdf (accessed: 26.09.2018).
20. *Junbo J.* China says 'no thanks' to G-2 // Asia Times Online. — 2009. — 29 May. — URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/KE29Ad01.html> (accessed: 26.09.2018).
21. *Kuttner R., Bannon S.* Unrepentant // The American Prospect. — 2017. — 16 August. — URL: <http://prospect.org/article/steve-bannon-unrepentant> (accessed: 26.09.2018).
22. *Marston H., Saetren W.* Washington Must Own up to Superpower Competition With China // The Diplomat. — 2018. — 18 March. — URL: <https://thediplomat.com/2018/03/washington-must-own-up-to-superpower-competition-with-china/> (accessed: 27.09.2018).
23. National Security Strategy of the United States of America. — 2017. — December. — P. 47. — URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (accessed: 23.09.2018).
24. *Qi C.* Competition and Cooperation in U.S.-China Relations. // Center Carnegie-Tsinghua. — 2014. — 9 January. — URL: <https://carnegietsinghua.org/2014/01/09/competition-and-cooperation-in-u.s.-china-relations-pub-54099> (accessed: 23.09.2018).
25. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. — P. 9. — URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed: 25.09.2018).
26. The U.S. and Russia Plan for Conflict // Stratfor Worldview. — 2016. — 25 May. — URL: <https://worldview.stratfor.com/article/us-and-russia-plan-conflict> (accessed: 22.09.2018).
27. *Trigkas V.* Chimerica in Decline? // The Diplomat. — 2015. — 4 May. — URL: <https://thediplomat.com/2015/05/chimerica-in-decline/> (accessed: 23.09.2018).

ВЛИЯНИЕ РОССИИ И КИТАЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ВАЖНЕЙШЕГО РЕГИОНА ДЛЯ РОССИИ)

Аннотация

Возвышение России как одного из реальных центров мировой политики и Китая в качестве экономической державы, а также стремительный экономический подъем региональных держав в разных континентах привело к тому, что единоличному доминированию США на мировой политико-экономической арене пришел ожидаемый конец. Однако, как показывает практика, Вашингтон категорически отрицает право других народов на реализацию своих национальных интересов, что породило формирование нового мирового порядка. В статье раскрываются причины и последствия противостояния мировых держав на мировой арене вследствие формирования нового мирового порядка. Рассматривается роль и влияние, а также потенциал России и Китая как альтернативного центра силы на формирование нового миропорядка на примере Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова: новый мировой порядок, национальные интересы, политика безопасности, геополитика, Центральная Азия, мировая держава.

Автор

Хидоятзода Комрони Джамолидин

Магистр политических наук, исполнительный директор
Центрально-Азиатского экспертного клуба
«Евразийское развитие»
(Душанбе, Таджикистан)

Распад Советского Союза и самороспуск Варшавского договора в 1991 г. ознаменовали собой начало новой эпохи в международных отношениях конца XX — начала XXI вв. Существующий мировой порядок, при котором мир контролировали социалистический и капиталистический центры силы, рухнул в одночасье. Несмотря на то, что Россия является правопреемницей Советского Союза, на тот период социально-экономическое и военно-политическое положение не позволяли Москве продолжить политику сверхдержавности СССР. Напротив, Соединенные Штаты начали заметно укреплять свои позиции в качестве единственной глобальной державы, подстроив под свои интересы между-

народные финансовые институты — Всемирный банк, Международный валютный фонд и другие глобальные политические, экономические и культурные институты, утвердив тем самым мировой порядок, поставив во главу угла собственные национальные интересы, игнорируя права остальных на проведение независимой военно-политической и экономической политики.

Безусловно, как справедливо отмечает Е.М. Примаков — теоретик концепции многополярного мира, однополярная модель развития приводит к подавлению независимых политических и экономических центров (в том числе и с применением военной силы), которые взаимодействуют с мировым сообществом не через единый центр, а

самостоятельно. Многополярное мироустройство является ареной различных мировых акторов, которые могут через диалог в рамках международных формальных и неформальных организаций (ООН, «Группа двадцати» (G20) и др.) согласовывать свою внешнюю политику.

Альтернативой концепции многополярного мира выступает доктрина однополярного мира. Как считал Примаков, главными идеологами однополярного мира выступают американские неоконсерваторы (неоконсерваторы), которые разработали доктрину американского унилатерализма. Согласно этой доктрине, США после окончания холодной войны берут на себя право определять, какие государства угрожают мировому сообществу, и без решения Совета Безопасности ООН, а также без согласования с союзниками по блоку НАТО могут применять против таких государств вооруженную силу [2. — С. 7].

По убеждениям Примакова, в становлении многополярного мира особая роль отводится российско-китайскому стратегическому партнерству. Будучи министром иностранных дел и директором СВР, Евгений Максимович заложил основы дальнейшего укрепления и всестороннего развития стратегического партнерства между двумя странами [1. — С. 46].

Г. Киссинджер в новом труде «Мировой порядок» объясняет нынешнее состояние мирового порядка следующим образом: «Мировая арена пребывает в «естественном состоянии» и представляет собой анархию, поскольку нет мирового суверена, который бы гарантировал безопасность всему миру, да и сотворить таковой не имеется практической возможности. Следовательно, каждому государству необходимо ставить собственные национальные интересы превыше всего — в мире, где власть является первостепенным фактором» [3].

Соответственно, чтобы каждое государство могло реализовать свои национальные интересы и для обеспе-

чения устойчивого развития мирового сообщества новый мировой порядок должен быть многополярным. Без соблюдения такого права не представляется возможным направить международные отношения в русло мирного сосуществования и сотрудничества.

С началом нового тысячелетия мировое сообщество испытывает воздействие резкого ухудшения международного военно-политического климата, главным образом, из-за усиленного противостояния возвышающихся мировых и региональных держав за слом глобального господства Запада, которое выражается в военно-политической, экономической и информационно-психологической борьбе, по сути, сейчас мы являемся свидетелями подлинной гибридной войны между противоборствующими сторонами, которая позволяет использовать все имеющиеся ресурсы. Нарастание конфронтации США с Россией, Китаем, Ираном и другими странами на Ближнем Востоке и Центральной Азии, ставит под угрозу устойчивое развитие, военно-политическое и экономическое будущее Центрально-Азиатского региона, который является одним из важнейших для России и Китая регионов. Причиной такой конфронтации можно объяснить стремлением развивающихся и возвышающихся стран пересмотреть систему поведения на международной арене, в которой до настоящего времени США насаждали мировому сообществу свои ценности. Соответственно, противники такого подхода на мировой политической и финансово-экономической арене являются для Вашингтона главными военно-политическими врагами, а правительства этих стран объявляются диктаторскими режимами и изгоями [4].

Говоря об однополярности, мы должны понимать, что речь не идет только о единоличной гегемонии Соединенных Штатов, а именно о стремлении коллективного Запада, во главе с США, и при второстепенной роли

Великобритании, Франции, Германии, которые объединены общей целью распространения своих ценностей и идеологии для сохранения своих ведущих позиций в мире. После того, как Россия потеряла контроль над некоторыми постсоветскими странами в Восточной Европе, Вашингтон счел нужным расширение своего военного присутствия в этом регионе посредством включения восточноевропейских стран в НАТО, тем самым создавая угрозу национальной безопасности России. Таким же образом Запад действовал в Украине, что стало причиной раздора между двумя близкими странами. США пытались утвердить свое господствующее положение в непосредственной близости от исторической зоны российских интересов.

Однако реальность заключается в том, что Запад утратил свою позицию мощной силы в мультиполярном мире. Это определило снижение влияния США и их союзников, так как мир двинулся в направлении новой геополитической ситуации. Возвышение России как одного из реальных центров мировой политики и Китая в качестве глобальной экономической державы, а также стремительный экономический подъем региональных держав в разных континентах, привело к тому, что стратегии гегемонизма США на мировой политико-экономической арене пришел ожидаемый конец. Однако, как показывает практика, Вашингтон категорически отрицает данное явление и право других народов на реализацию своих национальных интересов, что породило формирование нового мирового порядка с множеством центров силы в разных регионах. Как отмечают эксперты, на наших глазах сбывается главный кошмар Г. Киссинджера — сближение России и Китая. Острая фаза конфронтации между США и Россией, а также начавшаяся торговая война между Вашингтоном и Пекином положительно отразились на сближении Москвы и Поднебесной.

В условиях становления многополярного мира Россия и Китай, имея в своем арсенале такие мощные геополитические и геоэкономические проекты, как ШОС, БРИКС, глобальный китайский проект «Один пояс — один путь», ОДКБ, СНГ, СВМДА и другие, играют важнейшую роль, бросая тем самым вызов американскому доминированию. Спротивление Москвы и Пекина находит пока еще молчаливую поддержку большинства государств, прежде всего не западного мира. В их числе новая потенциальная сверхдержава — Индия, другие члены БРИКС и Иран [5].

Не будет преувеличением сказать, что в нынешних условиях, какую бы актуальную проблему мы ни взяли, отчетливо прослеживается все большая степень участия Москвы и Пекина в ее справедливом решении в рамках международного права. Заметно возросли активность и становление ШОС в качестве нового центра силы, включающей в свой состав половину членов всемирного ядерного клуба. Для России и Китая целесообразно сохранение тесных отношений с Индией и Ираном — самыми мощными региональными партнерами в Южной Азии и на Ближнем Востоке.

Россия и Китай воспринимаются Соединенными Штатами как главные противники, соответственно, стремление Вашингтона в сотрудничестве со своими сателлитами развязать санкционную и торговую войну с Россией и Китаем можно объяснить не иначе, как экономическим ослаблением и сдерживанием военно-политического и экономического роста Москвы и Пекина.

К сожалению, за последние годы США также активизировали свою стратегию по использованию международных террористических сетей для достижения своих политических целей. Международный терроризм, ставший удобным оружием для нанесения максимального ущерба противникам, является самой масштабной угрозой мировому сообществу. Официально

США говорят о поддержке стабильности и безопасности в регионе, борьбе с терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, об укреплении границ Центральной Азии с Афганистаном. В этом направлении они сотрудничают со странами Центральной Азии в рамках «Антитеррористической коалиции», программы НАТО «Партнерство во имя мира», а также в двусторонних форматах.

Однако, в условиях конфронтации с Россией и КНР целью США в этом регионе может стать распространение нестабильности на Центральную Азию и создание прямых угроз России и Китаю. Именно так можно объяснить поддержку ряда террористических групп со стороны США. Например, российские эксперты уверены, что именно США стоят за активизацией ИГИЛ в Афганистане и поддерживают производство наркотиков в этой стране.

Страны Центральной Азии серьезно обеспокоены концентрацией основной мощи международных террористических группировок на граничащих с государствами региона провинциях Афганистана. Для наших стран в настоящее время одним из ключевых вопросов обеспечения национальной безопасности является эффективная информационно-психологическая борьба против террористических и экстремистских групп. Соответственно, Россия и Китай являются важнейшими союзниками и партнерами государств региона в борьбе против распространения террористической идеологии в непосредственной близости зоны ответственности ШОС и ОДКБ. Почти двадцатилетнее пребывание войск США и НАТО, а также размещение десяти военных баз в Афганистане позволило США улучшить свои позиции в регионе и создать угрозы России и Китаю в новом направлении.

В силу своего удобного стратегического расположения, позволяющего США контролировать своих главных геополитических конкурентов, а России

и Китаю — обеспечить безопасность своих южных и западных рубежей, а также реализовать крупные геоэкономические проекты, значение Центральной Азии в процессе становления многополярного мироустройства возросло. Тем самым регион превращается в арену информационно-психологического и геополитического противоборства мировых и региональных держав, в которых заметно прослеживается активность России и Китая в противодействии корыстным целям США. Центральная Азия способна придать дипломатии Москвы и Пекина более эффективно воздействовать на многие военно-политические, торгово-экономические и гуманитарные процессы на достаточном географическом расстоянии от Афганистана до Северной Африки. Именно растущее военно-политическое влияние РФ и КНР, а также реализация интеграционных процессов в Центральной Азии под патронажем Москвы и Пекина вызывает серьезное сопротивление Вашингтона, имеющего свое собственное видение и реализующего альтернативную политику по интеграции Центрально-Азиатского региона. В этом направлении Соединенные Штаты поддерживают проекты, которые связывают Центральную Азию с югом. Примером является поддержка США проекта «TAPI», «CASA-1000», автомобильных мостов на таджикско-афганской границе, железной дороги Узбекистан — Афганистан и т.д. Такой шаг позволит Вашингтону объединить Центральную и Южную Азию в масштабный геополитический проект Большой Центральной Азии, что создаст непосредственную угрозу интересам России и Китая.

Углубление интеграционных процессов и реализация на постсоветском пространстве, в первую очередь в Центральной Азии, крупных геоэкономических проектов, приобретение ШОС новой роли на мировой политической арене, занятие Россией и Китаем принципиальной позиции по отстаиванию

ванию своих национальных интересов в качестве центров силы встречается достаточно жестким сопротивлением США. Вашингтон вмешивается во внутренние дела государств Центральной Азии, опасаясь решающего влияния России и Китая в этом регионе. На наш взгляд, это во многом связано с тем, что и Москва, и Пекин имеют одинаковую позицию по поводу необходимости построения многополярного мира и партнерских отношений всестороннего стратегического сотрудничества и обеспечения стабильности в Центральной Азии.

Центральная Азия, проводя внешнеполитическую линию на многовекторной основе, ориентирована на сотрудничество с мировыми и региональными державами, прежде всего, для своего экономического развития. С этой точки зрения для России и Китая особое значение будет иметь укрепление финансово-экономического и инвестиционного потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центрально-Азиатском регионе.

Политика России и Китая в Центральной Азии должна быть направлена на:

- урегулирование региональных межгосударственных конфликтов в Центральной Азии, имеющих латентный характер. США заинтересованы в дестабилизации военно-политической обстановки в регионе, и для достижения своей цели они могут использовать данный рычаг воздействия, который также создает прямые угрозы интересам России и Китая;
- недопущение резкого усиления военной мощи США и их союзников в регионе;

- скорейшее решение военно-политического кризиса в Афганистане. Происходящие изменения в региональной политике центральноазиатских стран предопределяют качественно новую роль государств региона в стабилизации Афганистана. Для мирного урегулирования афганской проблемы необходимо непосредственное участие государств, граничащих с этой страной;
- расширение торгово-экономических связей. Такая политика особо актуальна в контексте изменения внутривосточного климата в Центральной Азии;
- обеспечение контроля над источниками энергоресурсов и использование транспортных-логистических возможностей Центральной Азии в реализации крупномасштабного проекта «Один пояс — один путь» и расширения Евразийского экономического союза, в которых регион играет важную роль.

Однако любые действия России и Китая, направленные на интеграцию стран Центральной Азии, особенно реализация крупных геополитических и геоэкономических проектов — Евразийского экономического союза и «Одного пояса — одного пути», сталкиваются с противодействием США. В государствах региона готовы поддерживать проект любой стороны, если он выразится в финансовом содействии, инвестициях и не будет подрывать основы государственного строя и безопасность.

Для России особенно важно сохранить свое влияние в постсоветских странах Центральной Азии, с учетом опыта происходящих событий на Украине, укрепляя как военное присутствие, так и финансово-экономическое.

Литература

1. Барский К. «Восточный вектор» начертил Примаков // Международная жизнь. — 2016. — Октябрь.
2. Горохов А.А. Евгений Максимович Примаков о многополярном мире XXI века// Русская политология — Russian political science. — 2016. — № 1.
3. Киссинджер Г. Мировой порядок. — М.: АСТ, 2015.
4. Кожевников О. Новый мировой порядок. Россия и Китай. — URL: <https://berni777.live-journal.com/199397.html>.
5. Райков Ю. Восточная Азия и новый мировой порядок. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1419>.

НОВЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РОССИИ В СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Аннотация

В статье анализируются взаимоотношения России со странами Ближнего Востока в политическом, торгово-экономическом, военном, социальном контексте, выявляются приоритеты российской внешней политики на Ближнем Востоке. Предметом исследования является выявление основных аспектов взаимодействия и взаимовлияния Российской Федерации и стран Персидского залива в новых форматах в начале XXI в. Автором показано, что Ближний Восток занимает важное место в реализации национальных интересов России. В современных условиях Россия имеет реальные основы для закрепления и распространения своего влияния в Ближневосточном регионе, реализации своих национальных интересов.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, Персидский залив, международные отношения, геополитика, нефтедобывающий регион, исламские ценности.

Автор

Аль-Макбали Мазин Саид Мусабах

Аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Актуальность темы исследования определяется объективной потребностью научного осмысления формирования политического сотрудничества РФ со странами Ближневосточного региона. Исследование процесса выработки и реализации внешнеполитической стратегии России, дает возможность с позиций современной науки изучить, каким образом формируются приоритеты внешней политики государства, от направленности которых во многом зависит геополитическая ситуация в странах Персидского залива.

Современная Россия связывает свои экономические и политические устремления с Ближневосточным регионом. Арабские страны Персидского залива представляет собой одну из наиболее важных направлений политики России. Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Иран, Ирак, ОАЭ, Бахрейн, Оман традиционно входят в зону стратегических интересов

России. Значимость стран Персидского залива определяется не только выгодным географическим положением, но и большим экономическим потенциалом, характеризующимся наличием крупнейших в мире запасов углеводородного сырья и значительных финансовых ресурсов. Связь России с арабскими странами Персидского залива — многофакторный исторический и экономико-политический процесс, включающий хозяйственные, общественно-политические, военно-стратегические аспекты [10. — С. 215].

Как известно, Ближневосточный регион исторически всегда представлял огромный интерес для России. Во времена СССР были установлены дипломатические отношения с большинством стран арабского региона и проложены первые шаги на пути политического и экономического сотрудничества. Советский Союз стал инициатором установления качественно новых отношений

со странами мусульманского Востока. Примером могут служить его связи с Афганистаном, Ираном, Турцией, Саудовской Аравией и Йеменом. Знаменательной в этом смысле является и история взаимоотношений молодого советского государства с Саудовской Аравией, которой СССР на первых довольно сложных этапах ее развития оказал немалую политическую и экономическую поддержку. С этой страной, где находятся главные мусульманские реликвии, у СССР существовали широкие связи, которые основатели саудовской династии в то время всячески поощряли. Такая политика находила понимание и энергичную поддержку в Советском Союзе.

В годы Второй мировой войны через так называемый Персидский коридор, проходивший через залив далее по территории Ирана, союзники поддерживали Советский Союз важными поставками военных и промышленных товаров. Однако в дальнейшем ситуация на самом Ближнем Востоке была нестабильной в первую очередь из-за соперничества между Западом и социалистическим лагерем за сферы влияния. Его территория была похожа на лоскутное одеяло, где чередовались просоветские и прозападные режимы и где группировки, борющиеся за власть, апеллировали либо к Советам, либо к Западу. В тот период единство арабов и мусульман сильно страдало от подобной поляризации. Одной из попыток ее преодоления стал арабский социализм, местами исламский, местами практический с приставкой «национал».

После распада СССР наступил период ослабления отношений с данным регионом. В 1991 г. сам Персидский залив стал местом проведения международных военных действий за восстановление независимости Кувейта. Экологические последствия этой войны оказались катастрофическими: в залив вылилось около 8 млн баррелей нефти. В целом кризис в Персидском заливе 1990–1991 гг. стал последним

крупномасштабным вооруженным конфликтом эпохи холодной войны и одновременно первым широкомасштабным конфликтом новой эпохи, характеризующейся военно-политическим доминированием на мировой арене Соединенных Штатов Америки.

Российская Федерация за первое десятилетие XXI в. сумела сформулировать свои внешнеполитические приоритеты с учетом исторических традиций, реальных событий международной жизни и конечно, с учетом своих национальных интересов. В последние годы Россия проводит все более настойчивую и взвешенную внешнюю политику в регионе Ближнего Востока. Истоки данной внешнеполитической стратегии РФ были уже определены в ключевом документе в области внешней политики — «Концепции внешней политики России». В концепции отмечается, что «Россия будет вносить весомый вклад в стабилизацию обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, проводить последовательную линию на содействие достижению гражданского мира и согласия во всех государствах Ближнего Востока и Северной Африки и в регионе в целом на основе уважения суверенитета и территориальной целостности государств и невмешательства в их внутренние дела» [1].

После распада Советского Союза в силу объективных обстоятельств Россия не могла играть заметную роль в реализации своих интересов в регионе Ближнего Востока. США, оставаясь единственной супердержавой в конце XX в., фактически стали монополией в реализации своих национальных интересов в различных регионах мира, нарушая международно-правовые нормы. Военная операция США и стран-союзников против Ирака, без санкции ООН с целью свержения правительства С. Хусейна и последующие действия в этом регионе негативно сказались на общей безопасности в мире, способствовали нестабильности и росту террористических организаций

в Ближневосточном регионе. К региону Ближнего Востока вновь заметно вырос интерес со стороны ведущих государств мира и для этого есть объективные факторы и причины.

Во-первых, Ближневосточный регион занимает уникальное геополитическое положение, так как он расположен на стыке трех частей света: Азии, Европы и Африки. Доминирование в этом регионе позволяет ведущим мировым державам контролировать всю восточную часть Средиземноморья и западную часть Индийского океана и в последующем дает возможность наращивать свое влияние в мировой политике. В силу этих обстоятельств государства, имеющие первостепенное значение в современной мировой политике, объявляют регион Ближнего Востока зоной своих жизненно важных интересов.

Во-вторых, Ближний Восток является крупнейшим нефтедобывающим регионом в мире, оказывающим огромное влияние на состояние мировой экономики. В регионе сосредоточено 62% мировых запасов нефти и до 40% мировых запасов газа. Повышение цен на нефтегазовые ресурсы или, наоборот, их снижение заметно влияет на материальное благополучие огромного количества государств и их населения. Одной из причин экономического кризиса в России в 2015 г., экономика которой во многом ориентирована на экспорт нефти и газа, как раз и стало резкое снижение цены на нефть на мировых рынках. РФ заинтересована если не в высоких, то хотя бы в стабильных и предсказуемых ценах на нефть.

В-третьих, через регион Ближнего Востока пролегают важнейшие транспортные артерии, он лидирует в области импорта современных вооружений и ряда других товаров.

В-четвертых, в данном регионе находится неофициально признанное ядерное государство Израиль. Кроме Израиля и Иран стремился создать свой собственный ядерный потенциал. РФ в

соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) от 1968 г. является официально признанным ядерным государством и активно противодействует распространению оружия массового поражения. Все это обязывает Россию активно отстаивать свои позиции в регионе Ближнего Востока и с этих позиций.

В-пятых, регион Ближнего Востока занимает достаточно большие пространства и, соответственно, располагает довольно большими человеческими ресурсами. Нестабильность в регионе привела к масштабному, вынужденному переселению большого количества людей, вынужденных стать беженцами. Неконтролируемый поток беженцев в государства Европы уже стал реальной угрозой их безопасности. Только по официальным данным, в августе 2015 г. в Германию прибыло 100 тыс. беженцев. Неконтролируемый поток беженцев представляет реальную угрозу безопасности и стабильности как европейских стран, так и РФ в частности.

В-шестых, Ближний Восток является центром зарождения мировых культур, мировой цивилизации, а также колыбелью трех мировых важнейших религий: христианства, мусульманства и иудаизма. Арабо-израильский конфликт, в основе которого важное место занимает религиозный фактор, является одним из трудноразрешимых в современных условиях. Его последствия сказываются на безопасности не только в данном регионе, но и далеко за его пределами.

В-седьмых, государства, расположенные на Ближнем Востоке, существенно отличаются друг от друга по экономическому потенциалу и социальной ориентации, численности населения, степени развития производственных мощностей, характеру политических режимов, господствующей идеологии. Здесь представлены практически все формы политических режимов, существующих в современном мире. Наряду с государствами различных видов монархий успешно

развиваются президентские и парламентские республики. Возникающие противоречия между государствами с различными политическими режимами были и остаются крайне напряженными. В регионе существуют острые социально-экономические, этнические, религиозные, политические и другие противоречия, которые выступают конфликтогенным фактором напряженности.

На протяжении второй половины XX — первого десятилетия XXI вв. на Ближнем Востоке возникали военные конфликты, в которые в той или иной форме оказывались втянутыми великие державы. В последнее десятилетие в регионе возникают конфликты, которые существенно отличаются по форме и содержанию от предшествующих. В основе таких конфликтов острое противостояние между экстремистскими элементами и силами, стремящимися к мирному переустройству на Ближнем Востоке.

В-восьмых, проблема терроризма в регионе Ближнего Востока затрагивает жизненно важные национальные интересы РФ.

Россия вместе с арабскими государствами Персидского залива активно участвует в разрешении конфликтов, которые охватили регион Ближнего Востока в последнее время. Стороны объединяет совместное устремление стабилизировать ситуацию в регионе. Террористическая угроза — мощный стимул для сторон, стремящихся наладить контакты и объединить усилия по борьбе с терроризмом [4. — С. 95].

Международная террористическая группировка «Исламское государство» (ИГИЛ) (признано террористической организацией в соответствии с Постановлением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015) — качественно новое, беспрецедентное по своим параметрам террористическое образование, имеющее признаки государственности: территорию, консо-

лидированное госуправление, армию, финансы — и ставящее перед собой мессианские задачи мирового масштаба. Противодействие «Исламскому государству» — сложный процесс, в котором необходимо задействовать ресурсы всех государств международного сообщества. Борьба с ИГИЛ предполагает систему связанных между собой военных, экономических, социальных и информационных действий как всего международного сообщества, так и отдельно взятых государств. Борьба с этой террористической организацией является приоритетной в обеспечении международной и национальной безопасности России.

Сегодня основные столпы политики России на Ближнем Востоке — независимость и суверенитет стран региона, а также противодействие зачастую агрессивной политике США. Как отмечают современные исследователи, «...Ближний Восток является одним из приоритетных регионов для узловых точек «построение многополярного мира и закрепления статуса России как одного из полюсов» и «борьба с гегемонизмом США»» [2. — С. 22].

Для более действенной реализации внешнеполитической стратегии РФ целесообразно ее проводить комплексно и по ключевым направлениям. К таким приоритетным направлениям можно отнести:

- укрепление системы региональной безопасности, принятие активной позиции в качестве посредника в разрешении региональных конфликтов;
- осуществление прорыва в хозяйственных связях с Ближневосточным регионом, в первую очередь на основе инвестиционного и технологического сотрудничества;
- более детальное развитие гуманитарных контактов со странами региона, в том числе по линии профессиональных связей;
- содействие формированию лоббистских групп, поддерживающих сближение с Россией;

- поиск стратегических партнеров в третьих странах, заинтересованных в совместных действиях на Ближнем Востоке, и среди них наиболее перспективными представляются государства БРИКС, союзники России на постсоветском пространстве, некоторые латиноамериканские страны [9. — С. 13].

С учетом политических, экономических, культурных факторов государства Персидского залива в настоящее время стоят в приоритетном ряду внешнеполитических интересов РФ. Н.В. Слободян пишет: «Сегодня Москва постепенно укрепляет свой экономический потенциал, возобновляя и углубляя, а в отдельных случаях и расширяя сферу национальных интересов российской державы в Персидском заливе. Закономерным выглядит стремление Кремля, кроме реализации заданий эффективного налаживания политического диалога и прагматичного расширения экономического сотрудничества, также диверсифицировать разноплановые направления культурного сотрудничества на международном уровне в условиях глобализации коммуникативного пространства» [8. — С. 89].

В изменившихся геополитических условиях продвижение интересов России в регионе Ближнего Востока требует новых способов влияния, в том числе и за счет более качественного использования ресурсов «мягкой силы». Все более важное место в интересах РФ на Ближнем Востоке занимают духовные связи между народами государств. В последние годы в России на государственном уровне оказывается поддержка мусульманским общинам в организации паломничества в Мекку и Медину. Для христиан местом паломничества является Святая Земля, территория Палестины по обе стороны берега реки Иордан, где по описаниям в Библии (Ветхом и Новом заветах) свершились все религиозные и исторические события [9. — С. 14].

Е.С. Мелкумян в своей статье «Россия и арабские государства Персидского залива в условиях региональной турбулентности» отмечает: «Возросшая роль России в регионе Ближнего Востока, ее влияние в качестве одной из ведущих мировых держав, постоянного члена Совета Безопасности ООН будут приниматься во внимание арабскими государствами залива и определять характер их взаимоотношений по решению региональных проблем» [4. — С. 95].

Россия активизировала свое взаимодействие с регионом, в том числе и через арабские внутрирегиональные межправительственные организации. Еще в сентябре 2003 г. в Нью-Йорке, в рамках 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, между МИД России и Генеральным секретариатом региональной межправительственной организации «Лига арабских государств» (ЛАГ) был подписан Меморандум о взаимопонимании. Этому предшествовало несколько встреч на высшем уровне между руководством России и Лиги арабских государств как на территории России, так и на территории Египта, где расположена штаб-квартира ЛАГ. А в 2005 г. посол России в Египте был назначен по совместительству полномочным представителем РФ при ЛАГ. Примечательно, что Россия стала первым неарабским государством, имеющим своего представителя при этой панарабской организации.

С руководством Лиги поддерживается активный политический диалог, в том числе в контексте ближневосточного мирного процесса, ситуации вокруг Ирака, других актуальных региональных проблем. Регулярно осуществляется обмен посланиями, проводятся телефонные разговоры, в ходе которых обсуждаются актуальные региональные и международные проблемы. В марте 2003 г. и августе 2004 г. официальный представитель ЛАГ принял участие в процессе наблюдения

за референдумом в Чечне, Лига была представлена и в ходе наблюдения за президентскими выборами в Чеченской Республике в октябре 2003 г.

В канун своего визита в Москву в 2003 г. Амр Муса заявил о том, что «арабский мир испытывает к России особые дружественные чувства». В свою очередь, В.В. Путин дал следующую оценку состояния взаимоотношений между Россией и арабскими странами: «На сегодняшний день у нас нет проблем ни с одной из арабских стран. Причем в отличие от прошлых десятилетий у нас нет ни экономических, ни идеологических, ни других противоречий. Отношения России с арабскими странами — либо хорошие, либо очень хорошие» [7].

Через несколько дней после встречи с генсеком ЛАГ президент России отправился с визитом в Саудовскую Аравию, Катар и Иорданию. В ходе визитов обсуждались вопросы расширения двустороннего сотрудничества России с этими арабскими странами в политической, экономической, гуманитарной и военно-технической областях. Необходимо отметить, что как Саудовская Аравия, так и Катар во времена СССР представляли собой абсолютные монархии, власть в которых принадлежит правящим аристократическим семьям. Ни Саудовская Аравия, ни Катар не рассматривались в качестве союзников Советского Союза на Ближнем Востоке. Поэтому новый вектор внешней политики России на развитие и укрепление отношений с Саудовской Аравией можно трактовать как поиск нового союзника в данном регионе, после потери такого крупного союзника, как Ирак.

Сегодня Саудовская Аравия представляет собой одного из крупнейших участников на мировом рынке добычи и экспорта энергоресурсов и играет значительную роль как в рамках региона Персидского залива, так и в мировом масштабе. В свое время Советский

Союз был первым в мире государством, установившим дипломатические отношения с Саудовской Аравией. Кульминацией советско-саудовского сотрудничества того периода стал визит в СССР тогдашнего министра иностранных дел Аравии принца Фейсала. Однако уже в 1935 г. различие между линиями проводимой политики в СССР и монархическим образом правления Саудовской Аравии привели к замораживанию дипломатических и экономических отношений. Как оказалось, на время.

Важным шагом на пути восстановления взаимоотношений России и Саудовской Аравии стал визит Наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы ибн Абдель Азиза в сентябре 2003 г. и визит Путина в Саудовскую Аравию. На сентябрьской встрече В.В. Путин подчеркнул, что «в Москве придадут большое значение визиту принца Саудовской Аравии в нашу страну, поскольку считают Саудовскую Аравию одним из ключевых государств в мусульманском мире» [7].

Об углублении отношений со странами Персидского залива могут наглядно свидетельствовать и другие шаги во внешней политике России. В ходе бесед С.В. Лаврова с министром иностранных дел ОАЭ Абдаллой Аль Нахайяном «...в предметном плане рассмотрен широкий спектр российско-эмиратского сотрудничества. Стороны подтвердили последовательный настрой на дальнейшее углубление политического диалога и взаимодействия на различных уровнях, совершенствование двусторонних связей в торгово-экономической, научно-технической, культурной и других областях» [5].

До событий 11 сентября 2001 г. страны Персидского залива были традиционно ориентированы на тесное сотрудничество с США, которые имеют большое влияние в этом субрегионе. Однако, как показывает развитие событий, активность США к насаждению американской демократии в арабском

регионе не особо приветствуется в мусульманском мире. Представляя собой государство, где исламские ценности пронизывают все без исключения явления политической и экономической жизни, арабские страны хотят идти по своему пути развития, являясь активными участниками международных отношений, но и не отказываясь при этом от традиций своей культуры. Возможно, это обстоятельство также подталкивает страны данного субрегиона к поиску новых надежных партнеров на международной арене в лице стран ЕС, Индии, Китая и России [6. — С. 15–20].

Таким образом, Ближний Восток занимает важное место в реализации национальных интересов России. В силу сложившихся обстоятельств для РФ на южном стратегическом направлении исходят главные внешние угрозы ее национальной безопасности. В современных условиях Россия имеет реальные основы для закрепления и распространения своего влияния в Ближневосточном регионе, реализации своих национальных интересов.

Основным геополитическим интересом РФ на современном этапе является создание условий для сохранения и безопасного развития всех мировых цивилизаций, народов и государств. В глобальном плане Россия заинтересована в формировании вокруг нее геополитической оси Южная Америка — Ближний Восток — Евразия — Азиатско-Тихоокеанский регион. Ближний Восток в политике России всегда занимал и занимает особое место.

Процессы последнего десятилетия, происходящие в арабском обществе, еще нередко воспринимаются с позиции эпохи С. Хусейна, Х. Мубарака, М. Каддафи, Х. Асада. Фактически мы еще мало знаем об особенностях внутренней социальной жизни и психологии арабских обществ, особенно современной молодежи. Глобальные изменения в мире также отражаются на современном положении дел в арабских странах, поэтому политологи только нащупывают фундаментальные подходы к пониманию процессов XXI века.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. — URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 27.09.2018).
2. Коновалов А.О. Ближний Восток в системе внешнеполитических приоритетов Российской Федерации: геополитические концепции XXI в., перспективы, реальность: Дис. ... канд. полит. наук. — СПб., 2016.
3. Мелкумян Е.С. Россия и арабские государства залива: возможности взаимодействия // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. — 2010. — № 5. — С. 144–160.
4. Мелкумян Е.С. Россия и арабские государства Персидского залива в условиях региональной турбулентности // Труды Института востоковедения РАН. — 2017. — № 5. — С. 95.
5. О визите Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ОАЭ. — URL: http://www.mid.ru/ruprmaps/ae/-/asset_publisher/Ok3dhLsWZsE7/content/id/381384 (дата обращения: 27.09.2018).
6. Пестов А. Россия и арабский мир: история и перспективы взаимодействия // Финансы. Экономика. Безопасность. — 2007. — № 4. — С. 15–20.
7. Россия и арабский мир: история и перспективы взаимодействия. — URL: https://professional.ru/Soobschestva/biznes_v_stranax_afriki/rossiya_i_arabskij_mir_istoriya_i_perspektivy_11966444/ (дата обращения: 27.09.2018).
8. Слободян Н.В. Политика «мягкой силы» России в странах Персидского залива в начале XXI в.: исторический аспект // Известия Алтайского государственного университета. — 2013. — № 4–2 (80). — С. 89.
9. Федорченко А.В., Крылов А.В. Трансформационные процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке и национальные интересы России: Аналитический доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2012. — С. 13.
10. Шехаб Гассан. Внешнеэкономические связи России с арабскими странами Персидского залива // Вестник Финансовой академии. — 2008. — № 4 (48). — С. 215.

АРКТИКА И АНТАРКТИКА В ПОЛИТИКЕ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем общего достояния человечества и политики освоения новых пространств. В работе представлены предложенные различными государствами варианты раздела Арктической зоны. Проанализированы перспективы совместного использования пространств Антарктиды, а также проблемы по урегулированию данного вопроса в контексте подписанной конвенции от 1959 г. и притязаний отдельных стран. Автор рассматривает Арктику и Антарктику как стратегически значимые для всего человечества пространства. При этом особое внимание уделяется экологическим аспектам, ресурсному потенциалу и важному с военно-стратегической точки зрения положению данных территорий.

Ключевые слова: Антарктида, Арктика, Мировой океан, освоение ресурсов, безопасность.

Автор

Зухба Дамир Тамазович

Студент кафедры истории социально-политических наук факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Наряду с некоторыми тенденциями глобализации — экономической взаимозависимостью и разделением труда, социокультурной интеграцией, «сжатием» пространства и глокализацией — современный этап развития человечества также характеризуется обострением глобальных проблем социального и природного характера, которые связаны с непропорциональным увеличением численности населения по отношению к количеству имеющихся природных ресурсов, динамичным сокращением и загрязнением последних.

В настоящий момент все более актуальной становится проблема, связанная с освоением новых пространств, ввиду того, что, во-первых, в геометрической прогрессии возрастают объемы потребления человеком природных ресурсов, а, во-вторых, ресурсы, которые сейчас находятся в распоряжении человека, постепенно

уменьшаются и возникает угроза, что в скором времени они могут стать предметом конфликтов.

Общее достояние человечества — это планета в буквальном смысле, включая ее окружающую среду, земельные ресурсы, запасы чистой пресной воды, энергетические ресурсы, за счет которых обеспечивается выживание человека. Ресурсы являются главным экономическим базисом, а потому по поводу них могут разгораться острейшие споры, которые затем в запущенных случаях могут перерасти в международные конфликты.

Высокий потенциал природных ресурсов, несомненно, обуславливает включение вопроса их освоения в структуру внешней политики и содержание политики национальной безопасности. Важнейшая цель ресурсной политики — обеспечить рациональное и эффективное использование природно-ресурсного потенциала государства

и удовлетворить текущие и перспективные потребности в сфере экономики и экспорта [6].

Политика освоения Арктики

Ресурсный и природный потенциал Арктики обусловлен наличием минеральных, водных и биологических, а также углеводородных и рудных ресурсов в ее недрах. Помимо значительного природного потенциала Арктический регион характеризуют и сложные климатические условия. Вследствие этого разведка и добыча полезных ископаемых выступают в качестве трудновыполнимой задачи.

Северный Ледовитый океан представляет собой важнейший транспортный коридор между государствами (морские перевозки России по Северному морскому пути, США и Канады по Северо-Западному проходу), а также резервуар с большими запасами пресной воды, «запечатанный» в соленых океанических водах. Как подмечает А.И. Костин, Мировой океан является наиболее важным отличием планеты Земля от всех прочих планет, а вода играет ключевую роль для формирования и поддержания жизни, обеспечения устойчивого климата [5]. На территории Арктического региона обитают редкие биологические виды, свыше 20 тысяч различных видов растений и животных, которым угрожает вымирание, если произойдет глобальное таяние льдов [4].

Наличие сельдевых, осетровых и лососевых видов рыб открывает перспективы создания условий для активной эксплуатации водных биоресурсов в этой акватории, включая развитый рыбный промысел. В Арктике сосредоточены значительные запасы минеральных ресурсов. Прежде всего, это нефть и газ, объемы которых, по предварительным предположениям, достигают до 25% от всех запасов, которыми в принципе располагает человечество.

Существует две основные концепции освоения Арктического региона: секторальная, то есть каждая страна

обладает собственными региональными ресурсами, и теория «интернационализации». В рамках последней концепции в 1996 г. была создана региональная международная организация «Арктический совет». Декларацию о создании Арктического совета подписали Канада, Королевство Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки и Швеция 19 сентября 1996 в г. Оттаве (Канада) [3]. Задачами данной организации заявлены поддержание экологической безопасности и стимулирование международного сотрудничества в этой сфере.

Арктический регион имеет важнейшее стратегическое и политическое значение для всех приарктических государств. В связи с этим каждое государство делает акцент на собственной доминирующей роли в Арктическом регионе, выражает стремление и готовность разрабатывать новые месторождения ресурсов в условиях достаточного истощения источников, имеющихся на сегодняшний день.

Так, США стремится к проведению активной политики по урегулированию арктического кризиса, определению основных перспектив освоения Арктического региона и укрепления в нем своих позиций.

Холодная война привела к тому, что территория Арктики превратилась в сферу стратегических интересов США. Арктическая зона США расположена в штате Аляска, на шельф которой, по оценкам Национальной геологической службы США, приходится около 31% от неоткрытых запасов нефти всей Арктики, что составляет 27 млрд барр. Активную деятельность на территории арктического континента ведут ведущие корпорации: «Шеврон», «ЭксонМобил», «Коноко Филлипс», «Роял Датч Шелл». Однако, ввиду истощаемости недр Аляски, США разрабатывают новые планы, в частности по бурению скважин на шельфе в Чукотском море и море Бофорта. Аляска — главный

Арктического региона, но они не намерены отступать от активного освоения ресурсов данного региона.

Китай расположен в Северном полушарии, этим обусловлена важность для него стратегического развития Арктики — устойчивое экономическое развитие и национальная безопасность КНР [3].

Россия проводит активную арктическую политику еще с начала 2000-х гг. Нормативное оформление данного вида политики осуществилось посредством принятия «Основ государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу».

Созданы соответствующая Государственная комиссия по развитию Арктики, Экспертный совет по Арктике и Антарктике при Совете Федерации, Администрация Северного морского пути; разрабатываются правительственный «План мероприятий по реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», «Комплексный проект развития Северного морского пути» [3].

Политика освоения Антарктики

В недрах Антарктиды содержатся такие полезные ископаемые, как железная руда, каменный уголь, найдены следы руд меди, никель, свинец, цинк, молибден, горный хрусталь, слюда, графит. По данным геологической службы США, недра Антарктиды также обладают колоссальными запасами нефти и природного газа — 6,5 млрд тонн и более 4 трлн кубометров, соответственно. Кроме того, Антарктида содержит довольно внушительные запасы пресной воды. В антарктических водах сосредоточено до 90% пресной воды. Здесь есть промысловые сорта

рыбы, но так как общая температура в регионе постепенно повышается, то многие биологические виды будут смещаться к полюсам.

Проблематика освоения Антарктиды сводится к возрастанию объемов мирового потребления ресурсов, исследованию новейших технологий добычи ресурсов и изменения регионального климата. Таяние ледников Антарктиды является одной из ключевых экологических проблем. Истощение озонового слоя над Антарктидой стало следствием выбросов оксидов азота и высвобождением хлорфторуглеродов во всем мире. Последствия озоновой дыры и ее развитие сложно спрогнозировать.

Регулирование использования территории Антарктики отличается от рассматриваемых выше процессов по разделу Арктики. Так, на основании конвенции об Антарктике от 1 декабря 1959 г. и вступившей в силу 23 июня 1961 г., Антарктида не является принадлежащей ни одному государству и здесь можно осуществлять лишь научную деятельность.

При этом все страны претендуют на территорию Антарктиды, например, Норвегия настаивает на территории, которая превышает ее собственную в несколько раз. Великобритания также объявляет территории Антарктиды своей и претендует на территорию общей площадью около 1 млн кв. км. Австралия вообще считает, что территориально ей принадлежит половина Антарктиды. Япония обосновывает свои притязания на территорию Антарктиды самым интересным образом — ссылаясь на то, что только японским специалистам известно местонахождение крупного месторождения газа на данной территории. В 1980 г. Великобритания, Новая Зеландия, Чили и Аргентина объявили о своем суверенитете над рядом антарктических островов, а так как в 1982 г. была подписана Конвенция ООН по морскому праву,

закрепившая за прибрежными государствами 200-мильную экономическую зону, которую к тому же можно расширить за счет континентального шельфа, то за счет экономической зоны вокруг островов можно объявить территорию Антарктиды своей. Осваивать Антарктику стремятся и такие страны, как Южная Корея, Беларусь и Колумбия.

США и Россия также имеют особые притязания на данную территорию. Советский Союз открыл здесь свои станции в 1950-х гг., а в настоящий момент насчитывается более десяти российских станций, расположенных в Антарктиде. США в регионе обладают тремя постоянными станциями, однако американские исследователи жалуются на бюджетные ограничения и на то, что у США намного меньше ледоколов, чем у России.

Срок действия международного договора об Антарктиде истекает в 2048 г. После этого страны, вероятно, начнут добывать полезные ископаемые — железную руду, хром, уголь, нефть, газ и, возможно, алмазы. Сложным природным условиям будут противопоставляться новые технические решения.

Заключение

Понятие глобальной безопасности прежде всего предполагает состояние защищенности не в границах отдельно взятого государства или общества, а в целом защищенность всего человечества в масштабе всей планеты. Кроме того, глобальная безопасность предполагает защищенность не от какой-либо одной угрозы, а от всего спектра тех проблем, которые также признаются в качестве глобальных — это и проблема информационной безопасности, экономической устойчивости, защищенность от терроризма, экстремизма, от развязывания войны, в том числе ядерной, продовольственная безопасность, а также экологическая безопасность в контексте всего международного сообщества [2].

Таким образом, можно заключить, что на сегодняшний день пока не совсем ясно, каким образом будет происходить раздел стратегически важных ресурсов и территорий, входящих в общее понятие достояния человечества — Арктики, Антарктиды, Мирового океана. Кроме того, необходимо помнить и о том, что нельзя допустить развязывание военных конфликтов в связи с делением указанных ресурсов. Поэтому, думается, следует уже сейчас разрабатывать подходы и планы — каким образом будет происходить такое разделение и следует при этом исходить прежде всего из того, чтобы использовать ресурсы целесообразно и экономно, и при этом стремиться сократить объем потребления и согласовывать их между государствами.

Фактически на указанные регионы предъявляют свои претензии если не все, то большинство государств, и их позиция понятна — они стремятся улучшить свое экономическое положение и укрепить позиции на международном пространстве.

При этом нельзя сказать, что у каких-то государств претензии не обоснованы или менее обоснованы, ввиду того, что пока еще даже не выработан и не избран какой-либо отдельный подход к разделу указанных территорий.

За арктической территорией экологическая, геологическая и географическая ценность — здесь есть специфический климат, достаточно замкнутые экосистемы, а также Северный Ледовитый океан и Северный полюс, и все это практически в идеальном сочетании дает целостную систему, имеющую огромное стратегическое значение и высокий потенциал.

Государства должны приложить совместные усилия и действовать сообща, чтобы сохранить целостную систему Арктики. Особого подхода требует разработка, принятие и осуществление мер, направленных на социально-экономическое развитие данного региона. Например, в регионе невозможно

земледелие, ограничена возможность животноводства, то или иное строительство ведется в условиях вечной мерзлоты, и все это осложняется сложной транспортной доступностью, специфическими среднегодовыми температурами и воздушными потоками.

Особое значение приобретает коммуникационная артерия «Северный морской путь», за счет которой в перспективе возможно формирование Арктического региона в качестве системного явления. Так, если данная

артерия будет активным образом эксплуатироваться, то центром постепенного развития арктических территорий станет именно морское судоходство.

Уже сейчас можно оценить запасы ресурсов Арктики, Антарктики и Мирового океана как внушительные, даже исходя из предварительных оценок. Нет сомнений в том, что в будущем они будут использоваться в качестве главных источников существования всего человечества.

Литература

1. *Грачев В.А. Плямина О.В.* Глобальные экологические проблемы, экологическая безопасность и экологическая эффективность энергетики // Век глобализации. — 2017. — № 1. — С. 86–88.
2. *Глушко О.А.* Экологический кризис и правовые проблемы его преодоления // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2013. — № 1. — С. 1–4.
3. *Дудин М.Н., Иващенко Н.П.* Мировой опыт и тенденции инновационного освоения арктических территорий // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2015. — № 1. — С. 107–111.
4. *Кондратов Н.А.* Освоение Арктики: стратегические интересы России // Arctic Environmental Research. — 2014. — № 1. — С. 120–122.
5. *Костин А.И.* Экополитология и глобалистика: Учебное пособие. М., 2005.
6. *Кучерявый М.М.* Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в аспекте глобальных политических процессов современного мира // Власть. — 2014. — № 1. — С. 1–5.
7. *Пыць В.М.* Обеспечение экологического правопорядка в контексте международного опыта // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2013. — № 23. — С. 139–142.
8. *Серигова У.С.* История освоения Арктики // История и педагогика естествознания. — 2016. — № 4. — С. 35–38.
9. *Старцев Я.Ю.* Нормативное описание Российской Арктической политики: освоение сырьевой периферии или региональное развитие // Дискурс-Пи. — 2016. — № 1. — С. 193–200.
10. *Шнюков С.Е.* Проект глобального геологического исследования подледниковой Антарктиды: результаты реализации и возможное дальнейшее развитие // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. — 2013. — № 1. — С. 10–12.

КАЗАХСТАН: СТАНОВЛЕНИЕ МИРОВОГО МИРОТВОРЦА

Аннотация

Статья посвящена внешней политике Казахстана, направленной на посредничество в урегулировании многих конфликтов. В публикации затрагивается украинский кризис и его влияние на экономику стран ЕАЭС и Украины. Особое внимание обращено на разрешение напряженной ситуации между Россией и Турцией, связанной со сбитым российским самолетом, а также на значение сепаратизма в Синьцзянь-Уйгурском автономном округе КНР в отношениях Китая и Казахстана. «Сердце Евразии» предоставило площадку для переговоров по Сирии, участвует в преодолении афганской проблемы и в дальнейшем будет работать над приближением мира и стабильности во всем мире.

Ключевые слова: Казахстан, международная безопасность, Центральная Азия, постсоветское пространство, миротворчество.

Автор

Мендагазиев Арман Еркинович

Студент кафедры международных отношений факультета международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

С начала обретения независимости руководство Казахстана действовало в соответствии с доктриной мультивекторной внешней политики, главным образом направленной на экономическое сотрудничество со многими странами мира. Последние события в мировой политике еще раз доказали взаимосвязанность России и Казахстана. Усиление России в международных отношениях спровоцировало появление новых точек нестабильности вблизи границ бывшего Советского Союза и заставило также Казахстан отвечать на новые вызовы и угрозы. Миротворческие усилия Казахстана не ограничиваются Центральной Азией и постсоветским пространством, а направлены также на отдаленные регионы мира.

Украина. Конфликт на Украине стал для всех стран СНГ тяжелой проблемой не только политической, но и экономической. Власти Казахстана старались

сохранять нейтралитет и не принимать чью-либо сторону в разгорающемся конфликте. Тем не менее МИД Казахстана определяет референдум в Крыму как «свободное волеизъявление населения этой автономной республики» и с пониманием относится к решению Российской Федерации в сложившихся условиях. «Мы выступаем за мирные формы выхода Украины из кризиса и его преодоление путем переговорного процесса под эгидой ООН» [9]. Но внутри страны «...опасаются, что крымский сценарий может повториться» с северными районами Казахстана, заселенными по большей части представителями русской национальности [13]. Экономическая взаимозависимость России и Казахстана, связанная с многовековым единством, а также новыми интеграционными образованиями, такими как Евразийский экономический союз и другими, заставила ощутить РК удар западных антироссийских санкций вопре-

ки радужным представлениям многих аналитиков и чиновников обеих стран. Товарооборот Казахстана с Россией за эти два года сократился на 39%, курс тенге также достаточно сильно оказался под влиянием антироссийских санкций. По прогнозу Всемирного банка от 2015 г., экономика России сократится на 3,8% в 2015 г., что влияет на экспорт Казахстана и, следовательно, ведет к снижению экономического роста и инфляции в Казахстане [1. — С. 1].

Экономические отношения Казахстана и Украины также оказались в трудном положении, товарооборот в 2015 г. между двумя странами сократился в 2 раза по сравнению с 2013 годом. Несмотря на все попытки властей Казахстана придерживаться нейтралитета, многие СМИ и представители власти Украины осуждали Казахстан за послушание и страх перед «старшим братом», за фактическое признание Крыма частью РФ. Но Казахстан придерживался своих миротворческих принципов и выделил \$40 тыс. для поддержания деятельности Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине, которая особенное внимание уделяет реализации договоренностей по прекращению боевых действий. К тому же, заявляя о готовности подставить плечо братскому народу, предоставил финансовую помощь в черномыльский фонд «Укрытие», произвел перечисление \$30 тыс. в Международный комитет Красного Креста на гуманитарные нужды Украины. И в соответствии с поручением президента Республики Казахстан Н. Назарбаева 2015 года в город Северодонецк Луганской области жителям юго-восточных регионов Украины был передан гуманитарный груз, состоящий из продуктов питания на сумму более \$380 тыс., для распределения среди нуждающихся.

Таким образом, для Казахстана как ближайшего соседа и партнера России и Украины конфликт — серьезная проблема. Для ее решения лидер страны прилагает усилия и ищет пути выхода

из кризиса братских наций. Минские соглашения — документ, согласованный на саммите в Минске «нормандской четверкой» и подписанный контактной группой, состоящей из представителей Украины, России и непризнанных Донецкой и Луганской народных республик, с целью деэскалации вооруженного конфликта на востоке Украины. По словам президента РК попытка договориться сторонам конфликта относится к его действиям со сторонами конфликта, а сами переговоры должны были пройти в Казахстане: «Я поездки делал, чтобы собрать всех, чтобы встретились там». К сожалению, Украина не выполняет условия минских переговоров, и ответственность за несостоятельность минских договоренностей лежит на Украине, а новый закон о реинтеграции Донбасса «...не способствует мирному урегулированию, создавая параллельную реальность, где конфликт входит в стадию «заморозки», во время которой не исключаются провокации. Данный закон «размывает» саму суть Минских соглашений» [4]. И по этой причине обсуждались планы между Назарбаевым и Трампом по переносу площадки переговоров в Казахстан, что является как «символическое обозначение смены всего процесса, чтобы совсем отойти от минского формата» [10].

Украинский конфликт — острая проблема для Казахстана, РК ощущает на себе все последствия этой трагедии постсоветского пространства. В данной проблеме Казахстан не может принять однозначную сторону России, ввиду того, что присоединение Крыма создает прецедент для остальных областей, заселенных в большем проценте русскими. Общественное мнение разделилось внутри Казахстана по поводу присоединения Крыма, и в связи с этим власти Казахстана стремятся занимать нейтральную сторону и ограничиваться в своих заявлениях.

Сбитый самолет российских ВКС Турцией. Инцидент, связанный со сбитым самолетом российских ВКС

турецким F-16, поверг двусторонние отношения Турции и России в глубокую депрессию. Положение Казахстана оказалось перед тяжелым выбором, так как оба государства являются важнейшими партнерами Казахстана. Образовательные программы, интересы бизнеса, туристический сектор, культурная и языковая родственность, Тюркский совет связывают Ак Орду¹ с турецким государством. В итоге Первый Президент выступил с заявлением, что российский бомбардировщик не напал на Турцию и не шел против Турции — он пошел на борьбу с террористами. «Однако эта очевидная поддержка Москвы не остановила Назарбаева от общения с президентом Турции Р.Т. Эрдоганом, которого он лоббировал в поисках компромисса с Кремлем» [17]. После обмена двусторонними экономическими санкциями дружественные отношения России и Турции, над которыми усердно работал Назарбаев, начиная со времен премьер-министра Демиреля и президента Ельцина, почти полностью были разрушены. Политический кризис повлиял на экономический сектор: большие турецкие компании, которые были вовлечены в туризм, строительство и розничный бизнес в России, начали испытывать серьезные трудности.

По словам директора и члена Президиума РСМД А. Картунова, до нормализации отношений: «Казахстан может и должен стать тем самым «катером связи». Честным и ответственным посредником, что поможет, пусть не сразу и не в полном объеме, восстановить отношения между Россией и Турцией» [8]. И действительно, президент Казахстана сыграл важную роль в примирении двух соседних государств, помог в написании письма с извинениями от турецкой стороны и способствовал встрече делегаций двух государств на

саммите ШОС. Письмо стало катализатором потепления между Турцией и Россией, президент Путин позднее выступил с заявлением о постепенном снятии эмбарго на турецкие товары и экономических санкций на турецкий бизнес. Но следует понимать и такие причины возобновления отношений, как «понимание того, что изоляция в международных отношениях вредна» [16] турецкими лидерами.

В сложном конфликте более межличностного характера, чем межнационального президент Казахстана сыграл роль посредника и миротворца и сохранил баланс для казахстанцев между тюркским и русским миром. Р. Эрдоган поблагодарил президента Казахстана Н. Назарбаева за его поддержку в разрешении кризиса с Россией [18]. Также Президент В.В. Путин выступил с заявлением Назарбаеву: «Хотел бы вас поблагодарить за те усилия, которые вы предприняли, имею в виду вашу посредническую миссию. Как видим, она увенчалась успехом».

Гражданская война в Сирии. В конце 2014 г. президент Казахстана заявил: «Ислам несет мир, тогда как у «исламского терроризма» нет ни национальной, ни религиозной принадлежности. В ИГИЛ сегодня едут европейцы. Есть люди из Центральной Азии, Турции, иных государств. Все они объединены по каким-то принципам и работают только за деньги». Правительство РК пресекает любую пропагандистскую деятельность, связанную с участием на стороне ИГИЛ (запрещено в РФ), а также планирование или проведение террористических актов на территории самого Казахстана, но за последние два года были совершены террористические акты в Алматы и Актобе. Также на стороне Исламского государства (запрещено в РФ) воюют, по данным от 2015 г. Международного центра по изучению экстремизма, около 250 граждан Казахстана [19], а к 2018 г. их число достигло 400 человек.

¹ Под Белой Ордой понимается улус старшего сына Джучи Ичена на территории между Иртышом и Сырдарьей, и она рассматривается как ядро современного казахского государства.

Казахстан выступает против ИГ и занимает нейтральную сторону в конфликте в Сирии, и именно по этой причине президент России В. Путин предложил провести переговоры по Сирии в Астане. Россия тем самым подчеркивает уровень наших отношений, доверяя Казахстану проведение стратегически важных переговоров [12]. Диалог в столице Казахстана должен был стать важным вкладом в выработку параметров этого процесса, который продолжится на более широких мероприятиях в Женеве [11]. Астанинский формат завершился объявлением о создании зон деэскалации в Сирии и провозглашением России, Турции и Ирана гарантами перемирия. Переговоры в Астане являются эффективнее Женевы, поскольку в первой собрались заинтересованные в завершении сирийской гражданской войны на реалистичных условиях и активное участие принимают региональные игроки (Турция и Иран) и Россия, доказавшая на деле желание достижения мира всем сирийцам. В Астану также были приглашены Соединенные Штаты, которые ограничились своим наблюдателем, что подтверждает открытость астанинского формата для всех сторон конфликта.

Диалог в Астане состоялся, и сам факт того, что стороны сели за стол переговоров, — уже большой успех [15]. Для хозяина переговоров главным результатом является повышение дипломатического статуса Казахстана и доказательство не только регионального, но и мирового миротворца в глазах мирового сообщества.

Афганистан. На протяжении уже 40 лет Афганистан является точкой нестабильности международной безопасности, сопровождающейся внутренним кризисом и противостоянием. Новый всплеск терроризма талибов, а также переброска и увеличение численности бойцов ИГИЛ в Афганистане создает угрозу безопасности для соседних государств. Огромный наркотрафик,

направленный в Пакистан, Казахстан, Россию и другие страны, с каждым годом лишь растет. Опубликованный в ноябре Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и Министерством по борьбе с наркотиками Исламской Республики Афганистан (ИРА) «Обзор производства опиийного мака в Афганистане в 2017 году» в очередной раз высветил тревожную тенденцию дальнейшего роста производства опия в стране, которое увеличилось на 87% и достигло очередного рекордного уровня с 1994 г. [7].

Афганистан является объектом, нежели субъектом в международных отношениях. Центральная власть слаба, а в регионах развиты сепаратные настроения, положение в стране, если и не контролируется, но поддерживается Соединенными Штатами. США крайне выгодно иметь нестабильный Афганистан в самом центре Евразии, под боком России и Китая, главных геополитических соперников.

Такое положение дел заставляет тратить большие суммы на обеспечение безопасности своих приграничных регионов стран Средней Азии. Казахстан не имеет общей границы с Афганистаном, но государства Узбекистан, Киргизия и Таджикистан являются слабыми, а их население религиозным, следовательно, Афганистан, раздираемый внутренними противоречиями, является серьезной проблемой и для Казахстана в том числе. Именно поэтому РК заинтересована в стабильном развитии Афганистана, становлении сильной и поддерживаемой народом власти и проводит политику, направленную на улучшение положения Афганистана. В Астане планируется разместить центральноазиатский хаб по противодействию транснациональным преступлениям, терроризму и глобальным угрозам, на территории которого будут проходить обучение силовиков стран региона и, в перспективе, Афганистана и Пакистана.

Также казахстанские власти способствуют улучшению уровня жизни и инфраструктурных объектов Афганистана, предоставляется гуманитарная помощь в виде поставок продуктов, товаров первой необходимости. Получила поддержку и программа обучения афганских студентов в казахстанских вузах. Необходимо подчеркнуть, что в рамках своего председательства в Совбезе ООН в январе 2018 г. Казахстан прорабатывает идею созыва открытых дебатов на министерском уровне по Центральной Азии и Афганистану [5]. Также Казахстан прилагает усилия по разрешению кризиса в рамках региональных организаций, в частности ШОС, а также в диалоге с США. Администрация Трампа считает, что роль Казахстана и Узбекистана имеет решающее значение для интересов Америки в Центральной Азии, области, которая оказала существенное влияние на будущее Афганистана, а также на безопасность американских граждан как внутри страны, так и за рубежом в течение последних нескольких десятилетий [20].

От стабилизации ситуации в Афганистане зависит процветание и безопасность всего Центрально-Азиатского региона. И Казахстан прикладывает большие усилия в рамках ООН, возглавляя Комитет по Афганистану/Талибану и оказывая помощь гуманитарного характера для достижения стабильности в соседнем государстве. Власти Казахстана взаимодействуют со всеми заинтересованными державами в афганском вопросе. Ситуация в Афганистане до сих пор находится в зоне турбулентности политической системы. Экономическое положение выражается измерениями равными плачевному. Находясь в центре Евразии, между тремя крупнейшими державами: Россией, Китаем и Индией, Афганистан несет нестабильность для всего региона и новый плацдарм для растекания экстремистской исламской группировки.

И по эти причинам Казахстан инвестирует не в Афганистан, прежде всего, не из-за экономических дивидендов, а ради стабильности соседнего государства и региона в целом. Миротворчество — это не только деятельность по прекращению настоящей войны, но и уничтожение угрозы какого-либо вида конфликта. Именно поэтому, на мой взгляд, действия Казахстана имеют миротворческий характер, только Афганистан с устойчивой политической системой и развивающейся экономикой может обеспечить безопасность на своей территории, а значит, стабильность всего региона.

Сепаратизм в Синьцзян-Уйгурском автономном округе. Синьцзян-Уйгурский автономный округ характеризуется сложностью этнических, религиозных и экономических проблем, скачкообразным ростом напряженности. Эта проблема уходит в далекое прошлое, и в 2009–2010 снова стала предметом обсуждения из-за произошедших несколько крупных конфликтов на межнациональной почве. По версии китайских властей, столкновения спровоцированы Всемирным конгрессом уйгуров, который обвиняется в подрыве национальной безопасности. В свою очередь, конгресс обвиняет Пекин в культурном геноциде представителей уйгурского этноса. Уйгурский вопрос — не только угроза территориальной целостности, но и государственной безопасности по причине того, что уйгурские сепаратисты исповедуют радикальный ваххабизм, а также волнения в Синьцзяне могут создать «эффект домино», спровоцировав волнения других неханьских народностей Китая.

До недавнего времени Синьцзян-Уйгурский автономный округ был слабо развитым регионом, специализированным на добыче сырья, по сравнению с другими районами КНР. На настоящий момент СУАО предоставляется большое количество дотаций

из госбюджета, через него проложен газовый трубопровод, расположены транспортные пути в Южную Азию, а также совершенствуются транспортные артерии автономного округа и инфраструктура, являющиеся элементами ветви Западный Китай — Западная Европа в рамках проекта «Нового шелкового пути». Огромный отрезок этой артерии находится в Казахстане и будет играть важнейшую роль для экономики республики в будущем.

Половина населения Синьцзяна является уйгурами, относящимися к тюркским народностям, и, соответственно, родственным казахам. Также в Казахстане существует крупная уйгурская диаспора, среди которой распространены стремления к созданию автономии или даже созданию национального государства. По этой причине власти Республики Казахстан всячески поддерживают действия Китая по пресечению сепаратистских настроений, а также национальных волнений, несмотря на то, что в Синьцзяне живет также большое количество представителей казахской национальности. Е.М Абен и Е.Т. Карин в статье «Национал-сепаратистские тенденции в СУАР КНР и проблема безопасности Центрально-Азиатского региона» отмечают: «Целью уйгурских сепаратистских организаций является воссоздание независимого Уйгурского государства, не только на территории СУАР, но и в Семиречье» [3]. Деятельность уйгурских сепаратистских организаций создает предпосылки для конфликта, который может приобрести международный, локальный, вооруженный характер [14].

Несмотря на то, что уйгуры и казахи близки этнически, и первые даже заявляют о братском единении Синьцзяна с казахами, Казахстан трезво оценивает региональную ситуацию, поддерживая властей Китая в недопущении роста напряженности в Западном Китае. В рамках ШОС между государствами-участниками была

подписана «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», одним из пунктов которой является сотрудничество в области предупреждения, выявления и пресечения упомянутых преступлений [2]. Казахстан прагматично проводит политику поддержания стабильности на северо-западе Китая и в регионе не только по причинам экономической выгоды, но и для предотвращения возможного обострения положения. Уйгурское движение становится все более радикальным, отчетливее видна его связь с зарубежными центрами, в том числе и с США [6]. Оно активно воспринимает лозунги и методы политического ислама.

Для Китая в решении уйгурской проблемы и поддержании стабильности необходимо сотрудничество с Казахстаном. Понимание казахстанских властей важности достижения мира и стабильности в регионе опирается не только на то, что оба государства являются важнейшими партнерами в рамках многих организаций и глубоко связаны экономически, но и на необходимость избегания роста экстремизма, наркоторговли и миграции, предотвращения роста насилия и возможного политического кризиса.

Вывод. Сегодня Казахстан — государство, зарекомендовавшее себя как активный участник крупных международных миротворческих процессов. Молодая, амбициозная страна, не имеющая сложных исторических, территориальных и национальных разногласий с другими странами, пользуется своим преимуществом на благо других народов, выступая посредником в разрешении конфликтов. Страна великой степи не ограничивается лишь решением проблем Центрально-Азиатского региона и постсоветского пространства, в рамках ООН выступает за снижение количества ядерных боеголовок по примеру Казахстана, отказавшегося в 1992 г. от советского ядерного на-

следства. Также Казахстан возглавляет Комитет по Сомали и Эритрее и предоставляет значительную гуманитарную помощь этим странам и проявляет инициативу по преодолению корейской проблемы. С уверенностью можно сказать, что «Сердце Евразии» и в дальнейшем будет работать над приближением мира и стабильности во всем мире.

Литература

1. Доклад об экономике Казахстана // Всемирный банк реконструкции и развития. — Осень 2015 г.
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом — 14 июня 2001 г. — Статья 2, пункт 1. [Электронный ресурс]: <http://kremlin.ru/supplement/3405>.
3. Абен Е.М., Карин Е.Т. Национал-сепаратистские тенденции в СУАР КНР и проблема безопасности Центрально-Азиатского региона // Центральная Азия и Кавказ. — 1999. — № 3 [Электронный ресурс]: ca-c.org/journal/cac-04-1999/st_15_aben.shtml.
4. Гуцин А. «Закон о реинтеграции Донбасса» и новые друзья Украины // РСМД. — 2016. — 26 янв. [Электронный ресурс]: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zakon-o-reintegratsii-donbassa-i-novye-druzya-ukrainy/?sphrase_id=4971389.
5. Усилия Казахстана для долгосрочной стабилизации ситуации в Афганистане // КИСИ при Президенте Республики Казахстан. — 2017. — 17 окт. [Электронный ресурс]: <http://kisi.kz/ru/categories/2017-god/posts/usiliya-kazahstana-dlya-dolgosrochnoj-stabilizacii-situacii>.
6. Синьцзянская трагедия: два года спустя // КИСИ [Электронный ресурс]: <http://kisi.kz/ru/categories/experts/posts/sin-czyanskaya-tragediya-dva-goda-spustya-istoki-mify-u>.
7. Комиссина И.Н. Очередной виток наркоэкспансии Афганистана // РИСИ — 2018. — 06 февр. [Электронный ресурс]: <https://riss.ru/analytics/47641/>.
8. Кортунув А. Казахстан играет роль посредника. И у него это хорошо получается // 2016. — РСМД. — 28 апр. [Электронный ресурс]: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kazakhstan-igraet-rol-posrednika-i-u-nego-eto-khorosho-poluch/>.
9. МИД: Казахстан воспринял референдум в Крыму как свободное волеизъявление населения // NUR.kz — 18.03.2014. [Электронный ресурс]: <https://www.nur.kz/306681-mid-kazahstan-vosprinyal-referendum-v-krymu-kak-svobodnoe-voleizyavlenie-naseleniya.html>.
10. Немеский О. Трамп «взялся» за Донбасс: зачем США перенос «Минска» в Казахстан // РИСИ. — 2018. — 4 февр. [Электронный ресурс]: <https://riss.ru/smi/47066/>.
11. Петров А. Астана превратит «подвижки» в сирийском урегулировании в «дорожную карту» // РИСИ. — 2017. — 20 янв. [Электронный ресурс]: <https://riss.ru/smi/38379/>.
12. Петров А. Разрешить сирийский конфликт в Казахстане будет проще, чем в Женеве // РИСИ. — 2016. — 28 дек. [Электронный ресурс]: <https://riss.ru/smi/37878/>.
13. Кризис на Украине: реакция стран Центральной Азии // Русская служба BBC. — 6.08.2014. [Электронный ресурс]: http://www.bbc.com/russian/international/2014/08/140806_ukraine_crisis_central_asia_reaction.
14. Фролова И.Ю. О ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. — 16.08.2011. [Электронный ресурс]: <https://riss.ru/analytics/2409/>.
15. Яшар Якыш. Переговоры по Сирии состоялись — это уже большой успех // Валдайский клуб — 24.01.2017. [Электронный ресурс]: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriya-kommyunike-ne-proval/?sphrase_id=27837.
16. Яшар Якыш. Письмо Эрдогана к Путину: Изоляция вредна // Валдайский клуб — 28.06.2016. [Электронный ресурс]: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pismo-erdogana-k-putinu-izolyatsiya-vredna/>.
17. Dubnov A. Caught in the Middle: Central Asia and the Russia-Turkey Crisis // Carnegie Moscow Centre. — 16.12.2015. [Электронный ресурс]: <http://carnegie.ru/commentary/62290>.
18. Yetkin M. Story of secret diplomacy that ended Russia-Turkey jet crisis // Hürriyet daily news. — 09.08.2016. [Электронный ресурс]: <http://www.hurriyetdailynews.com/opinion/murat-yetkin/story-of-secret-diplomacy-that-ended-russia-turkey-jet-crisis-102629>.

19. *Peter R. Neumann*: «Foreign fighter total in Syria/Iraq now exceeds 20,000; surpasses Afghanistan conflict in the 1980s» // ICSR. — 26.01.2015. [Электронный ресурс]: <http://www.hurriyetdailynews.com/opinion/murat-yetkin/story-of-secret-diplomacy-that-ended-russia-turkey-jet-crisis-102629>.
20. *Todd Wood*. Central Asia can aid U.S. national security // The Washington Post. — 2018. — 18 oct. [Электронный ресурс]: <https://www.washingtontimes.com/news/2017/oct/18/central-asian-global-security-forefront/>.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И РОССИЯ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

В настоящее время как ЕС, так и НАТО испытывают определенный кризис в отношениях не только со своими партнерами, но и ряд внутренних противоречий, которые связаны с последствиями резкой демилитаризации на рубеже веков, а также новой политикой США по отношению к союзникам по блоку. В такой атмосфере неопределенности особенно важным видится постоянный диалог между Россией и Европейским союзом, который позволял бы минимизировать напряженность, связанную как с событиями последних лет, так и грядущими долгосрочными проектами. В данной статье рассмотрен ряд проблем и перспектив взаимодействия Европейского союза и России в сфере обеспечения международной безопасности. Определены наиболее продуктивные сферы для потенциального сотрудничества, приведены наиболее актуальные проекты, требующие особого отношения и тесного взаимодействия структур РФ и ЕС с точки зрения коллективной безопасности в стратегической перспективе.

Ключевые слова: Европейский союз, НАТО, международная безопасность, стратегическое партнерство, Арктика.

Автор

Пархоменко Георгий Игоревич

Магистрант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Последнее десятилетие XX века было ознаменовано рядом ключевых событий, коренным образом повлиявших на дальнейший ход истории, изменение геополитического положения. Последовавшее вслед за распадом Советского Союза упразднение Варшавского блока, конец холодной войны, который, помимо преодоления военного противостояния между Востоком и Западом, принес невиданные ранее разоруженческие процессы взамен гонимых вооружений. Теперь место противостояния занимают общеевропейские структуры и механизмы, что влечет за собой совершенно иные формы взаимодействия между государствами.

Не стоит, однако, забывать, что эти же события привели к определенному кризису блока НАТО. Содержание огромной армии и наличие значительного «союзнического» контингента на территории Европы стало неактуально, и буквально за десять лет количество развернутых вооружений сократилось до малой части от их численности на конец 1980-х — начало 1990-х гг. Так, по информации Международного института стратегических исследований, суммарное количество развернутых батальонов НАТО в континентальной Европе на 2015 г. примерно равняется таковому у одной только Западной Германии в 1990 (рис. 1).

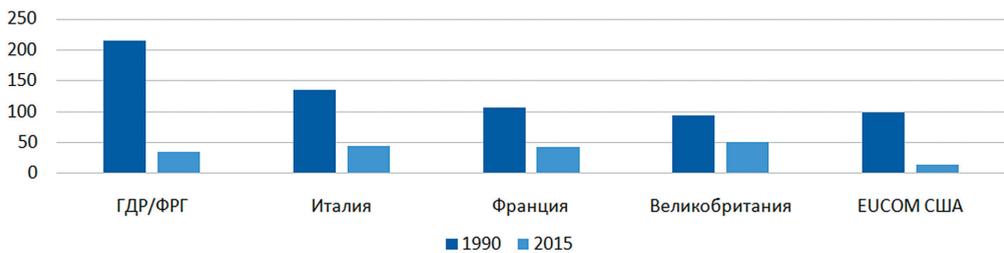

Рисунок 1. Число активных подразделений Европы (включая контингент военных баз США 1990/2015) согласно IISS, The Military Balance 2016

Вместе с тем, будучи порождением биполярной системы, североатлантический альянс продолжает по инерции искать оппонентов, что, в свою очередь, уже само становится фактором риска.

США, приписывая себе победу в холодной войне, продолжают вести весьма агрессивную внешнюю политику, активно вмешиваясь в идущие конфликты и затеывая новые, стремясь стать единственным поставщиком силовых решений и, соответственно, к неоспоримому лидерству на мировой арене. Именно поэтому внешняя политика США на том же Ближнем Востоке напоминает поведение слона в посудной лавке. Более того, являясь членом НАТО, Соединенные Штаты активно вовлекают европейские страны в реализацию этой политики. Если еще в 1986 г., во время налета на Триполи, Германия, Франция, Италия и Испания не предоставили даже своего воздушного пространства для пролета американских самолетов, то уже во время войны в Персидском заливе военные из будущего Евросоюза принимали самое активное участие.

Казалось бы, что общего может быть между событиями более чем тридцатилетней давности и современной геополитической обстановкой? К сожалению, достаточно многое, что демонстрируют последние события в Сирии [1; 2]. Поэтому актуальность взаимодействия с ЕС по вопросам безопасности несколько не снизилась, а просто приобрела новые формы, согласовываясь с текущей повесткой международных отношений.

Так, буквально на наших глазах происходит формирование новой европейской оборонной идентичности: взамен «Берлинской формулы НАТО» приходит новое понимание ответственности, соответствующее общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ; Common Foreign and Security Policy; CFSP). Вместе с тем страны ЕС хотели бы продолжать оптимизировать свои оборонные расходы за счет аутсорсинга части обязанностей у американских военных. Последние же, в свою очередь, не склонны к альтруизму [3] и, вполне вероятно, вскоре Европе придется взять на себя новые расходы [4].

Очевидно, что единственной потенциальной угрозой в Европе, помимо международного терроризма, страны ЕС видят Россию, о чем, впрочем, уже является открытым текстом. Особенную обеспокоенность высказывает Швеция (не воевавшая, между прочим, более двух веков), не входящая в НАТО, однако являющаяся участником ОВПБ [5].

В данной ситуации, когда происходит не только демонизация, а открытое описание Российской Федерации как «врага № 1» в Европе, сотрудничество с ЕС в сфере международной безопасности видится особенно важным, хотя и полным подводных камней и противоречий.

Если внешняя политика Советского Союза и Российской Федерации в первые годы существования была ориентирована в первую очередь на США, то такие события, как Югослав-

ский кризис, расширение НАТО и неоднозначная внешняя политика самих Соединенных Штатов, привели к тому, что произошла смена приоритетов.

С конца 1990-х гг. внешняя политика России направлена на взаимодействие с Европой, которая стала основным (после стран СНГ, разумеется) приоритетом. Более того, смена политического вектора способствовала и улучшению экономических отношений: ЕС стал одним из крупнейших торговых партнеров России, что является важным показателем при оценке международной безопасности.

Как ни парадоксально, именно всплеск международного терроризма в начале XXI в. послужил толчком к укреплению взаимодействия по линии РФ–ЕС в сфере обеспечения безопасности, поскольку к тому моменту отечественные силовики обладали значительным опытом в противодействии террористам.

И нужно отметить, что в этой сфере было достигнуто завидное взаимопонимание: именно антитеррористическая коалиция, в которую входили Германия, Франция и Россия, резко осудила поведение Вашингтона во время иракского кризиса 2002–2003 гг., когда выяснилось, что как такового ОМП в Ираке и нет. Особенно такое поведение нехарактерно для Германии, которая на тот момент вообще впервые пошла на конфронтацию с США, призывая добиться мирного решения через Совет безопасности ООН.

Несмотря на настороженное отношение к ОВПБ в России, нужно признать, что в Европе постепенно зарождается новая военная организация, большая часть членом которой входит и в НАТО. При этом политика ЕС в сфере безопасности (по крайней мере пока) не позиционируется как альтернатива Альянсу. Напротив, осознавая ограниченность своих ресурсов даже для обеспечения коллективной обороны, Евросоюз старается макси-

мально задействовать силы блока в случае угрозы.

Очевидно, что в условиях разногласий между членами ЕС в последние годы, вопросы безопасности остаются одними из наиболее актуальных для консолидации участников и сохранения данной структуры как весомой политической силы, которая может отстаивать свои интересы не только в Европе, но и в других регионах. Антикризисный потенциал, накапливаемый для достижения этой цели, направлен именно на поддержание отношений с другими странами, в которых ЕС может выступать в качестве гаранта выполнения тех или иных обязательств, то есть иметь состоятельную политическую составляющую. Именно самостоятельность Евросоюза в решении внешнеполитических проблем, касающихся обеспечения международной безопасности, можно считать ключевым критерием эффективности ОВПБ.

Остается открытым лишь вопрос о том, как «две хозяйки»: НАТО и антикризисные силы ЕС, уживутся на одной «европейской кухне», ведь на данный момент ЕС не обладает необходимыми ресурсами для выполнения крупных международных операций. Так, по результатам недавних проверок, в 9-й танковой бригаде Бундесвера, которая входит в силы быстрого реагирования, из 44 танков «Леопард-2» исправны и готовы к бою оказались только 9, а из 14 БМП «Мардер-2» укомплектованы всего 3 (!) [6]. Отмечается также, что немецкие ВВС в состоянии нести боевое дежурство лишь 4 месяца в году. Недоукомплектованы и сухопутные силы ФРГ [7], а ведь это — одна из наиболее влиятельных стран Европейского союза.

В сложившейся ситуации основным направлением деятельности ЕС в сфере безопасности может стать реализация превентивных мер или миротворческих операций, в том числе с непосредственным военным участием

ограниченного контингента. Например, в Европе накоплен определенный потенциал полицейских формирований, которые могут действовать в условиях конфликтов, да и в связи с растущей террористической угрозой все больше внимания уделяется таким подразделениям даже на территории самих стран-участниц. Судя по всему, именно препятствование возникновению конфликтов является наиболее приоритетной задачей для ЕС, о чем косвенно свидетельствует усиление роли внутренних сил и средств, что отражается на их численности и финансировании [8].

Так или иначе, в свете обострения отношений между США и ЕС, нет никаких сомнений в том, что Евросоюз будет проводить последовательное наращивание собственных сил антикризисного урегулирования именно под эгидой общей политики безопасности. Еще в середине 2000-х были сформированы такие структуры, как Военный штаб Европейского союза и подчиняющиеся ему силы быстрого реагирования (EUFOR), которые к настоящему времени успели провести как ряд операций в тесном сотрудничестве с НАТО, так и самостоятельных, например, по контролю потоков беженцев через Средиземное море с 2015 г. (продолжается по сей день).

Несмотря на ряд противоречий, таких как «Дело Лизы», крушение малазийского «Боинга», «Дело Скрипалей» и т.д., которые осложняют взаимодействие России с европейскими структурами, ЕС остается открыт для сотрудничества в сфере безопасности.

Однако, насколько такое взаимодействие оправдано и целесообразно, учитывая вышеописанные инциденты и их последствия?

На данный момент взаимодействие по линии Россия — ЕС основывается, по сути, не столько на совпадении неких ценностей, схожести общественных систем, единых долгосрочных целей и т.п., а на вполне конкретном со-

впадении экономических интересов. Россия рассматривается как надежный партнер в решении энергетических вопросов, поэтому та же Германия вполне успешно поддерживает строительство «Северного потока — 2». Это стоит считать не столько политическим действием, проявлением взаимоуважения и доверия, сколько простым прагматическим расчетом — оптимизацией расходов на транзит газа и минимизацией рисков, связанных с политической обстановкой в странах, через которые этот трансфер осуществляется. Для России, в свою очередь, строительство того же газопровода несет куда больше политической ценности, поскольку в условиях такого «ограниченного партнерства» отношения с Европой ставятся в прямую зависимость от эффективности экономического сотрудничества.

Более позитивным видится дальнейшее развитие партнерских отношений с распространением совместных усилий и в другие области, что станет толчком для создания по-настоящему стратегического партнерства. Важно, чтобы эти потенциальные отношения обязательно включали в себя, кроме прочего, и сферу международной безопасности. Прозрачность в этой плоскости поможет не только снять с России ярлык угрозы, но и стабилизировать отношения в других сферах, в том числе и улучшить координацию международных операций как на Ближнем Востоке, так и в Центральной Африке, традиционной сфере европейской ответственности, которой в последнее время уделяется все больше российского внимания [9].

Впрочем, и в самой Европе сотрудничество с Россией является одним из перспективных направлений, поскольку строительство независимой и самостоятельной Европы без нее невозможно. И это касается не только энергетического или, например, военного аспекта, но и сферы политической, поскольку без стабильности в России немыслима и европейская стабиль-

ность. Очевидно это не только представителям «ястребов» в европейских правительствах. Стабильность российской политической системы является одной из предпосылок европейской безопасности, и если принимать в расчет то, что основным риском для политического режима в России являются внутренние угрозы, которые, с учетом опыта «арабской весны» и политического кризиса на Украине, часто имеют внешнюю поддержку, тесное сотрудничество с ЕС может стать важнейшим приоритетом для Москвы.

Безусловно, в современных условиях повышение политического веса РФ и упрочнение ее позиций на международной арене невозможно без взаимовыгодного стратегического партнерства с Евросоюзом, однако, на пути к достижению этой цели возникает все больше препятствий, которые вызваны отсутствием взаимопонимания между сторонами, не говоря уже об общем видении стратегической перспективы. Одной из таких стратегических перспектив может стать «арктический вопрос».

Вероятнее всего, в ближайшие десятилетия освоение Арктики станет одним из ключевых вопросов не только российско-европейских, но и в целом международных отношений. Даже Великобритания, которая всю готовится к выходу из ЕС, активно готовится принять активное участие в этом процессе [10].

Европейские санкции неизбежно внесут свой негативный вклад в арктические планы России. Приостановка экспорта технологий и оборудования для разработки глубоководного шельфа сильно ударит по отечественной нефтяной отрасли, поскольку доля импортного оборудования в российской добыче нефти и газа сейчас достигает 25%, а в проектах на шельфе приближается к 100%. По оценке международного рейтингового агентства Fitch, в среднесрочной перспективе эти ограничения могут не только нанести удар

по экономической целесообразности нефтедобычи, но и вовсе воспрепятствовать осуществлению ряда крупномасштабных проектов по освоению арктических нефтяных месторождений в случае, если Россия не сможет разработать собственные технологии. В Министерстве энергетики РФ, однако, считают, что эти технологии могут появиться в России уже к 2020 г. [11].

В грядущей «Битве за Арктику» у России есть важный козырь — доступ к Северному морскому пути, который представляет собой кратчайший морской путь из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу. Несмотря на то, что в силу трудоемкости судоходства по этому маршруту, он пока не рассматривается как жизнеспособная альтернатива привычному транзиту через Суэцкий канал, изменение климата, ведущее за собой увеличение среднегодовой температуры, увеличивает проходимость СМП год от года. Сейчас навигация без ледоколов возможна всего два месяца в году — в августе и сентябре. Эта транспортная артерия могла бы стать серьезным подспорьем, например, в экспорте углеводородов на рынки азиатских стран, поскольку северный путь короче «индийского» более чем на 7 тысяч морских миль.

Экономический потенциал такого проекта огромен: уже в начале 2020-х гг. Китай намерен направить вдоль российского побережья Северного Ледовитого океана до 15% от своего гигантского внешнеторгового оборота со странами Европы. Учитывая то, что в России уже готовится законопроект о том, что транзит грузов по СМП может осуществляться только на судах под российским флагом, это может стать мощным экономическим стимулом к развитию региона, а также укрепить российские позиции в Арктике.

Развитие индустриальной инфраструктуры в российской арктической зоне, развитие сотрудничества с такими странами, как Финляндия (один из главных партнеров в судостроении,

совместно с которым реализуется сразу несколько проектов) и Норвегия (одна из двух стран, обладающая технологиями по глубоководному бурению и добыче нефти), не только увеличит грузооборот по Севморпути, но и упрочнит статус Российской Федерации как надежного партнера по реализации долгосрочных проектов.

Как показывает большой опыт энергетических проектов, которые осуществляет Россия, именно внешнеэкономическая интеграция является одним из гарантов международной стабильности. Грядущие «торговые войны» между США и ЕС могут серьезно переформатировать систему международных отношений. Не исключено, что мы вскоре увидим ослабление влияния Вашингтона на принятие политических решений в Европе. Впрочем, это будет зависеть в первую очередь от воли глав европейских государств, которые в прошлом проявляли завидную «гибкость» в ответах на вполне однозначную риторику заокеанских соседей по блоку.

В том случае, если ЕС проявит самостоятельность в решении подобных

проблем, не исключено стремительное развитие российско-европейского сотрудничества в таких ключевых для взаимодействия регионах, как Арктика и Ближний Восток. Снятие санкций и реализация совместных проектов, вне всяких сомнений, могли бы принести взаимную выгоду обеим сторонам.

При сближении с Евросоюзом, в котором, очевидно, может быть как минимум 28 различных мнений по одному и тому же вопросу, нужно помнить, что Россия, несмотря на то, что является (в первую очередь географически) частью Европы, обладает рядом особенностей, которые не позволяют полноценно войти в «европейский дом», где ее, строго говоря, никто и не ждет. Это нужно принимать как данность, не огорчаясь откровенной враждебности ряда государств Восточной Европы. Тем более это не несет значительной смысловой нагрузки в свете того, что с «ядром» ЕС у России, пускай сложные и полные исторических и культурологических нюансов, но многогранные, многовековые отношения.

Литература

1. *Cooper H.* Trump Orders Strikes on Syria Over Suspected Chemical Weapons Attack // The New York Times. — 2018. — 13 April. — URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/13/world/middleeast/trump-strikes-syria-attack.html> (дата обращения: 24.09.2018).
2. *Elgot J.* Theresa May orders Britain to join air strikes on Syria // The Guardian. — 2018. — 14 April. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/14/theresa-may-britain-air-strikes-syria-chemical-weapons-raf> (дата обращения: 24.09.2018).
3. Перераспределяя ресурсы: почему Пентагон предлагает сократить количество военных баз США в мире // Russia Today [Электронный ресурс]. — 18.10.2017. — URL: <https://russian.rt.com/world/article/440879-ssha-bazy-sokrasshenie> (дата обращения: 24.09.2018).
4. Сможет ли Европа из-за Трампа отказаться от военной зависимости от США? // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс]. — 20.07.2017. — URL: <https://carnegie.ru/2017/07/20/ru-pub-71587> (дата обращения: 24.09.2018).
5. Шведский генерал: «Против России мы не продержимся и нескольких дней» // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. — 05.02.13. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26026/2945488/> (дата обращения: 24.09.2018).
6. Internes Papier belegt Überforderung der Bundeswehr // Die Welt [Электронный ресурс]. — 15.02.2018. — URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article173585698/Bundeswehr-bei-Nato-Speerspitze-Papier-belegt-Ausruestungsmaengel.html> (дата обращения: 25.09.2018).
7. Констатирована катастрофическая необеспеченность немецкой армии // Lenta.ru [Электронный ресурс]. — 19.02.2018. — URL: <https://lenta.ru/news/2018/02/19/bundeswehr/> (дата обращения: 25.09.2018).

8. Немецкий спецназ GSG-9 будет увеличен на треть // DW [Электронный ресурс]. — 15.01.2018. — URL: <https://www.dw.com/ru/немецкий-спецназ-gsg-9-будет-увеличен-на-треть/a-42155691> (дата обращения: 25.09.2018).
9. МИД сообщил об отправке российских военных в Центральную Африку // РБК [Электронный ресурс]. — 22.03.2018. — URL: <https://www.rbc.ru/society/22/03/2018/5ab3b98c9a79472ad58eccas> (дата обращения: 25.09.2018).
10. Подледные амбиции Англии: что ищут британцы в нашей Арктике? // Звезда [Электронный ресурс]. — 15.04.2016. — URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201604150815-ta4k.htm (дата обращения: 25.09.2018).
11. Покорение полюса двойного назначения // Эксперт [Электронный ресурс]. — 09.12.2014. — URL: <http://expert.ru/northwest/2014/50/pokorenie-polyusa-dvojnogo-naznacheniya/> (дата обращения: 25.09.2018).

УРОВЕНЬ КОМФОРТНОСТИ ЖИЗНИ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР РАЙОНИРОВАНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕЕ ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ

Аннотация

В статье говорится об отдельных территориальных особенностях Магаданской области. Проанализированы климатические, тектонические и экологические показатели данного региона. Выявлена внутренняя особенность и взаимосвязь территорий, на основе которых сформированы районы по уровню комфортности жизни, которые позволяют оценить потенциал территории и предложить варианты для ее развития и освоения.

Ключевые слова: Магаданская область, районирование, комфортность жизни, уровень сейсмичности, среднегодовые температуры, загрязненность рек.

Автор

Балашова Анастасия Сергеевна

Студентка кафедры регионального управления факультета международного регионоведения и регионального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)

Магаданская область относится к регионам Дальневосточного федерального округа, для которого проблемы, связанные с заселением и освоением территорий, являются особенно актуальными, кроме того, большинство регионов Дальнего Востока и вовсе являются депопулирующими. Это связано в первую очередь с погодными, социальными и инфраструктурными условиями жизни. Поэтому проведенное районирование Магаданской области поможет выявить территории, которые являются потенциально пригодными для жизни и при притоке инвестиций, государственной поддержке смогут стать развитыми населенными пунктами различной величины.

Также актуальность работы подчеркивает сложная демографическая ситуация, сложившаяся в Магаданской области. С начала 90-х гг. XX в. население области уменьшилось почти на

50%. Это связано в первую очередь с наличием постоянного миграционного оттока, который объясняется утратой привлекательности жизни в области. Последствиями оттока является ухудшение возрастной структуры, увеличение нагрузки на бюджет, снижение трудоспособного населения. Магаданская область испытывает кадровый голод во всех отраслях экономики. Плотность населения по области составляет 0,33 человека на 1 км², что в 3,1 раза меньше показателя ДФО в целом.

Кроме того, острой проблемой, существующей в области, является система расселения. Около 67% населения сосредоточено в городе Магадане, а удельный вес жителей остальных 8 муниципальных районов составляет от 1,7 до 6,7% от общей численности населения области. Главные населенные пункты располагаются вдоль дороги федерального значения Якутск — Магадан. Сегодня 5 населенных пунктов

по согласованию с Правительством РФ признаны закрывающимися. Возникло понятие «неперспективный населенный пункт», то есть территория, которая вовсе не имеет перспектив для развития и освоения. Расселение жителей подобных районов также является важной проблемой.

Поэтому для определения районов, имеющих перспективу для развития, обратимся к такому фактору, как уровень комфортности жизни. Условия комфортности жизни являются важным фактором, который оказывает влияние на различные стороны общественной жизни, определяя расселение, стиль жизни, здоровье, питание, а также специализацию и трудовую деятельность. Природные условия помогают комплексно оценить ситуацию, в которой протекает повседневная жизнедеятельность населения. Степень комфортности — это обобщенный показатель, который включает в себя более 30 характеристик. Уровень комфортности отдельных районов области влияет на степень заселенности, а также на характер освоения и степень реализации государственных программ. Данный показатель в первую очередь дает оценку условиям жизни людей. Она оценивается по пятиуровневой шкале, по которой выделяются: комфортные, прекомфортные, гипоконфортные, дискомфортные и экстремальные.

Важной характеристикой уровня комфортности жизни являются физико-геологические процессы. Это обвалы, осыпи, сели, лавины, оползни. Вся территория находится в потенциально сейсмоопасной зоне. Данный критерий необходимо учитывать при расселении, а также при расположении производства и градостроительстве. Ведь большая часть Колымы находится в 7–9-балльной зоне сейсмичности, сейсмоопасная зона охватывает 82% территории, поэтому уровень сейсмической опасности станет важным критерием при выделении отдельных районов.

Кроме того, в истории Магаданской области зарегистрировано более 4 тысяч сейсмических событий различной силы. Сейсмические события часто наносят большой урон населению и инфраструктуре.

Следующим немаловажным показателем при характеристике природных условий являются климатические особенности. Климатические условия на данной территории являются достаточно суровыми. Для территории Магаданской области характерна продолжительная зима (около 6 месяцев), а также низкие температуры, резкие смены погоды, обильные осадки, жесткие морозы, штормы, густые туманы, обильные метели. На этой территории распространяется несколько типов климата — это резко континентальный, распространенный в континентальных районах; умеренно континентальный и морской климат с умеренно суровой зимой. Среднегодовая температура повсеместно имеет отрицательное значение: на побережье Охотского моря она составляет $-2-3^{\circ}\text{C}$, а в континентальных районах области температура доходит до $-11-13^{\circ}\text{C}$. В зависимости от территории различается скорость ветра, а также количество осадков. В континентальных районах скорость ветра достигает 2–3 м/с, на побережье скорость может достигать 7 м/с. Отличается и морозный период: на побережье Охотского моря 75–100 дней, а на других территориях 50 и менее. В зависимости от принадлежности территории к тому или иному типу климата различаются температурные условия, для систематизации которой можно использовать показатель среднегодовой температуры. Учет уровня сейсмичности и среднегодовая температура поможет выделить наиболее и наименее благоприятные районы для проживания.

Известно, что человек и живая природа находятся в тесной взаимосвязи. То есть не только природно-климатические условия влияют на жизнь

и развитие общества, но и человек воздействует на природу, изменяет ее, ухудшает экологическую ситуацию. Подобное влияние называют антропогенно-техногенным фактором. В данном регионе он достаточно ярко выражен. Одним из его проявлений является загрязнение внутренних вод. Большая часть населения (около 69%) потребляет воду, не соответствующую санитарным показателям. Это может повлиять на увеличение количества неинфекционных заболеваний, а также снизить иммунитет организма, повлечь за собой проблемы, связанные с сердечно-сосудистыми заболеваниями, развить аллергические реакции и увеличить процент людей, имеющих заболевания крови. Основными источниками загрязнения выступают: деятельность горнодобывающих предприятий, загрязнение и изменение речных массивов гидроэлектростанций, поверхностный смыл с неблагоустроенных территорий населенных пунктов в периоды таяния снега. Одним из основных показателей, который характеризует уровень загрязненности внутренних вод, является содержание органических веществ — ХПК. Химическое потребление кислорода — это показатель содержания органических веществ в воде, который выражен в миллиграммах кислорода, использованного на окисление органических веществ, содержащихся в литре воды. Данный показатель используется для оценки уровня загрязненности сточных, питьевых и природных вод различными органическими соединениями. Самыми загрязненными реками данного региона являются реки бассейна Охотского моря. В них ХПК превышает 149 мг/л. Затем идут реки Омсукчанского района, уровень загрязнения которых равен 44,7 мг/л; реки Сеймчанского района, к которым относится Колыма, также характеризуются относительно высоким уровнем загрязнения, который равен 40 мг/л. Средним уровнем загрязненности характеризуются реки Ягодин-

ского района, ХПК равняется 27 мг/л; загрязненность рек Сусуманского района находится на уровне 22,6 мг/л. Самый низкий уровень загрязненности наблюдается в реках Теньского района, он равен 16,7 мг/л. Таким образом, антропогенный фактор оказывает влияние на изменение химического состава внутренних вод, а следовательно, изменяет экологическую обстановку. Загрязненная вода часто бывает непригодной для бытовых и рекреационных целей, поэтому данный фактор отражается на общественной стороне жизни и влияет на уровень комфортности.

Таким образом, комплексный учет таких показателей, как: уровень сейсмичности, среднегодовая температура и уровень загрязненности рек — может выделить отдельные районы, которые можно оценить с точки зрения комфортности для проживания, градостроения и развития инфраструктуры. То есть с помощью данного районирования возможно определить зоны, которые при благоприятной инвестиционной среде и государственной поддержке смогут иметь здоровое развитие.

Сам процесс районирования проводился следующим образом. Сначала территория была разделена на зоны по уровню сейсмичности. Зона сейсмической активности колеблется от 5 до 9 баллов, все зоны обозначены разным цветом. Зоны сейсмичности зависят от рельефа. Так, самый высокий уровень сейсмической опасности характерен для прибрежных территорий, а самый низкий для территорий, относительно отдаленных от Охотского моря. Также высокий уровень сейсмической опасности характерен для Сеймчанского административного района, уровень которого колеблется от 8 до 9 баллов. Для центральной части Магаданской области характерен достаточно высокий уровень сейсмической активности, который равен 7 баллам. Самыми низкими показателями отличаются территории, расположенные относительно

далеко от Охотского моря и имеющие общую границу с Чукотским автономным округом. Затем на данную карту была нанесена среднегодовая температура, которая колеблется от -2 до -11 °С, все территории с различной среднегодовой температурой обозначены различной штриховкой. Так, для прибрежных территорий характерна более высокая температура, чем для центральных и западных, а самые низкие температуры характерны для северных районов. После чего, по данным Доклада об экологической ситуации в Магаданской области, были нанесены ареалы по уровню загрязненности рек от промышленных предприятий, все территории обозначены различными символами. В результате при наложении отдельных природно-географических показателей на антропогенно-техногенный, выраженный уровнем загрязненности рек, получилось выделить 8 районов, которые можно охарактеризовать с точки зрения благоприятности или, наоборот, экстремальности для жизни (рис. 1).

Перед тем, как дать характеристику отдельным получившимся районам, дадим им название, для более удобного рассмотрения в зависимости от

близости к административным районам, а также крупным городам: I — Магаданский, II — Ольский, III — Тенькинско-Ягодинский, IV — Сусуманский, V — Сеймчанский, VI — Омсукчанский, VII — Балыгычанский, VIII — Среднеканский районы.

Итак, Магаданский район расположен на побережье Охотского моря. Для этой территории характерен высокий уровень сейсмичности в 8 баллов, на некоторых территориях уровень сейсмичности доходит до 9 баллов. Однако для данной территории, относительно других, характерна более высокая среднегодовая температура, которая колеблется от -2 до -5 °С. Также эти территории подвержены сильному антропогенно-техногенному влиянию. Это выражается в высоком уровне загрязненности рек промышленными отходами, ХПК колеблется от 44–150 мг/л. Данный район следует отнести к прекомфортным территориям. Это связано в первую очередь с очень высоким уровнем сейсмичности, который оказывает сильное влияние на градостроение и инженерное проектирование, а также такой высокий уровень опасности может влиять на расположение и развитие производства. Кроме того,

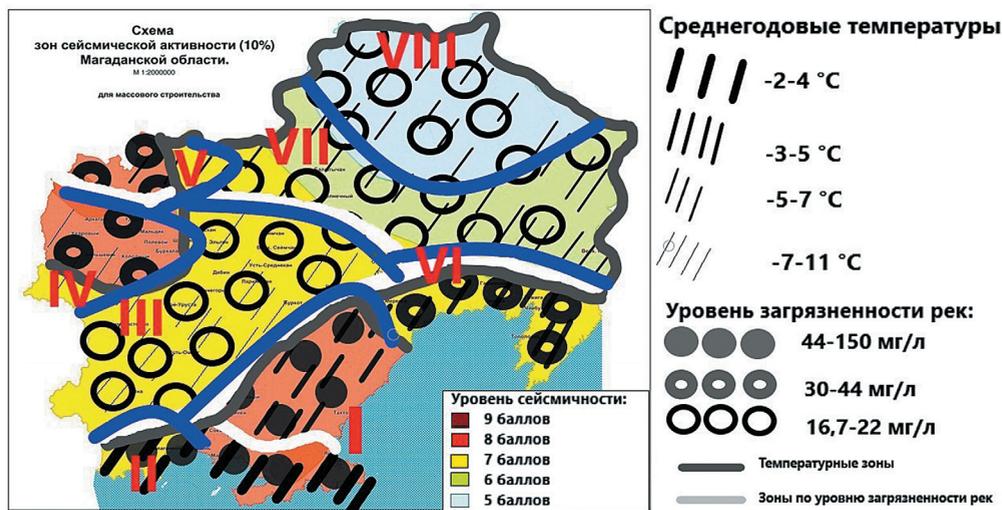

Рисунок 1. Авторское районирование Магаданской области

высокий уровень загрязненности рек влияет на хозяйственно-бытовую сторону общественной жизни, что делает район менее привлекательным для жизни и потенциального развития. Однако более высокая среднегодовая температура является важным фактором при размещении населения. Более мягкий климат позволяет отнести данную территорию к районам, имеющим перспективу для развития.

Следующий район — это Ольский. Данный район получился относительно не большим, однако с ярко выраженными внутренними особенностями. И так, для него характерен более низкий уровень сейсмичности, чем в Магаданском районе, однако достаточно высокий. Он равен 7 баллам. Более высокая температура относительно других регионов, которая равняется $-2 \div -4$ °С. Однако высокий уровень загрязненности рек: от 44–150 мг/л. Таким образом, по совокупности показателей район скорее возможно отнести к гипокомфортным территориям, из-за сейсмичности и антропогенно-техногенного влияния. Данный район при должном развитии имеет достаточный потенциал для развития.

Тенькинско-Ягодинский район располагается в центральной части Магаданской области, обладает достаточно высоким уровнем сейсмичности, который равняется 7 баллам. Более низким температурным режимом по сравнению с уже перечисленными районами. Температура колеблется от $-5 \div -7$ °С. Для данного района характерна более или менее стабильная ситуация с уровнем загрязненности рек. Реки являются низко загрязненными, показатели ХПК находятся в интервале от 16,7–27 мг/л, что благоприятно сказывается на хозяйственно-бытовой и рекреационной сфере. Район будет уместно отнести к комфортным территориям. Требуется особое внимание, так как имеет особый потенциал для развития.

Сусуманский район, находящийся на северо-западе Магаданской области,

сочетает в себе несколько сейсмических зон. Уровень сейсмичности находится в пределах от 7 до 9 баллов, то есть является достаточно высоким. Среднегодовая температура относительно других регионов обладает средними показателями: $-5 \div -7$ °С. Для данной территории характерны средние показатели уровня загрязненности рек. Они находятся в пределах от 30 до 44 мг/л. Район, скорее, можно отнести к гипокомфортным территориям, из-за высокого уровня сейсмичности и достаточно низких температур.

Сеймчанский район располагается в северо-западной части Магаданской области. Уровень сейсмичности колеблется в пределах от 7 до 8 баллов, что является достаточно высоким показателем. Для данной территории характерны низкие температуры относительно среднегодовых в регионе. Они располагаются в пределах от $-7 \div -11$ °С. Также территория характеризуется средним уровнем загрязненности рек: от 30 до 44 мг/л. Район можно отнести к дискомфортным территориям. Это связано в первую очередь с низким температурным режимом, а также достаточно высоким уровнем сейсмичности.

Омсукчанский район располагается на побережье Охотского моря. Для него характерен относительно высокий уровень сейсмичности, который равняется 7 баллам. Показатели среднегодовых температур, относительно других районов являются средними. Колеблются в пределах от $-3 \div -5$ °С. Уровень загрязненности рек промышленными отходами также является средним и располагается в пределах от 30 до 44 мг/л. Таким образом, большинство показателей обладают средними значениями, а, следовательно, район относительно других возможно отнести к комфортным для жизни, развития и потенциального преобразования.

На территории Балыгычанского района сосредоточены две зоны сейсмичности, показатели которых равны 7 и 6 баллам. Преобладающая площадь

находится в зоне 6-балльной сейсмической активности. Среднегодовые температуры являются низкими: $-7 \div -11$ °С. Низкий уровень загрязненности рек: от 16,7 до 27 мг/л. Получается, что данная территория относится к прекомфортным.

И последним выделенным районом является Среднеканский. Для него характерен низкий относительно других районов, уровень сейсмичности, который равен 5 баллам. Среднегодовые температуры являются низкими и составляют промежуток от -7 до -11 °С. В районе располагается небольшое количество загрязняющего реки производства. Поэтому и уровень загрязненности рек является низким и колеблется в районе 16,7–27 мг/л. Район обладает приемлемыми условиями для жизни, однако среднегодовая температура является низкой, а климатические условия суровыми, поэтому данную территорию следует отнести к гипокомфортным.

Таким образом, в результате проведенного районирования удалось выделить несколько районов, которые обладают комфортными условиями для жизни, — это Омсукчанский и

Теньско-Ягодинский. Необходимо оказание соответствующей поддержки со стороны государства, которая выражалась бы в создании государственных программ в соответствии со спецификой данных районов, а также в привлечении инвестиций, развитии малого и среднего бизнеса. Возможно, предоставление дополнительных налоговых льгот для населения данных районов, с целью привлечения большего количества людей. Кроме того, необходимо внимательнее подойти к ресурсному и промышленному потенциалу данных районов для создания новых рабочих мест и развития социальной сферы. Потенциально приемлемыми для освоения, но менее комфортными территориями являются прекомфортные территории — это Магаданский и Балыгычанский районы. К гипокомфортным территориям следует отнести Ольский, Сусуманский и Среднеканский районы. А дискомфортным районом является Сеймчанский район. Он требует особого внимания при составлении градостроительных проектов, а также при размещении промышленности или попытке заселения данной территории.

Литература

1. Доклад об экологической ситуации в Магаданской области за 2016 год // Министерство природных ресурсов и экологии Магаданской области. — URL: https://minprirod.49gov.ru/common/upload/23/editor/file/Doklad_za_2016_god.pdf.
2. Барыгин И.Н. Регионоведение: учебник для студентов вузов. — М.: Аспект-Пресс, 2007.
3. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики: учебник. — СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998.
4. Гальцева Н.В. Уровень жизни в Магаданской области: мифы и реальность / Н.В. Гальцева, О.С. Фавстрицкая, О.А. Шарыпова // Региональная экономика: теория и практика. — 2014. — № 26. — С. 10–20. — Электрон. дан. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/uroven-zhizni-v-magadanskoy-oblasti-mify-i-realnost>.

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО НАРОДА)

Аннотация

В представленной статье автор рассматривает понятие этнополитической мифологии с управленческих позиций. Обращаясь к предшествующим теоретическим исследованиям и практическим примерам, автор отвечает на ряд теоретических вопросов, связанных с процессом этнополитического мифотворчества: насколько объективным является этот процесс, возможно ли использование мифотворчества в качестве инструмента государственного управления, причины развития этнополитической мифологии. Отмечается, что по форме этнополитические мифы являются политическими, а по содержанию — этническими. Выделяется ряд функций этнополитического мифотворчества: состояние общественного единения, консолидация общественного мнения, легитимация власти и др. В завершении автор на примере татарского народа показывает, как в современной региональной политике России функционирует процесс этнополитического мифотворчества.

Ключевые слова: этнополитическая мифология, мифология, миф, политика идентичности, идентичность, историческая политика.

Автор

Высоцкая Зоя Романовна

Аспирант кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

«Ежедневно и чуть ли не ежеминутно прошлое подгонялось под настоящее» [7. — С. 101], — эта цитата из ставшего уже классическим романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» описывает деятельность Министерства правды. Сейчас бы сказали, что в ведении ведомства, выдуманного Оруэллом, информационная политика государства по части ее содержания и наполнения смыслами. Однако интерпретация исторических фактов и явлений, оперирование аргументами и символами, переосмысление прошлого в свете актуального настоящего — это повседневность не только антиутопичного мира Дж. Оруэлла, но и реальность социально-

политической жизни современного глобального общества, где политическое мифотворчество стало вспомогательным инструментом для решения разного рода задач, стоящих перед государствами.

«Миф как первая культурная форма породила последующие формы мировоззрения — религию, искусство, науку, философию, идеологию» [6. — С. 27], а потому в их содержании и форме так или иначе проявляются мифологические элементы. К тому же содержание самих мифов с развитием общественного сознания наполняется новыми темами, что непрерывно расширяет сферы бытования мифов. Поэтому можно говорить о том, что мифология — это

не только о фиксации исторической памяти различных обществ, но и форма отражения современной реальности. Отсюда возникает академический спор о том, насколько объективным можно считать весь процесс мифотворчества. Если, например, А.Ф. Лосев относится к мифу «как к живому и непосредственному выражению и носителю особой жизненной правды» [6. — С. 26], то позиция французского философа Р. Барта заключается в том, что «все культурные феномены, все виды коммуникации кодируются в знаковых системах, которые являются продуктом мифотворческой деятельности» [10].

Вероятнее всего, истина лежит где-то посредине. Понимание того, что современный миф может быть как объективным отражением реальности, так и инструментом ее конструирования, приводит к тому, что мифотворчество становится распространенным социально-политическим явлением. «Мифы-идеи целенаправленно конструируются политиками-идеологами для обоснования своих интересов, для манипуляции общественным сознанием» [6. — С. 27]. Л.А. Мясникова и М.Н. Шумихина, сравнивая архаические мифы и современные политические мифы, отмечают, что принципиальное отличие вторых состоит в том, что «это рационализированный миф... Особенностью политического мифа является его принадлежность к идеологии, [миф] всегда поставлен на службу властным структурам» [6. — С. 27]. Со своей стороны добавлю, что не только властные структуры являются проводниками мифов и рациональных идей, наполняющих эти мифы. Конструирование мифов может происходить как сверху, так и снизу, и в таком случае субъектами мифотворчества становятся различные социальные группы. Свидетельства использования мифов для достижения конкретных политических целей различными сообществами проявляются с древнейших времен, однако

само «понятие политического мифа было сформулировано сто лет назад Ж. Сорелем, который видел его предназначение в отображении «инстинктов», «ожиданий» и «страхов» национального движения или политической партии, в придании их идеологии завершенности» [8. — С. 292].

Именно в контексте этнонациональных движений политическое мифотворчество раскрывается особенно полно, поскольку использует весь возможный спектр тем, к которым может апеллировать субъект мифотворчества — исторические явления, культурные предпосылки, социальные и экономические ожидания, политические требования и т.д. Говоря об этнополитических мифах, стоит понимать, что по форме они — политические, а по содержанию — этнические. То есть бытование мифа в общественном сознании определяется конкретными социально-политическими условиями, а вот суть мифа связана с историческими и культурными корнями народов, с их коллективной памятью.

Ученые обращают внимание на то, что активизация этнополитического мифотворчества происходит в наиболее кризисные моменты общественного развития. Г.С. Девнина, оценивая роль мифологии в политических кризисах, пишет: «Сконструированный в соответствии с историческим моментом социальный миф может, с одной стороны, служить эскалации конфликта и выступать инструментом его развития, а с другой — приводить к локализации/разрешению конфликтной ситуации либо стать ее продуктом (итогом) [3. — С. 67]». Логически следует вывод: своевременное выявление набирающих свою силу и широко распространяющихся этнополитических мифов должно помочь предотвратить общественные кризисы, связанные с существующими межэтническими противоречиями, сепаратистскими настроениями, угнетением прав и сво-

бод этнических групп, тенденциями к ассимиляции и иными. Таким образом, важно понимать, что этнополитическая мифология может оказывать как деструктивное воздействие на общественно-политические процессы, так и созидательное, что находит свое отражение в различных функциях этнополитических мифов. Рассмотрим их суть.

Основная функция этнополитических мифов — воздействие на состояние общественного единения. Я сознательно не называю эту функцию только укреплением общественного единства, что распространено в научной литературе. Очевидно, что результат бытования этнополитических мифов в обществе далеко не всегда оказывается конструктивным. Более того, как я уже упоминала, зарождение и активное распространение мифов наиболее плодотворно происходит на кризисной почве. В таком случае «...его [миф] используют как идеологическую основу для исключения той или иной этнической группы из политического пространства страны» [8. — С. 297]. Механизм же духовного единения народов на основе общей мифологии состоит в обращении к генетической памяти народа: принадлежность человека к определенной культуре, его самоидентификация, заставляет его при виде знакомых ему исторических образов и знаков констатировать: «Это мое, родное». При оценивании тех или иных исторических событий следует обращать внимание на то, какое отношение к их значимости складывается у разных народов одной страны: если шкала значимости более-менее совпадает, то уровень солидаризации и единения в данном обществе будет выше.

Следующая функция — консолидация общественного мнения с последующей мобилизацией. Для претворения в жизнь тех или иных планов политикам необходимо опираться на широкие слои населения. Добиться общественной поддержки можно при условии

того, что политический посыл предельно ясен для населения и разделяется им. Здесь раскрывается потенциал этнополитических мифов как трансляторов интересов власти и общества. «Массы, не готовые, и не желающие вникать в логические аргументы и доказательства, гипнотизируются языком аллегорий и мифов» [4. — С. 51]. Этнополитические мифы оказываются проще и понятнее народу, поскольку вызывают не столько к разуму, сколько к эмоциональному отклику, а соответственно, мобилизационный порыв произойдет значительно быстрее.

Отдельно стоит отметить, что рассмотренная выше функция близка к другой функции, тесно связанной с использованием мифологии для решения политических задач, — функцией легитимации власти. Ю.Г. Ершов отмечает, что с помощью мифологии власти сакрализуют вполне утилитарные цели, компенсируя провалы в управлении [4 — С. 48]. Появляется необходимость в корректировке общественного мнения через смещение акцентов внимания. «Результатом манипуляции становится внушение массам определенной концепции истории, которая легитимизирует политические цели и господство политически доминирующей группы» [6. — С. 29].

Следующую функцию условно можно назвать воспитательной. Сформировав определенную концепцию истории, соотнеся ее с идеологией государства (при ее наличии) или с проводимой политикой, власти обеспечивают ее воспроизводство в общественном сознании через систему образования, просветительские проекты, используют лидеров общественного мнения для трансляции официальной позиции. Аналогичные процессы воспитания происходят и внутри малых этнических сообществ в процессе сохранения и передачи поколениям традиций.

Коммуникативная функция этнополитических мифов заключается в

возможности использования знаний о мифах определенных этнических групп при посреднических, дипломатических миссиях и в процессе межкультурной коммуникации. Актеры, взаимодействующие с носителем системы мифов, могут на основании анализа и оценки значимости тех или иных мифов выделять сильные и слабые точки носителя мифа, а в соответствии с этим выстраивать стратегию поведения в отношении носителя мифа.

Представленный список функций этнополитических мифов не исчерпывающий. Современная этнополитическая мифология — эффективный инструмент претворения в жизнь различных задач в публичной сфере, трансформирующийся и приобретающий все новые формы параллельно с развитием общества. Отсюда возникает резонный вопрос о возможности управления этнополитической мифологией, в том числе на государственном уровне. Здесь ученые сходятся во мнении, что это уже реальность. «Признание факта существования социального мифотворчества в политической жизни, влияние социального мифа на социализацию и политизацию индивида и четкое определение роли социального мифа позволяют говорить о социальном мифотворчестве как об отдельном направлении государственного регулирования» [3. — С. 61]. Более того, анализируя существующую практику государственного управления современной России, Ю.Г. Ершов напоминает, что «в 2009 году была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Спустя три года Комиссию распустили, пусть и запоздало, отреагировав на очевидную нелепость ее названия. Но сама проблема фальсификации истории нигде не исчезла» [4. — С. 48]. Также обращает на себя внимание стремление поставить на контроль негосударственных акторов, чья сфера деятельности

потенциально может быть связана с воплощением в жизнь различных замыслов через этномифотворчество. Речь идет об «ужесточении и усилении контроля за некоммерческим сектором, в частности получило широкое распространение понятие «иностранный агент». Эта административная мера была направлена на лишение возможности зарубежного финансирования деятельности групп и отдельных граждан по формированию в обществе новых представлений, стереотипов, социальных мифов, направленных на противодействие государственной политике» [3. — С. 66].

Последнее, о чем необходимо упомянуть в данном теоретическом обзоре, — это содержание этнополитических мифов. Этнополитические мифы можно разделить на две большие группы: исторические мифы и мифы-идеи.

Исторические мифы опираются на историко-культурное наследие различных этнических общностей, обосновывая те или иные притязания с опорой на исторический контекст. В.А. Шнирельман [13. — С. 16] обращает внимание на содержание этнополитических мифов современности и показывает, из чего складывается этнический образ прошлого и за что ведется борьба. Ключевыми сюжетами, вокруг которых рождаются новые этнополитические мифы, являются события, связанные с обретением родины, формированием собственной государственности или ее предтечи, великими завоеваниями и великими героями, страшными катастрофами, прервавшими восхождение народа к вершинам могущества и расцвета» [8. — С. 294].

Мифы-идеи нацелены на будущее, выражают коллективные желания и интересы этнических групп, в них находит отражение современное положение народа среди других и идеология его развития.

Этнополитическая мифология — это инструмент политики идентичности,

под которой ученые понимают «деятельность политических элит по формированию образа «мы-сообщества» в существующих административно-территориальных границах. Основные направления политики идентичности: символизация пространства, ритуализация принадлежности к сообществу, формирование представлений о «мы-сообществе» и установление границ «свой — чужой»» [6; 9]. Выполнение разного рода идеологических задач, поставленных в рамках проводимой политики идентичности, — это деятельность, прочно вошедшая в практику управления социальной и духовной сферой жизни общества. Необходимо отметить, что такая политика может проводиться в сообществах разного масштаба — от локального и до глобального. Чем более сложносоставное в этнокультурном разрезе общество, тем больше этнополитических мифов может одновременно сосуществовать. Россия — один из примеров такого поликультурного общества, где даже внутри одной и той же этнической общности мифотворчество может основываться на разном историко-культурном фундаменте, не говоря уже о федеральной повестке.

Самый очевидный пример — татары, внутри этнографических групп которых можно обнаружить как минимум четыре группы этнополитических мифов. Все они представляют собой исторические мифы. Первые две бытуют и конкурируют между собой непосредственно в Татарстане, другие две присутствуют в дискурсе крымских и сибирских татар. Рассмотрим их содержание с точки зрения целей мифотворчества и функций.

Мифотворчество казанских татар представляет собой классический пример использования этнополитических мифов в качестве инструмента политики идентичности. В годы, последовавшие за распадом Советского Союза,

Татарстан занял особое политическое положение в конфигурации других автономных образований на территории Российской Федерации. Проводимая властями политика требовала идеологического подкрепления, что породило активизацию процесса поиска татарской идентичности. Татарская интеллектуальная элита обратилась к вопросу происхождения татар, к их золотому веку истории, но на этом пути столкнулась с тем, какой же именно период считать золотым веком — золотоордынский или болгарский. Однако в последующие два десятилетия благодаря стабилизации общественно-политической ситуации в стране в целом и в Татарстане в частности оба подхода смогли мирно сосуществовать: и золотоордынский, и болгаристский подходы нашли свое отражение в этнополитическом мифотворчестве благодаря тому, что способствовали решению различных задач.

Так, говоря о целях золотоордынского, иначе — татаристского подхода, видный исследователь этнополитической тематики В.А. Шнирельман пишет: «Цель татаристского подхода, делающего акцент на золотоордынских корнях современных татар, состоит в культурной и языковой консолидации всех татар под эгидой татар казанских» [11. — С. 132]. Бытующий этнополитический миф базируется на идее о том, что татары достигли пика своего могущества именно в этот период, а последующие века привели татар в состояние глубоко разделенного народа. В данном случае миф отвечает стремлениям татарского руководства встать в центре консолидации различных этнографических групп татар, что в целом отвечает и общефедеральной повестке: например, в концептуальном контексте проводящегося ежегодно форума «Золото тюрков» то и дело поднимается вопрос о том, какую роль сыграли тюркские народы (к которым

относятся и татары) в истории России и по каким каналам и под флагом каких идей должна происходить интеграция тюркской молодежи в российское общество.

Булгаристский этнополитический миф в большей степени ориентирован на внутреннюю политику Татарстана и его взаимоотношения с центром. «В основе булгаристского подхода, выводящего предков татар из Волжской Булгарии домонгольского времени, лежит забота о территориальной целостности и суверенитете современного Татарстана. Кроме того, его сторонники стремятся очистить татар от того негативного образа, который столетиями навязывался им русской литературой, обвинявшей их в разгроме Киевской Руси» [11. — С. 132]. Такая расстановка акцентов в связи с сепаратистскими настроениями была особенно популярна в начале 1990-х гг., но и в наши дни ей нашлось применение — Татарстан работает над имиджем республики именно в контексте истории Волжской Булгарии. Например, через сферу туризма: в 2014 г. разрабатывалась концепция бренда поселения Болгар в Татарстане в качестве исторического и культурного центра древней Волжской Булгарии.

Однако такая интерпретация истории не принимается двумя другими этнографическими группами татар — сибирскими и крымскими.

Крымские татары апеллируют к истории половцев. Этот этнополитический миф позволяет крымским татарам под давлением аргументов о древности и уникальности своего происхождения регулярно ставить вопрос о собственной автономности без оглядки на «других» татар. В силу того, что Крымский полуостров на протяжении четверти века находился в составе Украины, а, соответственно, крымские татары были отделены от остальных этнографических групп татар государственными границами,

такая мифология позволяла им претендовать на особый статус внутри Украины. Впрочем, в связи с изменением на политической карте, произошедшей в 2014 г. (включением Крыма в состав России), отказа от подобной риторики крымскими татарами не наблюдается.

Что касается сибирских татар, то их понимание золотого века концентрируется на истории Сибирского ханства, «...ведь они были наиболее могущественным народом в Западной Сибири, имели свою государственность» [2].

Мифотворческие процессы, затрагивающие татарский народ, — иллюстрация динамики изменения основных функций этнополитических мифов. Если в 1990-е гг. «...локальные мифы создавались в ответ на кризис идентичности: руководству новообразованных субъектов РФ необходимо было идеологически легитимизировать свою власть» [5. — С. 240], то их функционал в последующие десятилетия значительно расширился. Уже упомянутый В.А. Шнирельман отмечает, что «для борьбы за политические права, особенно политическую автономию, нужна история своей собственной государственности, и, если такая история не обнаруживается, ее изобретают» [12. — С. 21]. Воспевание национальных героев через организацию фестивалей и праздников, переработка учебных программ под определенные концепции истории, научные исследования, различные просветительские проекты — все это требует значительного финансирования, привлечь которое можно только обосновав значимость данного исторического явления. Поэтому этнополитическое мифотворчество можно и нужно использовать в качестве инструмента государственного управления, поскольку его потенциал как интегрирующего фактора в политике идентичности неоспорим. И такие позитивные примеры уже есть и в России.

Литература

1. *Бежуев Б.* Остров «Россия» и российская политика идентичности [электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. — 2017. — URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossiya-i-rossiiskaya-politika-identichnosti-18657> (дата обращения: 29.09.2018).
2. *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт. — Казань, 1992. — С. 11–43.
3. *Девнина Г.С.* Роль социального мифа во внутригосударственных политических кризисах России: социально-философский анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — № 4. — С. 61–69. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnogo-mifa-vo-vnutrigosudarstvennyh-politicheskikh-krisisah-rossii-sotsialno-filosofskiy-analiz> (дата обращения: 29.09.2018).
4. *Ершов Ю.Г.* Мифы в идеологии и политике // Социум и власть. — 2015. — № 5 (55). — С. 48–53. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mify-v-ideologii-i-politike> (дата обращения: 29.09.2018).
5. *Мулюкова Д.Ш.* Становление и развитие региональных политических мифов в современной России (на примере Республики Татарстан) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2012. — № 1. — С. 240–245. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-regionalnyh-politicheskikh-mifov-v-sovremennoy-rossii-na-primere-respubliki-tatarstan> (дата обращения: 29.09.2018).
6. *Мясникова Л.А., Шумихина М.Н.* Политический миф как носитель исторической памяти // Вопросы управления. — 2016. — № 2 (20). — С. 25–31. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskij-mif-kak-nositel-istoricheskoy-pamyati> (дата обращения: 29.09.2018).
7. *Оруэлл Джордж.* 1984. — М.: АСТ, 2015.
8. *Тишков В.А.* Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов / В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев. — М.: Изд-во Московского университета, 2011.
9. *Цумарова Е.Ю.* Политика идентичности в регионах России : научное электронное издание / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. — Электрон. дан. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. — URL: https://www.academia.edu/34862483/Политика_идентичности_в_регионах_России?auto=download (дата обращения: 29.09.2018).
10. *Чубукова Е.И.* Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта // Серия «Мыслители», Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Выпуск 8 / Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — <http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta>.
11. *Шнирельман В.А.* Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестник Евразии. — 2002. — № 4. — С. 128–147. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-obrazy-predkov-tatary-pered-vyborom> (дата обращения: 29.09.2018).
12. *Шнирельман В.А.* Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов [электронный ресурс] / Под ред. А.Е. Петрова, В.А. Шнирельмана. — М.: ИА РАН, 2011. — URL: http://static.iea.ras.ru/books/falysifikatsiya_istorichyeskikh_istochnikov.pdf (дата обращения: 29.09.2018).
13. *Шнирельман В.А.* Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. — М., 2000.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЕЖИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация

В статье на основе социологических данных, полученных в ходе опроса, датированного декабрем 2017 г., проводится анализ особенностей политических настроений молодежи в Калининградской области. Рассматриваются в качестве основных три критерия этих настроений: степени абсентеизма, протестности и сепаратизма. Выявлено, что широким размахом из них в молодежной среде региона пользуется только абсентеизм, выражающийся в невысокой электоральной активности и недоверии к институту политических партий. Относительно высокая степень недовольства устройством современного общества не становится предпосылкой для роста популярности радикальных мер в молодежной среде. Несмотря на особое географическое положение региона, также не выявлены какие-либо предпосылки для возникновения реальных проявлений сепаратизма.

Ключевые слова: политическая социология, Калининградская область, выборы, политические настроения, абсентеизм, сепаратизм.

Автор

Кришталь Михаил Игоревич

Научный сотрудник Института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета имени И. Канта,
кандидат географических наук
(Калининград, Россия)

Актуальность исследования политических настроений молодежи обусловлена ее высоким потенциалом мобилизационного участия. Это, в свою очередь, предопределяет возможность вовлечения молодых людей в ряды политических сил различного толка [4. — С. 145]. К примеру, митинги марта 2017 г. продемонстрировали, что именно молодежь оказалась наиболее вовлеченным сегментом социума в протестные акции. Кроме того, эта группа населения в силу своих психологических и возрастных особенностей, чаще подвержена панике, различным девиациям, разным формам деформации сознания и поведения [6. — С. 93]. Эти негативные черты молодежной психологии могут проявиться в таких формах политической деятельности, как приверженность к

радикализму, отчужденность от политического процесса и т.д. Поэтому возникает необходимость своевременного анализа социального самочувствия молодежи и особенностей ее политического поведения.

В свою очередь, изучение электоральных ориентаций молодежи и ее электоральной активности как отдельного аспекта политических настроений позволяет спрогнозировать ход электорального процесса в ближайшей перспективе, а также раскрыть уровень приверженности молодого населения различным идеям и ценностям [1].

Целью настоящего исследования является анализ политических настроений молодежи (на примере молодежи Калининградской области). Исходя из поставленной цели, выделены следующие задачи:

- выявление специфики участия калининградской молодежи в электоральном процессе. Данная задача обусловлена тем, что нередко в роли одного из признаков общественно-политических настроений российской молодежи выделяют абсентеизм [например, 3. — С. 56];
- анализ степени протестных настроений в молодежной среде Калининградской области;
- выявление наиболее предпочтительного статуса региона для молодежи российского эксклава на Балтике. Решение данной задачи обусловлено особым географическим положением региона. На основе полученных данных по этому вопросу можно спрогнозировать, какой статус Калининградской области будет предпочтителен среди большинства населения в будущем.

Ежегодно Социологической лабораторией анализа, моделирования и прогнозирования рисков (подразделение БФУ имени И. Канта) проводятся мониторинги общественно-политических настроений молодежи в Калининградской области. Один из таких мониторингов был проведен методом анкетирования в период с 16 по 29 октября 2017 г. Опрашивались респонденты в возраст

те от 16 до 35 лет. Объем выборочной совокупности составил 1 477 человек, что соответствует 95% доверительной вероятности. Настоящее исследование опирается на данные, полученные в ходе этого социологического опроса.

Исследователями [5] подчеркивается, что протестный потенциал является следствием социального недовольства, то есть условиями жизни, перспективами их изменения и т.п. По этой причине изначально в данной работе была выявлена оценка респондентов ситуации в регионе.

Около половины опрошенных представителей молодежи (51,2%) оценили ситуацию в Калининградской области как удовлетворительную. Зафиксировано, что в данном социальном сегменте представлены примерно равные доли тех, кто считает, что ситуация в регионе является хорошей или плохой: 18,5 и 20,4%, соответственно. Мизерная доля опрошенных заняла радикальные позиции: 0,6% оценили ситуацию как катастрофическую и 1,9% — как отличную. Еще 7,5% затруднились с ответом (рис. 1).

Схожие результаты были при ответах на вопрос об оценке положения своей семьи на 2018 г. Примерно половина опрошенных (45,7%) высказалась, что

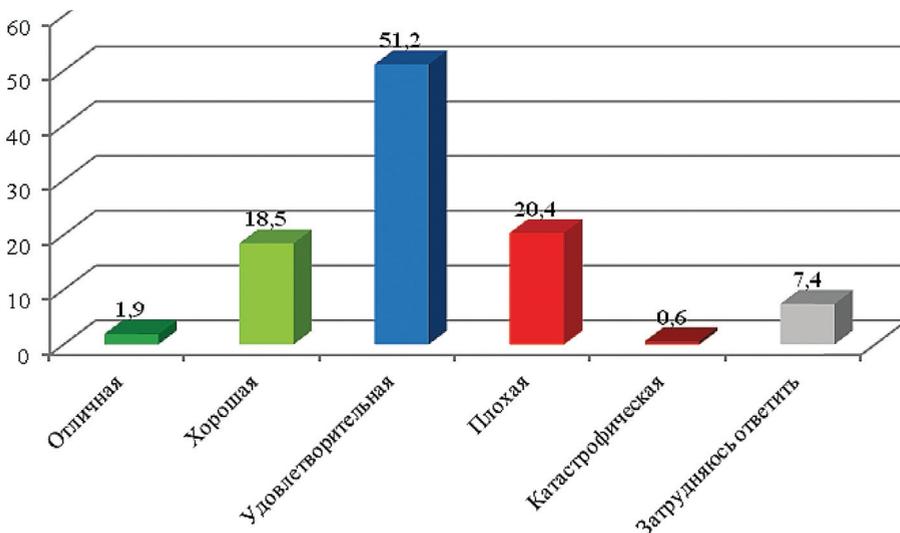

Рисунок 1. Оценка ситуации в Калининградской области в настоящее время (%)

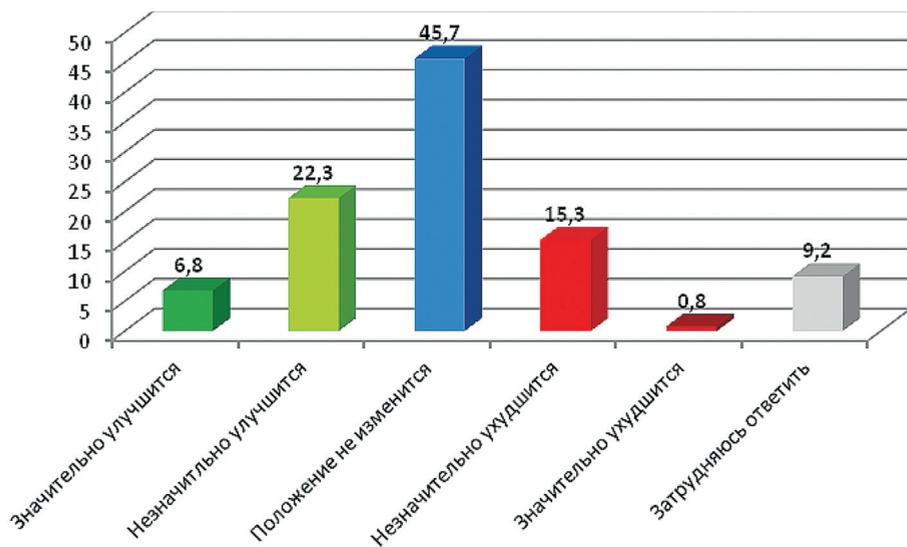

Рисунок 2. Оценка положения семьи на следующий год (%)

положение не изменится. Только 0,8% считали, что в ближайшем будущем будут жить значительно хуже. 15,3% респондентов предполагали, что произойдет незначительное ухудшение своего положения. Почти четверть молодых людей оценивали ближайшее будущее с оптимизмом: считают, что значительно улучшится положение — 6,8%, улучшится, но незначительно — 22,3%. Затруднились ответить на поставленный вопрос 9,2% (рис. 2).

Настораживает, что большинство опрошенных (58,7%) считало, что обще-

ство устроено не справедливо. Около четверти респондентов (24,5%) полагало, что общественное устройство, в целом, справедливо. 16,9% респондентов затруднилось ответить на данный вопрос.

Вероятно, по этой причине около 60% ощущают напряжение в обществе (слабое (21,3%), умеренное (25,1%) или заметное (16,2%)). 3,6% считают, что обстановка очень напряжена. Четверть опрошенных респондентов сообщила, что не чувствует никакого напряжения (26,4%) (рис. 3).

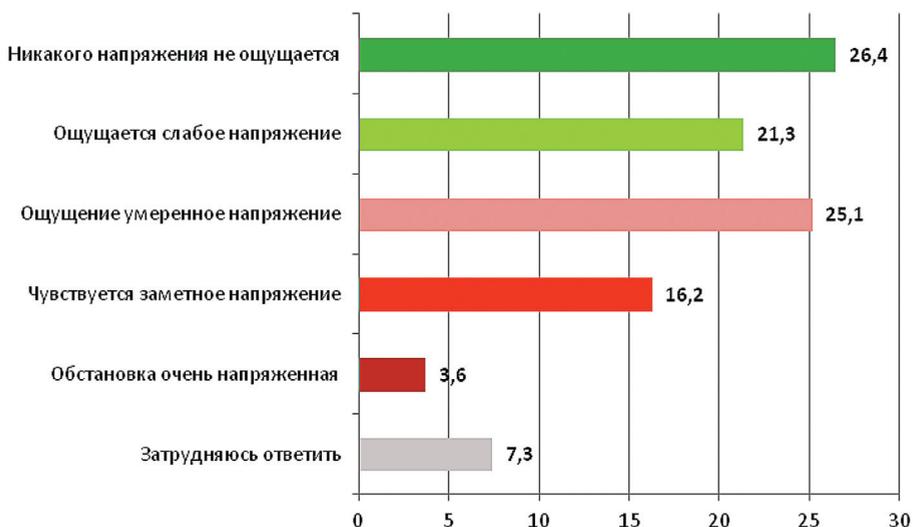

Рисунок 3. Степень ощущения напряженности в обществе (%)

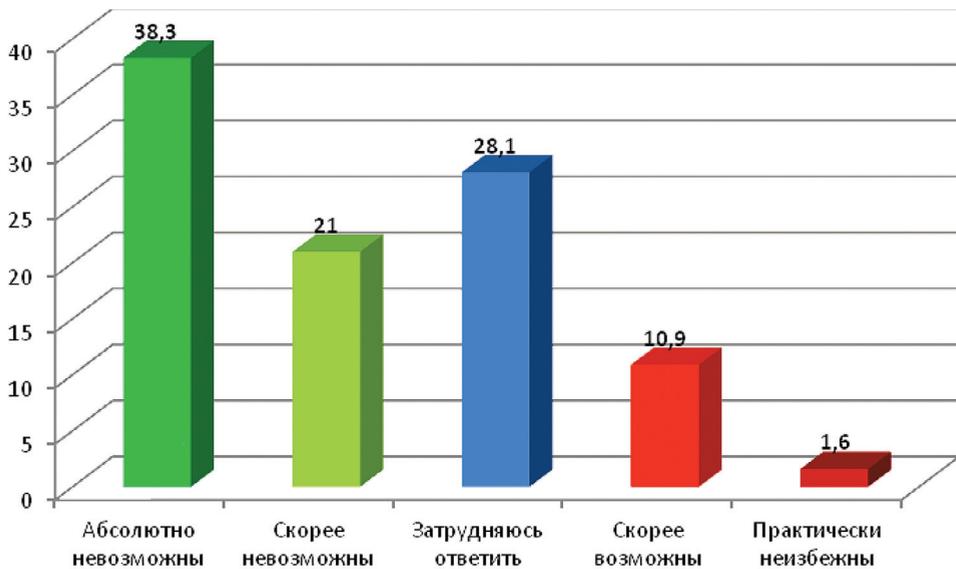

Рисунок 4. Вероятность проведения массовых акций протеста (%)

Несмотря на это, больше половины опрошенных (59,3%) считали, что массовые акции протеста в их городах и населенных пунктах абсолютно (38,3%) или, скорее, невозможны (21%). Значительная доля респондентов (28,1%) затруднилась ответить на этот вопрос. Примерно каждый десятый (10,9%) выразил мнение, что подобные акции скорее возможны. Абсолютное меньшинство (1,6%) ответило, что массовые акции протеста практически неизбежны (рис. 4).

Ответы молодежи продемонстрировали, что она слабо верит в эффективность подобных акций. Только 2,3% опрошенных уверены, что потенциальным участникам акций полностью удалось бы добиться желаемых целей, 26,6% считали, что целей удалось бы добиться частично. Около трети респондентов (31,5%) полагали, что участники протестных акций смогли бы достичь своих целей. 39,6% опрошенной молодежи затруднились ответить.

Невысокая оценка потенциальной эффективности протестных акций является следствием низкой готовности респондентов принимать в них личное участие. Две трети опрошенных (69%)

не готовы участвовать в подобных акциях, за сбор подписей в поддержку какой-либо инициативы выступило 19,8%. Вероятность участия в митинге рассматривало 13,9%, в демонстрации — 8,8%, к радикальным акциям готовы были прибегнуть 3,9%. Отметим, то респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа (рис. 5).

Одним из критериев оценки общественно-политических настроений молодежи является электоральная активность. 10 сентября 2017 г. состоялись выборы губернатора Калининградской области. Примерно треть опрошенных (35,4%) приняли участие в голосовании. Почти две трети не голосовали (62,6%). Затруднились ответить 2,1%.

Из числа принявших участие в голосовании две трети отдали предпочтение представителю партии власти А.А. Алиханову (64,6%). Незначительное количество голосов молодежи получили кандидаты от ЛДПР — Е.В. Мишин (4,6%), КПРФ — И.А. Ревин (3,6%) и партии «Зеленые» — Е.С. Тимофеева (0,9%). Около четверти участвовавших в голосовании (26,3%) затруднились с ответом.

Политический абсентеизм молодежи проявился и в вопросе, касающем-

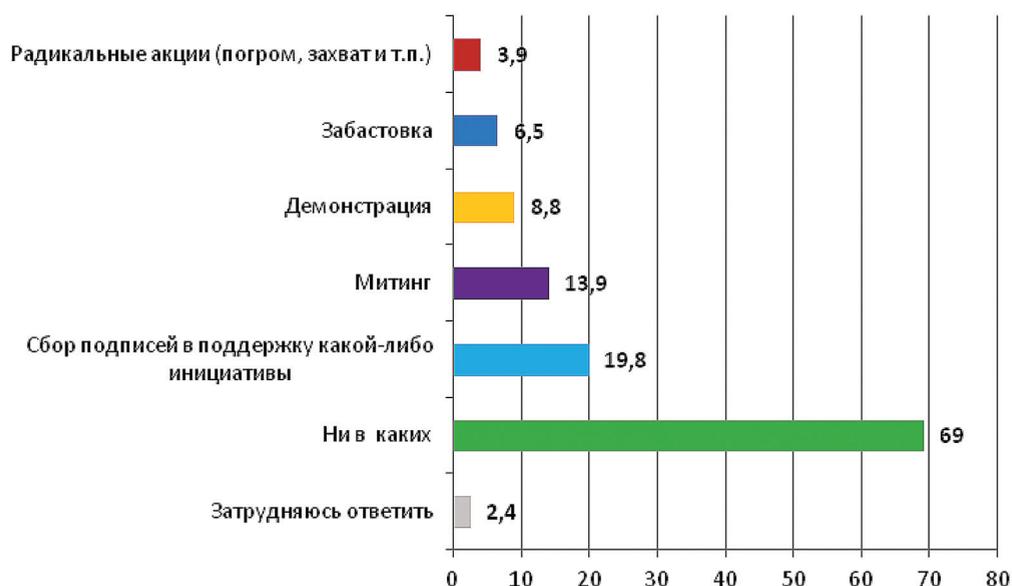

Рисунок 5. Готовность принять участие в массовых акциях протеста (%)

ся поддержки политических партий. Около трети (36,0%) ответили, что нет партий, за которые они бы проголосовали. Кроме того, примерно треть респондентов (30,8%) отдала бы предпочтение «Единой России». 17,7% затруднилось ответить. Низкое количество сторонников среди молодежи

имеют ЛДПР (6,9%) и КПРФ (2,9%). Поддержка остальных партий находится на уровне статистической погрешности (рис. 6).

Учитывая эксклюзивное положение региона, интерес вызвала также оценка молодежью предпочтительного статуса Калининградской области. Полученные

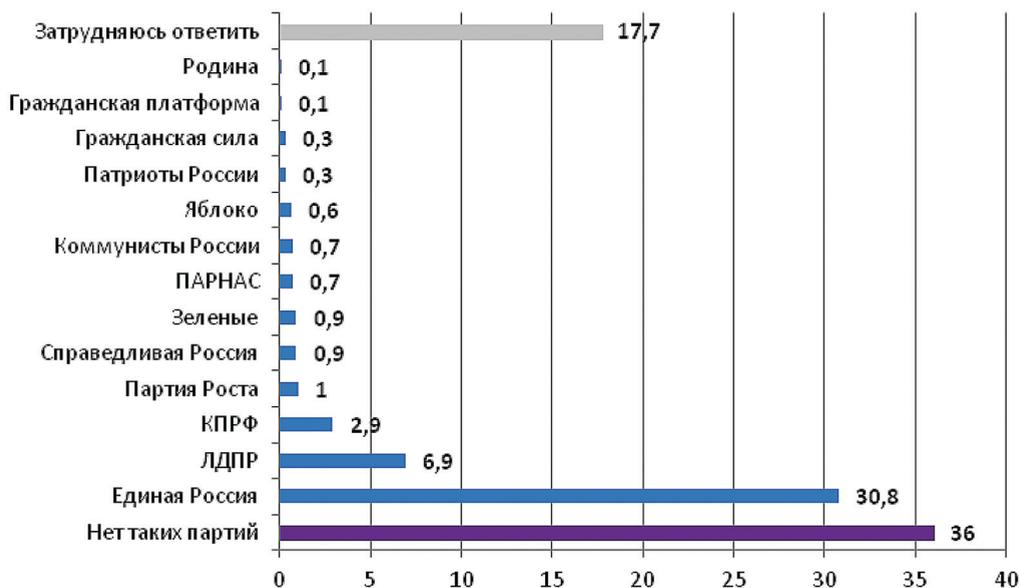

Рисунок 6. Предпочтения политических партий (%)

Рисунок 7. Предпочтительный статус Калининградской области в будущем (%)

результаты (рис. 7) продемонстрировали, что среди калининградской молодежи сильны регионалистские позиции — 50,7% опрошенных считает, что регион должен получить статус субъекта с особым экономическим статусом в составе РФ; 3,7% выступило за предоставление статуса республики в составе России. Четверть (25,8%) поддержала сохранение существующего статуса. Сепаратистские настроения присущи абсолютному меньшинству: 2,9% за независимое государство, 4,1% за присоединение к другому государству, 12,8% затруднились ответить. Данные результаты во многом схожи с показателями, зафиксированными по итогам последних опросов всего населения [2].

На основе проведенного анализа социологических данных можно сделать следующие выводы:

- сформировалось два основных сегмента калининградской молодежи со своей спецификой политических настроений. Существует ее индифферентная часть (примерно две трети), которая ощущает в различной мере несогласие с существующей

ситуацией, но при этом не готова активно участвовать в политическом процессе. Также представлена конформистски настроенная часть молодежи (около трети), поддерживающая партию власти и действующего губернатора Калининградской области. Радикальные методы борьбы за свои права, в свою очередь, не являются популярными в молодежной среде;

- отсутствие среди половины респондентов четких оценок ситуации в регионе, а также положения своей семьи на ближайший год позволяет рассматривать данные политические настроения как нестабильные. Они могут измениться в различную сторону в зависимости от значительных перемен в социально-экономической сфере;
- выявлены сильные проявления политического абсентеизма среди молодежи, что проявляется в недоверии значительной ее части к институту политических партий, а также в низкой степени участия в процессе голосования на последних губернаторских выборах;

- сепаратистские настроения среди калининградской молодежи фактически отсутствуют — абсолютное большинство видит будущее своего региона в составе РФ. Даже в случае усложнения социально-политической обстановки нет предпосылок для возникновения в регионе движений, выступающих за отделение эксклава от России.

The study is financed by the 5 top 100 Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University. Данное исследование получило финансовую поддержку из средств Программы повышения конкурентоспособности Балтийского федерального университета имени И. Канта.

Литература

1. *Дашкевич Г.В.* Электоральная пассивность российской молодежи: ключевые причины и социальные последствия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. — № 3. — С. 24–29.
2. *Жуковский И.И., Фидря Е.С.* Восприятие жителями Калининградской области статуса региона: динамика в 2001–2016 гг. и факторы формирования предпочтений // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. — 2015. — № 6. — С. 73–89.
3. *Зуляр Р.Ю., Григорьев Д.А.* Политический абсентеизм молодежи: протестное голосование как фактор преодоления (на примере выборов губернатора Иркутской области 2015 г.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2016. — Т. 18. — С. 56–67.
4. *Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е.* Молодежный взгляд на политические протесты: границы легального и нелегального // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2015. — № 13(2). — С. 145–147.
5. *Пфетцер С.А., Зеленин А.А., Яницкий М.С.* Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. — 143 с.
6. *Садкова Д.А.* Социальное самочувствие молодежи: адаптация к общественным трансформациям // Проблемы развития территории. — 2014. — № 6. — С. 91–99.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА США: ТЕКУЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация

Политическая система — одно из важнейших понятий в современной теории государства. Вместе с тем этот термин сложен для понимания и научных интерпретаций, так как структурно и функционально весьма многогранен и неоднозначен.

Тем не менее в данной статье автор отходит от привычного теоретического подхода к рассмотрению сущности политической системы. Выбрав в качестве анализа конкретную страну — Соединенные Штаты Америки, нами была поставлена задача не углубляться в уже достаточно хорошо изученную теоретическую базу политической системы, а на реальном примере продемонстрировать, как она может практически функционировать, давать сбои, меняться, подвергаться влиянию политических элит и вызовов времени, а также трансформироваться с учетом ожиданий общества, его запросов и актуальных проблем. Таким образом, данная статья посвящена разбору конкретной политической системы (американской) с позиции ее текущих проблем и возможных тенденций развития, сформировавшихся в данном случае, прежде всего, под влиянием расстановки политических сил и «изношенности» сложившейся партийной системы, а также как следствие итогов президентской кампании 2016 года.

Полученные результаты исследования приводят автора к формулировке выводов о ключевых сложностях в функционировании американской политической системы и возможных путях ее развития.

Ключевые слова: политическая система, США, государственная власть, политические элиты, партийная система, политический истеблишмент.

Автор

Абдуллаев Мурад Халилович

Политолог, независимый исследователь,
кандидат филологических наук
(Майами, США)

Я разочарован вовсе не в партнере (о Д. Трампе. — *Прим. авт.*), а больше разочарован в самой американской политической системе... Хотя здесь, наверное, не может быть разочарования, потому что она демонстрирует явную неэффективность и ест саму себя. И взаимодействовать с такой системой достаточно сложно, потому что она непредсказуема.

В.В. Путин в интервью американскому телеканалу CNN [7]

Введение

Американская политическая система очень сложна и структурно растянута, что порой затрудняет ее понимание. Складывается впечатление, что сложно понять все эти загадочные ходы в поведении политических игроков и устоявшиеся шаблоны,

которые сегодня складываются именно так, и никак иначе, — не так, как прописано в классической теории. Речь идет и о поведении структурных элементов политической системы, и о простых гражданах, которые делают именно такой конкретный выбор, за которым скрываются большие надежды и порой неоправданные ожидания.

Не только в России или Европе, но и в самих Штатах исследователям и правоведам сложно понять, почему, например, Конгресс США сегодня все больше утрачивает свои «контролирующие» функции, или почему избранные в Сенат члены не оправдывают ожиданий американского избирателя и все чаще оказываются повязанными в двусторонних конфликтах. Порой реальное положение дел и формировавшаяся более двух столетий политическая система кажутся противоречивыми, а иногда и вовсе поведение акторов государственной власти объективно видится противозаконным, идущим вразрез с Конституцией, совершенно четко обрисовывающей структуру американской политической системы.

В основе этих противоречий, по мнению известного американского исследователя, профессора Мичиганского университета К. Коллмана лежат две причины: во-первых, общество в целом и его отдельно взятые группы сталкиваются с коллективными дилеммами, а именно — с разрывом между индивидуальными интересами и интересами групповыми, а также с тем, что эти интересы все чаще в американском обществе не совпадают.

Вторая причина, как считает Коллман, таится в характере политических институтов, в том, как сегодня работает процесс принятия важнейших внутриполитических решений [8. — С. 124] (все чаще оказывающихся непопулярными. — *Прим. авт.*). Здесь сказывается тот самый конфликт интересов, который на сегодняшний день имеет сильнейшее влияние на политическую систему США. Прежде всего, это конфликт интересов политических элит. Затем — конфликт интересов различных групп общества, которые в США все реже оказываются поделены лишь на два фронта: демократический и республиканский.

В работе К. Коллмана «Американская политическая система» (The American Political System) [8] не явно, но

между строк проскальзывает очень важная идея, проливающая свет на сложные процессы, происходящие сейчас с американской политической системой. Будь то президент, Сенат или Конгресс, все чаще в высших эшелонах власти проталкиваются идеи и интересы, не соответствующие запросам или ожиданиям общества, а направленные на удовлетворение запросов политических элит или на ведение внутривнутриполитической борьбы за сферы влияния, контроля. Этот момент очень важен для понимания текущих процессов в политической системе США, которые далее мы будем подробно исследовать, так как сформировавшаяся за два столетия американская система сдержек и противовесов по сути раздирается между верхушками исполнительной и законодательной власти. В такой ситуации, когда интересы и запросы избирателей фактически остаются за бортом, необходимо более детальное рассмотрение текущего состояния взаимодействий между структурными элементами политической системы Соединенных Штатов и выделение кризисных точек противостояния.

Политическая система США: кризис, застой или реформирование?

Эпоха модернизации, в которую, как считает большинство западных экспертов, политическая система США вступила после избирательной кампании 2016 года, не только обнажила внутривнутриполитические проблемы, но и в какой-то степени обозначила тенденции, по которым этой системе придется модернизироваться:

1) во-первых, учет традиционных, устоявшихся политических правил государственного управления и системы разделения властей;

2) во-вторых, это непосредственно модернистский компонент, внесения которого требуют вызовы времени и борьба внутривнутриполитических элит, однако эта модернизация, в свою очередь,

рискует не только разворошить привычную систему, но и заметно трансформировать устоявшийся порядок осуществления власти и функционирования системы сдержек и противовесов.

Но готово ли к этому американское общество?

Проблемы политической системы Соединенных Штатов зиждутся не только на сбоях основного функционала, но и в отсутствии новых лиц, не связанных с традиционным политическим истеблишментом. Причем системе нужен не просто лидер, умеющий хорошо говорить и четко формулировать свою политическую программу. Америка устала от идеологии и призывов. В том числе и поэтому в президентской гонке 2016 года победил аутсайдер системы, непрофессиональный политик Д. Трамп. Как справедливо отмечает Н.М. Травкина, у Трампа и в самом деле мало идеологии, но «у него программа конкретных действий, которые нацелены на большие изменения и очевидно приведут, в случае их реализации, к усилению роли федерального правительства, что противоречит базовым идеологическим постулатам республиканцев. В своем программном выступлении он не обошел ни одну болевую точку сегодняшней Америки, четко и конкретно обозначив свою позицию по каждой из них» [14]. Таким образом, в политическую систему США смог проникнуть и громко заявить о себе, по сути, инородный объект, взявший с нулевой отметки высший пик государственного управления.

Раскрывая цепочку обстоятельств, уже необратимо повлиявших на системный кризис управления (прежде всего, здесь мы подразумеваем внутривнутриполитические вопросы и проблемы, которые федеральный центр все чаще «списывает» на регионы), многие исследователи обращают внимание на практически исчезновение основы идеологической составляющей политической системы Америки с 50-х гг.

прошлого столетия — центра управления, центра функционирования этой системы [6. — С. 102]. Ключевой причиной этого явления следует назвать стирание границ (в силу объективных социально-экономических процессов) этнического и национального многообразия среднего класса, который традиционно являлся гарантом стабильности американской политической системы, а равно и «стабилизатором» любых политических процессов (в особенности в периоды кризиса и застоя), происходящих в американском обществе. Параллельно начинают стираться границы традиционных воззрений и постулатов, на которых привычно стояли республиканцы и демократы.

Республиканцев, как зорко подмечает ряд американских и российских ученых, «заносит» вправо, они становятся более консервативными, что отнюдь не сочетается с американской реальностью. Консерватизм уже не так востребован, как это казалось еще на рубеже 2010-х гг., особенно в крупных штатах — локомотивах экономического развития и транзитах финансовых потоков.

Демократы же, наоборот, трансформируются в либералов, что сильно раздражает прослойку американцев, проживающих уровнем ниже среднего класса (как правило, рабочий класс, задействованный в физическом труде). Америке в лице демократов не нужна либеральная партия, и не увенчавшиеся успехом предвыборные усилия Клинтон лишь доказали это: «...на полюсах партий в настоящее время существуют значительные группы идеологически непримиримых политических сил, которые все больше определяют политическую полярность и непримиримость двух системообразующих партий, когда консервативные «чайники» тянут республиканцев вправо, а прогрессисты-демократы — влево» [14]. Соответственно, партийная мозаика, как и вся политическая схема управления в США, в ближайшее десятилетие может

перетерпеть серьезные изменения: как структурно, так и функционально. Противоречия, наметившиеся в политической системе США, доказывают в том числе и системность (позволим себе такую тавтологию) наметившегося кризиса, неспособность этой системы адаптироваться под запросы общества и непредсказуемость выборов, в которых во многом исход определяется голосами выборщиков. Здесь же следует отметить и кризис политических элит, не желающих договариваться, но при этом же пытающихся получить побольше финансовых и управленческих выгод.

Во всей этой непростой, а зачастую и запутанной истории все структурные элементы американской политической системы забывают о главном — об интересах трехсот миллионов американцев, все чаще выражающих недовольство не только тем, как управляют их страной, но и кто держит в руках бразды этого управления.

Феномен Трампа как стимул к апдейту американской политической системы

Как уже нами косвенно было обозначено выше, текущее развитие американской политической системы задает тон резкого соперничества между президентом (глава исполнительной власти) и Конгрессом США (законодательная власть) при активном участии (как правило, в пользу последней) Верховного суда (судебная власть). Но развитие ли это? Может, это путь к застою или, что еще хуже, к системному кризису управления страной в целом?

Приход к президентству в США Д. Трампа — непопулярного и неожиданного — в очередной раз поставил перед американским обществом вопрос о том, что политическая система себя изжила. Зачастую, кстати, такие же предположения выдвигают и в России. Например, по мнению американиста, ведущего научного сотрудника Центра

исследования проблем безопасности РАН К. Блохина, вопросом модернизации существующей политической системы в США озадачены многие: проблема якобы заключается в рычагах управления и системе сдержек и противовесов, которые содержатся в Конституции США — единственной в мире, не менявшейся со дня основания. Они, откровенно говоря, устарели и не отвечают вызовам времени: «В ситуации с избранием Трампа виновны не издержки политической системы. Он лишь их обнажил. И если в ближайшем обозримом будущем внутренние экономические проблемы страны не будут решены, то в США будут появляться новые нежелательные Трампы. Например, если в страну не будут возвращены рабочие места... Однако заниматься реальной перестройкой в США никто не собирается. Либеральный истеблишмент Клинтон оторван от традиционной одноэтажной Америки и думает, как бы больше получить прибыли. К решению экономических проблем американская элита не готова. Она думает, что у нее есть возможность сдерживать и РФ, и КНР, и Иран, и Северную Корею, и все это делать одновременно. В результате в ближайшее время в политической системе США вряд ли что-то изменится, новая американская революция Штатам пока не грозит» [12], — считает эксперт.

Тем не менее профессор социологии Х. Анхайер рассматривает президентство Трампа как один из главных стимулов для переформатирования политической системы США. Анхайер, в частности, пишет: «Перегруппировка существующей в США партийной системы может оказаться единственным путем выхода из тупика для американской политики. Потенциально она позволит повернуть вспять опасную тенденцию последних десятилетий — недостаточные результаты работы демократии» [10].

Однако есть ли время у основных действующих лиц американской политической системы на эти измене-

ния? Ведь по сути, это необязательно должно зависеть от того, сколько еще Д. Трамп будет оставаться высшим руководящим лицом. В подтверждение этой позиции приведем мнение Д. Новикова, научного сотрудника Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ: «Между тем за дебатами о потенциале политического выживания Трампа ушел в тень простой факт, что по большому счету для американской политической системы его победа или поражение на следующих выборах уже не имеет большого значения. Революция свершилась, а запущенный выборами 2016 года процесс трансформации партийной системы едва ли будет остановлен с уходом из активной политики виновника торжества. Более того, процессы во многом предопределены самой логикой и историей политической системы США, в которой циклический подъем популистских волн играет особенную и чрезвычайно важную роль» [13].

Неужели циклическая волна кризиса неизбежна? И намерены ли как-то решать эту проблемы сами партии? Республиканцам, к примеру, пока не до этого: это партийное объединение лишь сейчас начало осознавать, на какую опасную сделку с американским народом они пошли ради того, чтобы сконцентрировать власть в своих руках. Трамп оказался неуправляем (чего и следовало ожидать), а республиканцам теперь приходится смиряться с далеко не всегда дальновидными решениями нынешнего президента. Трамп же однопартийцев упорно игнорирует.

В свою очередь, члены Демократической партии не спешат с колкими укорами или резкими заявлениями, так как у этой коалиции сейчас свой кризис, внутрипартийный: во-первых, финансовый, и, во-вторых, кризис лидерства. А накануне выборов в Сенат, запланированных на ноябрь текущего года, проблема отсутствия ярких лидеров в Штатах лишь обостряется.

Убедительных же альтернатив на решение общеамериканского системного кризиса у еле слышимых мелких партий нет и быть не может. А тем временем все более свободная внутренняя политическая воля Трампа лишь усугубляет положение Конгресса и вводит систему в еще больший кризис. Границы ограничений, благодаря которым в самом начале президентского пути Трампа Конгресс еще мог его контролировать, спустя почти два года размылись в несколько крат. Это, в свою очередь, держит в нервном напряжении политические элиты, не заинтересованные более вливать огромные средства в поддержку представителей партий. Отсюда возникает проблема, которую мы обозначили как *коллапс троесилия*, в результате которого исполнительная власть, законодатели и финансовая подушка — невидимые глазу избирателя, но активно вовлеченные в политическую систему элиты, — вступают в противоречие, ставящее под удар всю систему, при этом никакой альтернативы или мягких реформ по ее апдейту до сих пор нет.

Очень интересно по этому поводу высказались авторы статьи «Неограниченное президентство», опубликованной совсем недавно в популярном международном журнале «Foreign Affairs»: «Сочетание снижающейся внешнеполитической компетентности конгрессменов и растущей политической поляризации лишает законодателей способности контролировать исполнительную власть, даже если бы они очень этого захотели. У чиновников нет стимула повышать уровень компетентности и проявлять свои полномочия, когда центр принятия внешнеполитических решений смещается в Белый дом, а надзор Конгресса за внешнеполитической деятельностью неуклонно ослабевает. В то же время союзники Вашингтона все менее способны контролировать внешнюю политику президента, по мере того как альянсы становятся заложниками партийной борьбы

в США. Отсюда и кризис политической системы, грозящий стать еще более затяжным, кризисом с неопределенным будущим» [3].

Здесь же следует сказать и о кризисе в самой исполнительной власти США, главой которой является президент. Подтверждение тому — назначение органом исполнительной власти — Министерством юстиции США — специального прокурора для расследования т.н. российского следа в победе Д. Трампа. Непростые отношения высокопоставленных чиновников внутри исполнительной власти, постоянные подозрения, громкие отставки (зачастую не укладывающиеся в логику) и скандалы (как правило, заказные) в СМИ обнажают еще более глубинные болезненные процессы, происходящие в политической системе Соединенных Штатов.

Тем не менее американский политический бомонд очень беспокоит растущее всевластие президента, что ставит под удар способность законодательной власти США сдерживать и противодействовать неподконтрольную исполнительную.

В данном контексте очень важно отметить еще один факт: Трамп пришел к президентству на волне социального протеста и требований американского электората изменить политическую систему, а именно трансформировать федеральное правительство. Правда, споткнулся тут и Трамп, который не подумал о том, что новаторство новаторством, а с Конституцией придется считаться. Основной закон США прямо указывает на совместную деятельность главы государства и высшего законодательного органа. Более того, они повязаны на системе сдержек и противовесов, что делает, на первый взгляд, гибкую политическую систему Штатов подвластной букве Конституции. Это в какой-то степени и позитивная ситуация, которая как бы страхует систему от слишком жесткого, независимого лидера. Но в то же время такая защи-

щенность на невозможности обойти конституционную норму тормозит перспективу положительных изменений и развития политической системы с учетом актуального общественного запроса.

Отсюда, по мнению А.Р. Борисовой и В.Ю. Журавлевой, ученых из Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН, может быть лишь один путь, «по которому трансформируется американская политическая система — постепенная пошаговая эволюция, которая может занимать десятилетия. Трамп не первый президент, который избрался в ответ на запрос об изменениях: до него огромные надежды возлагались обществом на Б. Обаму, который в своих амбициозных планах столкнулся с реальностью политического процесса. И, по всей видимости, он далеко не последний: понадобится еще много президентов-реформаторов, чтобы развернуть инертную в своей стабильности систему в ответ на запрос общества о социальной справедливости» [11].

В то же время в самих США все актуальнее становится мнение тех, кто еще несколько десятилетий назад призывал не отклоняться от положений Конституции и не нарушать завет «отцов-основателей» [2. — С. 264]. Как верно подметили В.И. Якунин и Н.Ю. Молчков, «...политическая система США не раз демонстрировала существенные отклонения от конституционных положений, определяющих соотношение трех ветвей государственной власти. В науке уже давно устоялись понятия «джексоновская демократия» или «имперское президентство», которые ярко иллюстрируют попытки американских президентов выходить за конституционно установленные рамки своей компетенции» [15. — С. 42].

С другой стороны, предлагается полностью реформировать партийную систему и прийти к многопартийности: «Открытые праймериз были бы лучшим шагом к «инклюзивной,

многopартийной системе», о которой писал К. Кинг (подробнее в статье «D.C.'s a one-party town, and that's bad for democracy» [4]. — *Прим. авт.*); это даст гражданам реальную возможность управлять. Я согласен с Кингом в том, что многopартийная политическая система полезна для развития американской демократии. Принятие результатов такой системы и есть вся прелесть истинной демократии и демонстрация ее успеха. Вывод о том, что мы страдаем от отсутствия сильной оппозиции и от наличия доминирующих партий, подразумевает, что вся система страдает из-за безволия большинства избирателей» [1].

Выводы (требующие однако более глубокого осмысления)

Обозначенные выше проблемы, с которыми последнее десятилетие столкнулась американская политическая система, а также далеко не оптимистические тенденции и прогнозы ее развития и трансформации с учетом вызовов времени, доказывают, что состояние трансграничности, непостоянности эта система приобрела прежде всего потому, что очень ее механизмы или отдельно взятые институты используются различными силами. Причем цели и задачи у всех разные.

Например, очевиден факт того, что Конгресс США пользуется всеми доступными полномочиями парламента страны для ограничения возможностей нынешнего главы государства в восстановлении хотя бы адекватных партнерских российско-американских отношений. Складывается впечатление, что очередные пакеты санкции — это не столько холодная война по умолчанию с Россией, сколько мера, которая помогает не только политически насолить Трампу, но и реально ограничить его полномочия во внешней политике. Однако хуже от этого и двусторонним

отношениям, и самому политическому климату в США.

Более того, помочь Трампу в этой ситуации не может даже то, что парламентское большинство сегодня составляют его однопартийцы-республиканцы. Связано это с тем, что одной из специфических черт американской политической системы является возможность разногласий и, как следствие, принципиального нежелания идти на компромисс между органами исполнительной и законодательной власти. И не важно, где и какое в данном случае большинство. Отсюда и сложности, с которыми сталкивается президент США, когда проталкивает через Сенат свои реформы и законопроекты.

Именно отсюда мы и делаем объективный вывод, что текущее состояние политической системы США, хотя и сконструированной более двухсот лет назад, обусловлено в большей степени ее соперническим контекстом, где основные противоборствующие силы — это Конгресс США и президент страны плюс закулисное подливание масла в огонь политическими элитами. Сегодня борьба за пальму первенства еще более ожесточилась на фоне затянувшегося кризиса регионального управления, когда субъекты федерации как бы намекают на все большую независимость от федерального центра; также на фоне все меньшей поддержки президента-республиканца внутри Республиканской партии, что сильно бьет по позициям объединения в Штатах; далее — нежелание на практике разграничивать полномочия обеих сторон политического противостояния — президента и Конгресса — как в вопросах внутренней политики, так и по проблемам внешних вызовов и положения США на геополитической карте мира; разъясняя последний пункт более простым языком: чтобы каждый занимался своим делом, а не проецировал полномочия другой стороны как ширму для сведения счетов в угоду политическим элитам, ни с одной из которых Д. Трампу пока так и не удалось договориться.

Автор исследования осознает, что приведенные выше причины, следствия и аргументы, отчасти могут вызвать у читателя путаницу: не столько даже в части перспектив развития и трансформации политической системы США, сколько в разрезе ее текущего имманентного кризисного состояния. И это ощущение объяснимо. Как писал еще в 2009 г. известный американский публицист и политолог М. Томаски, «...основатели Америки стремились создать систему, которая двигалась медленно. Но теперь у нас есть система, которая почти не двигается» [9]. Почему

система не двигается Томаски предположил еще тогда, девять лет назад:

1) непрекращающиеся в Сенате и Конгрессе прения по любым возникающим вопросам без шансов на быстрый консенсус;

2) упрямство Республиканской партии, зачастую блокирующей весь законодательный процесс [9].

С течением времени мало что изменилось, однако обозначенные американским публицистом причины — это лишь одна десятая часть айсберга противоречий, заложницей которых оказалась вся политическая система США.

Литература

1. *Cephas L. Goldman*. The value of a multiparty political system // The Washington Post. — 2018. — Jun 28th. — URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-value-of-a-multiparty-political-system/2018/05/30/aa014072-6368-11e8-81ca-bb14593acaa6_story.html?utm_term=.01dce3de6b29.
2. *Elazar D.* American Federalism: a view from the States (Third Edition). — N.Y.: Harper and Row, 1984. — 270 p.
3. *Goldgeier J., Saunders E.* The Unconstrained Presidency // Foreign Affairs. — September/October 2018. — Issue. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-08-13/unconstrained-presidency>.
4. *King C.* The Republican Party has punked out in D.C. // The Washington Post. — 2018. — May 25th. — URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/dc-needs-more-republ/>.
5. *Samuel P.* Huntington. American Politics: The Promise of Disharmony / Harvard University Press, Boston, MA, 1981. — 184 p.
6. *Smith-Spark L., Watkins E.* Vladimir Putin: US political system “eats itself” // CNN. — 2018. Mar. 7th. — URL: <https://edition.cnn.com/2018/03/07/europe/putin-trump-us-political-system-intl/index.html>.
7. The American Political System (Core Third Edition): Ken Kollman // W.W. Norton&Company. — N.Y., 2017.
8. *Tomasky M.* Don't blame Obama. The US political system is broken // The Guardian. — 2009. — Dec. 13th. — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2009/dec/13/america-broken-political-system-obama>.
9. *Анхайер Х.* Дональд Трамп и американская политическая трагедия // Project Syndicate. — 2017. [Перевод оригинальной статьи с английского на сайте «Liga.net»: <https://www.liga.net/world/opinion/donald-trump-i-amerikanskaya-politicheskaya-tragediya>.
10. *Борисова А.Р., Журавлева В.Ю.* Дональд Трамп как выражение дисбаланса в американской политической системе // Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал. — 2017. — № 3. — URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=588>.
11. *Кузина М.* Политическая система США: Америку ждет еще один нежелательный Трамп // Nation News. — 2017. — 26 дек. — URL: <https://nation-news.ru/335601-politicheskaya-sistema-ssha-ameriku-zhdet-eshe-odin-nezhelatelnyi-tramp>.
12. *Новиков Д.* Трамп и не только: революция без конца // Россия в глобальной политике. 2018. — № 5. — URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Tramp-i-ne-tolko-revoljuciya-bez-kontca-19750>.
13. *Травкина Н.М.* Президентская кампания 2016 года как отражение эволюционных особенностей политической системы США // Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал. — 2016. — № 1. — URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=487>.
14. *Якунин В.И., Молчаков Н.Ю.* Феномен Трампа и американская система разделения властей // Вестник МГИМО-Университета. 2018. — № 1(58). — С. 42.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация

В условиях современных мировых экономических и политических вызовов, которые отражаются на динамике развития стран, вопрос эффективной демографической политики становится стратегически важным, особенно для Российской Федерации. Влияние демографического фактора на экономику страны выражается через состояние трудовых ресурсов. Формирование, использование и распределение трудовых ресурсов тесно связано с демографическими параметрами населения: численностью, рождаемостью и смертностью, возрастно-половой структурой, миграцией и другими характеристиками демографической ситуации. Говоря простым языком, влияние демографии на экономику или экономическая демография оказывает как позитивное, так и негативное влияние, в зависимости от ряда факторов устройства страны. Например, такие факторы, как географический, исторический или социальный, формируют особый характер политических действий, предпринимаемых в системе государственного регулирования той или иной области демографической политики в целом. В статье представлены некоторые результаты проведенного автором изучения ряда ключевых показателей демографической политики современной России.

Ключевые слова: демографическая политика, Российская Федерация, народонаселение, прирост населения, динамика численности населения, экономическое развитие, социальная политика России.

Автор

Дедков Егор Николаевич

Студент кафедры политологии и международных отношений гуманитарного факультета
Российского государственного социального университета
(Москва, Россия)

Снижение уровня доходов населения, ощутимые последствия санкционного режима, повышение уровня социальной напряженности, реальной инфляции и безработицы, неравномерное распределение народонаселения, урбанизация, разница в условиях развития регионов, как и многие другие факторы, влияют на качественный потенциал демографии нашей страны.

Данные о народонаселении не должны характеризовать случайные или преходящие обстоятельства, а лишь закономерности демографических процессов. Для этого необходимо,

чтобы они охватывали многочисленную совокупность людей.

Особое значение в демографии занимает использование математических методов, которые позволяют установить критические соотношения, правильно измерить демографические явления, проанализировать связи между ними, выполнить прогнозные демографические расчеты.

Важно обозначить данные демографической ситуации в России по состоянию на 2018 год.

Численность населения России по данным на январь 2018 г.: 146 880 432 млн человек (9-е место

по численности в мире, после Китая, Индии, США, Индонезии, Пакистана, Бразилии, Нигерии и Бангладеша).

Количество мигрантов, постоянно или большую часть года находящихся в РФ: около 10 млн человек (по данным на 2016 г.), при этом около 4 млн из которых проживает в стране нелегально. Из них около 50% пребывают в Москве или Санкт-Петербурге.

Эти показатели серьезно осложняют общую экономическую ситуацию. Проявления нелегальной миграции снижают показатели социального обеспечения, влияют на систему формирования рабочих мест. Не секрет, что многие предприниматели в больших компаниях предпочитают взять нелегалов на работу с целью снижения затрат на заработную плату (а значит, за счет такой экономии увеличивается доход), ухода от налогов и обеспечения социальных и трудовых норм для данной категории работников. Таким образом, формируется так называемый теневой рынок экономики, не дающий прибыли в бюджет страны, а следовательно, замедляющий ее развитие и создающий препятствия к расширению мер социальной поддержки коренного населения.

Распределение по «материковому» делению: около 68% граждан проживают в европейской части страны, с плотностью 27 человек на 1 кв. км. Остальная часть живет в азиатской части страны, с плотностью 3 человека на 1 кв. км. Здесь особо стоит отметить общую численность населения в обширном Дальневосточном регионе — около 6,3 млн человек, что составляет 4,3% от числа народонаселения России.

Распределение по типам населенных пунктов: 74,43% живут в городах.

Основные данные про населенные пункты: 15 городов в РФ имеют численность более 1 млн, 170 городов — более 100 тысяч.

Количество национальностей и этнических групп — более 200. Основная часть — русские (81%), татары (3,9%),

украинцы (1,4%), башкиры (1,1%), чуваша и чеченцы (по 1%), армяне (0,9%) и т.д.

Соотношение пенсионеров и работоспособных граждан: 1:2,4 (то есть на 10 пенсионеров приходится 24 работающих человека). По этому показателю РФ входит в десятку худших стран. Для сравнения: в Китае он составляет 3,5 (35 работающих на 10 пенсионеров), в США — 4,4, в Уганде — 9.

Разделение по полу (по данным на 2016 г.): около 67 897 млн мужчин и около 78 648 млн женщин.

Разделение по возрасту: пенсионеров — около 43 млн человек (по состоянию на 2016 г.), работоспособных — 82 млн (по состоянию на 2018 г.), детей до 15 лет включительно — около 27 млн, или 18,3% от общей численности граждан (по данным на 2017 г.).

Объектом наблюдения в конструировании и изучении демографических процессов выступают большие массы людей — население всей страны или ее части, большого города и т.д. Безусловно, в демографии главными являются научные методы сбора, обобщения и анализа соответствующих фактов, система характеристик демографических процессов в их взаимосвязи. Познание взаимовоздействия демографических явлений, их зависимости от экономических и других факторов. И, соответственно, на их основе построение прогнозов развития населения и определения пеней и средств политики народонаселения. Так проявляется роль демографии как системы знаний, самостоятельной науки о народонаселении.

Практическая задача демографии вместе с другими науками, изучающими народонаселение, — выработка обоснованной демографической политики государства с целью регулирования развития народонаселения и формирования общества.

Предвидение и научное обоснование демографических изменений и их взаимосвязи с экономическим и обще-

ственным развитием, исследование современной демографической ситуации и ее последствий невозможно вне изучения исторического развития процессов, что является предметом изысканий исторической демографии.

Надо понимать, что Россия переживает небывалый по разрушительной силе и далеко идущим последствиям демографический кризис, который эксперты называют беспрецедентным в мирное время. Проблема демографического развития, его влияние на социально-экономическую ситуацию в обществе, а также роль и воздействие миграционных процессов на эту проблему крайне актуальны в настоящее время.

Ключевой из демографических проблем является низкий уровень рождаемости в нашей стране. Власти неоднократно заявляли, что повышение рождаемости — одна из основных задач государства. Однако иметь ребенка, даже одного, большая финансовая нагрузка на семью. Даже минимальный расход составит никак не меньше 10 тыс. рублей ежемесячно, и это до подросткового возраста (сначала на пеленки, питание, затем на одежду, обувь, игрушки, книжки). А некоторые родители содержат своих детей еще дольше, практически до получения высшего образования (условно до 20–23 лет). Получается, что даже если семья хочет завести ребенка — она может попросту не потянуть этого в финансовом плане, и поэтому откладывает это серьезное решение.

В 2017 г. уровень рождаемости в России снизился сразу на 10,7%, следует из отчета Росстата. По подсчетам ведомства, за год в стране родились примерно 1,69 млн детей, что более чем на 203 тыс. меньше, чем в 2016-м. По этому показателю 2017-й оказался худшим годом последнего десятилетия; в последний раз меньше новорожденных в России было зафиксировано лишь в 2007 году (1,61 млн).

Чтобы упростить жизнь семьям с детьми и стимулировать рождаемость, в РФ принимаются такие меры финансовой поддержки, как:

- материнский капитал: единовременное пособие в размере 453 тысяч (на 2018 г.), которое можно направить только на определенные затраты (чтобы родители не растратили деньги на свои нужды). Программа маткапитала появилась в 2007 г. и пока работает до 2021 г. Не исключено, что ее снова продлят, потому что ее уже несколько раз продлевали;
- выплаты за первенца: ежемесячная выплата, которая полагается семье, чей общий доход не дотягивает до регионального прожиточного минимума. В среднем по России в 2018 г. данная выплата составляет около 10 500 руб., тогда как в Москве — 14 252 руб.;
- пособие на ребенка до 1,5 лет — мера поддержки материнства. С 1 января 2018 г. в размере регионального прожиточного минимума (во всех регионах устанавливается индивидуально).

Государство также работает над обеспечением инфраструктуры. Это решение проблемы с нехваткой мест в детских садах и яслях. По текущим прогнозам, к 2021 г. все дети в возрасте от 2 месяцев до 3 лет должны иметь места без очередей и прочих проблем. Для этого во всех регионах реализуется программа строительства новых детских дошкольных учреждений. В общей сложности планируется создать более 700 новых объектов разной вместимости в соответствии с новыми требованиями.

Состояние современной демографической ситуации в стране нашло свое отражение и в Указе Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014 г.) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Не менее острая проблема — строительство перинатальных центров. Вынашивание ребенка, роды и первые месяцы после них требуют качественного и высокотехнологичного медицинского обслуживания. Ее также необходимо решать, строя новые современные центры.

В стадии обсуждения такие меры:

- **дородовый сертификат:** единовременная выплата в размере 100 тысяч, которая полагается просто за то, что женщина беременеет;
- **пересмотр системы детских пособий.** Сейчас их получают все: и малоимущие, и люди с нормальным доходом. Предлагается перераспределить средства, выделяя их только малоимущим и социально нуждающимся категориям населения;
- **предоставление льгот семьям,** в которых женщины рожают первенца до 30 лет.

Не исключено, что все эти проекты отклонят, потому что они «сырые», и решения по ним вряд ли стоит ожидать в ближайшем будущем.

В соответствии с положениями Концепции демографической политики России, ключевыми задачами демографического развития РФ до 2025 г., от которых принципиально зависит развитие экономики страны, являются следующие.

В основу демографической политики РФ положены следующие принципы:

- комплексность решения демографических задач — мероприятия в этой сфере должны охватывать направления демографического развития (смертность, рождаемость и миграцию) в их взаимосвязи; концентрация на приоритетах — выбор по каждому направлению демографического развития наиболее проблемных вопросов и применение эффективных механизмов их решения;
- своевременное реагирование на демографические тенденции в текущий период;

- учет региональных особенностей демографического развития и дифференцированный подход к разработке и реализации региональных демографических программ;
- взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества;
- координация действий законодательных и исполнительных органов государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Что касается области укрепления здоровья и увеличения продолжительности жизни населения, то определены следующие приоритеты:

- формирование у различных групп населения, особенно у подрастающего поколения, мотивации для ведения здорового образа жизни путем повышения информированности граждан через средства массовой информации о влиянии на здоровье негативных факторов и возможности их предупреждения, привлечения к занятиям физической культурой, туризмом и спортом, организации отдыха и досуга независимо от места жительства, а также разработку механизмов поддержки общественных инициатив, направленных на укрепление здоровья населения;
- разработку мер, направленных на снижение количества потребляемого алкоголя, регулирование производства, продажи и потребления алкогольной продукции, осуществление в образовательных учреждениях профилактических программ, направленных на недопущение потребления алкоголя и табачных изделий детьми и подростками;
- создание эффективной системы профилактики социально значимых заболеваний, предупреждения факторов их развития;
- обеспечение безбарьерной среды обитания для лиц с ограниченными

возможностями, развитие реабилитационной индустрии, направленной на обеспечение максимальной социализации инвалидов;

- внедрение комплексных оздоровительных и реабилитационных программ по сокращению сроков восстановления здоровья после перенесенных заболеваний и травм, развитие услуг, предоставляемых санаторно-курортными организациями и оздоровительными учреждениями;
- разработку мер, направленных на сохранение здоровья и продление трудоспособного периода жизни пожилых людей, развитие геронтологической помощи.

Особое внимание должно быть уделено снижению потребления алкоголя и употреблению табака, принятию четких мер, направленных на ослабление последствий пьянства и алкоголизма, при этом целесообразно сочетание мер фискальной политики, административных ограничений и информационного воздействия. Эти меры должны включать контроль качества алкогольной продукции, ценовую политику, ориентирующую население на ограничение потребления алкоголя, а также изменение правил продажи алкогольных напитков и действенный контроль за их рекламированием. В частности, рассматривается возможность повышения возраста разрешения самостоятельного приобретения алкогольной продукции с 18 до 21 года.

Также в целях улучшения психического здоровья населения необходимо принятие мер по профилактике суицида, включая развитие сети телефонов доверия, социальных служб, волонтеров, совершенствование деятельности врачей-психиатров, медицинских психологов, психотерапевтов и социальных работников.

Что касается проблемной зоны стимулирования рождаемости и укрепления семьи, то тут определены следующие приоритеты:

- усиление государственной поддержки семей, имеющих детей, включая поддержку семьи в воспитании детей, для чего необходимо:
- развивать систему предоставления пособий в связи с рождением и воспитанием детей (включая регулярные пересмотр и индексацию их размеров с учетом инфляции);
- усилить стимулирующую роль дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей, в форме предоставления материнского (семейного) капитала, расширяя в связи с этим рынок образовательных услуг для детей и масштабы строительства доступного жилья для семей с детьми;
- создать механизмы оказания дополнительных поддержки неполных семей с детьми и многодетных семей с низкими доходами, семей, принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, а также семей, имеющих детей-инвалидов, включая изменение размеров налоговых вычетов для работающих родителей в зависимости от дохода семьи и количества детей, формирование государственного заказа на оказание организациями различной организационно-правовой формы социальных услуг семьям с детьми;
- обеспечить потребность семей в услугах дошкольного образования на основе развития всех форм дошкольных образовательных организаций (государственных, частных), повышения доступности и качества их услуг, в том числе на основе принятия стандартов оказываемых услуг, стимулирования развития гибких форм предоставления услуг по уходу и воспитанию детей в зависимости от их возраста;
- создать в городах и сельской местности среду обитания, благоприятную для семей с детьми, включая установление соответствующих требований к градостроительным

- решениям, а также к социальной и транспортной инфраструктуре;
- создание условий для повышения доступности жилья для семей с детьми, в первую очередь для молодых семей с детьми, за счет:
 - развития ипотечного кредитования, внедрения новых кредитных инструментов, расширения строительства доступного жилья, отвечающего потребностям семей, с одновременным строительством объектов социальной инфраструктуры, необходимых семьям с детьми;
 - реализации региональных программ обеспечения жильем молодых семей, разработки системы дополнительных мер, направленных на обеспечение жильем малоимущих граждан с детьми, нуждающихся в жилых помещениях, включая меры по расселению семей с детьми из неприспособленных и ветхих жилых помещений, первоочередному предоставлению жилья детям, оставшимся без попечения родителей, по окончании их пребывания в образовательных и иных учреждениях, в семьях опекунов (попечителей), приемных семьях, а также по окончании службы в Вооруженных Силах РФ;
 - развития системы адресной помощи при оплате жилищно-коммунальных услуг в зависимости от состава и материального положения семьи;
 - реализация комплекса мер по содействию занятости женщин, имеющих малолетних детей, в целях обеспечения совмещения родительских и семейных обязанностей с профессиональной деятельностью, в том числе:
 - создание для женщин, выходящих из отпуска по уходу за ребенком, условий, способствующих их возвращению к трудовой деятельности, организацию системы повышения их квалификации и переобучения профессиям, востребованным на рынке труда;
 - расширение использования гибких форм занятости (в том числе надомный труд, частичная занятость), позволяющих совмещать работу с выполнением семейных обязанностей;
 - разработку специальных программ, позволяющих женщинам получить новые профессии в случае их перевода (высвобождения) с рабочих мест с вредными и тяжелыми условиями труда на новые рабочие места. Критерии условий для улучшения материального положения семей предполагают разработку и принятие мер по дальнейшей стабилизации ситуации на рынке труда, повышение уровня заработной платы, гарантий трудоустройства, повышения квалификации и переподготовки, ответственность работодателей и бизнеса.
- В целях обеспечения благоприятных условий для укрепления семьи необходимо совершенствование законодательства, регламентирующего трудовые отношения, а также совершенствование системы выплат пособий гражданам, имеющим детей, программа социальной помощи, в том числе повышение размеров пособий и обеспечение их адресности. При этом размеры пособий, а также налоговые вычеты должны дифференцироваться с учетом материальных условий семьи и ее социального положения.
- Поддержка молодых семей в регионах предполагает улучшение их жилищных условий. В случае рождения ребенка выделение безвозмездных субсидий и использование механизма льготного кредитования в зависимости от числа детей в семье. Если немного окунуться в историю, то можно заметить очень эффективный советский опыт в виде предоставления социального жилья. Данную идею можно было бы подкорректировать с учетом нынешних реалий и запустить полномасштабную программу предоставления молодым семьям социального жилья. К сожа-

лению, существующие федеральные целевые программы «Молодая семья» и «Жилище» по поддержке молодых семей решают эту задачу не полностью.

Исследование отношения женщин и мужчин к гендерным ролям на рынке труда и в семье, к возможностям установления баланса семья — работа для членов семьи выявило также, что в основе дискриминации родителей на рынке труда лежат распространенные гендерные стереотипы (работников и работодателей), являющиеся барьером для гармоничного сочетания профессиональных и семейных ролей женщин и мужчин. Склонность работодателей к дискриминации работников с родительскими обязанностями зависит от возраста и наличия детей (в худшем положении находятся работники с маленькими детьми, в лучшем — с детьми старшего возраста по сравнению с бездетными, как наиболее надежными и ответственными), что подчеркивает традиционность структуры гендерных отношений.

Так, в области миграции и расселения определены следующие приоритеты:

- содействие добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в РФ, а также стимулирование возвращения в РФ эмигрантов;
- привлечение квалифицированных иностранных специалистов, в том числе выпускников российских высших учебных заведений, на постоянное место жительства в РФ, привлечение молодежи из иностранных государств (прежде всего из государств — участников Содружества Независимых Государств, Латвийской Республики, Литовской Республики и Эстонской Республики) для обучения и стажировки в РФ с возможным предоставлением преимуществ в получении российского гражданства по окончании учебы;

- совершенствование миграционного законодательства РФ;
- разработку социально-экономических мер по повышению миграционной привлекательности территорий, из которых происходит отток населения и которые имеют приоритетное значение для национальных интересов, разработку и внедрение федеральных и региональных программ, направленных на создание благоприятных условий для адаптации иммигрантов к новым условиям и интеграции их в российское общество на основе уважения к российской культуре, религии, обычаям, традициям и жизненному укладу россиян;
- создание условий для интеграции иммигрантов в российское общество и развития терпимости в отношениях между местным населением и выходцами из других стран в целях предотвращения этноконфессиональных конфликтов.

Необходимо разработать такие подходы к регулированию иммиграционных потоков, которые будут способствовать замещению естественной убыли населения Российской Федерации, стимулировать иммиграцию в Российскую Федерацию и общественно полезную интеграцию мигрантов с учетом их возрастно-половых характеристик, уровня здоровья, профессиональной квалификации.

К сожалению, сложно предсказать, до какого показателя вырос бы коэффициент рождаемости, но даже если бы удалось увеличить его в полтора раза (до 2,6), то уже через 18 лет Россия получила бы более 10 миллионов молодых трудоспособных граждан.

Необходимо предпринять меры для обеспечения сохранения численности населения в важных геополитических регионах РФ, в том числе путем привлечения рабочей силы из других районов страны на временной, ротационной основе, создания особых экономических

условий для возвращения в Россию эмигрантов, являющихся высококвалифицированными специалистами, готовыми обеспечить технологический прорыв и качественный прирост в экономике страны.

Должны быть сформированы такие государственные приоритеты, которые будут помогать молодежи развивать-

ся в родных регионах и городах, а не концентрироваться в мегаполисах и агломерации Москвы. Это приведет к деформации и перенаселению одних регионов по отношению к другим, увеличению урбанизации и будет иметь чудовищные последствия для всей страны в целом.

Литература

1. Денисов И. Чего вы не знали о демографии России. Нас пугают вымиранием, но грядет перенаселение и борьба за ресурсы. — Август 9, 2018. — URL: <http://reconomica.ru/экономика/статистика/демография-россии-2018/> (дата обращения: 18.09.2018).
2. Демографический срыв. Данные РБК // ГАЗЕТА. — № 016 (2740) (3001). — URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/01/30/5a6ef6f59a7947507175ce75> (дата обращения: 20.09.2018).
3. Демографическая политика. Документы и события // Правительство России. — URL: <http://government.ru/rugovclassifier/4/events/> (дата обращения: 20.09.2018).
4. Каюков В.В., Мельчакова Ю.Л. Взаимосвязь демографических процессов с состоянием экономики // Экономика, управление, финансы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Пермь, февраль 2014 г.). — Пермь: Меркурий, 2014. — С. 177–180. — URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/93/4779/> (дата обращения: 20.09.2018).
5. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (дата обращения: 22.09.2018).
6. Причины, которые чаще всего заставляют женщин отказываться от рождения детей. Информационный центр для родителей «Столица детства». — URL: <https://stolicadetstva.com/news/1621/> (дата обращения 20.09.2018).
7. Жилищные программы для молодых семей. — URL: <http://molodaja-semja.ru/how/gosudarstvennyye-programmy/> (дата обращения 20.09.2018).
8. Калабихина И.Е. Родительские обязанности и дискриминация в сфере занятости // Население и экономика. — 2017. — № 1(1). — С. 89–116.
9. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Семья, материнство и детство. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения 19.09.2018).
10. Рудницкая А.П., Новиков Е.А. Основные направления формирования, проблемы и задачи демографической политики в современной России // PolitBook. — 2015. — № 1. — С. 43–56.
11. Рудницкая А.П., Квартников П.В. Роль гражданской активности в становлении ценностных ориентиров современной молодежи // ЦИТИСЭ. — 2018. — № 1. — С. 24.
12. Мотрич Е.Л. Роль миграции в динамике населения Дальнего Востока России // Социальная политика и социология. — Т. 16. — 2017. — № 1 (120). — С. 43–53.

ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы соблюдения прав человека в условиях вооруженного конфликта на юго-востоке Украины. Проанализированы основополагающие документы международного права, направленные на регулирование базовых прав и свобод человека, такие как: нормы международного гуманитарного права, Устав ООН, Женевские конвенции и дополнительные протоколы и др.

На основе проведенного исследования автором выявлены и обоснованы следующие способы и технологии ведения диалога в решении конфликта:

- усиление роли посредничества в переговорном процессе стран — участниц «нормандского формата»;
- альтернативное разрешение конфликтов — решение конфликта невоенным путем, стимулирование Украины странами Запада для активизации реализации Минских соглашений;
- подмена конфликта — перемещение конфликта в другую плоскость, акцентирование внимания на необходимости нового вектора развития Украины, а именно: перехода от унитарной к федеративной форме государственного устройства.

Ключевые слова: конфликт, юго-восток Украины, международное право, «нормандский формат», Минские соглашения, Женевская конвенция, федерализация Украины.

Автор

Дибров Егор Александрович

Магистр политологии
Донецкого национального университета

К XXI веку, учитывая опыт мировых войн и вспыхивающих вооруженных конфликтов, были достигнуты существенные результаты в установлении и соблюдении прав человека. Сегодня достоянием человечества выступают базовые свободы и права, такие как: право на жизнь и свободу, свободу от притеснений и пыток, свободу передвижения, права на должный медицинский уход и многие другие. Существует целый свод законов и деклараций, которые непосредственно на международном уровне выступают гарантами прав человека. Основополагающими документами

в международном праве в области прав человека выступают Устав ООН и Всеобщая декларация прав человека, принятые Генеральной Ассамблеей в 1945 и 1948 гг. [2]. Более того, международным сообществом были разработаны документы, касающиеся различных областей человеческих свобод. Стоит отметить, что для реализации экономических, социальных и культурных прав был принят и ратифицирован 164 государствами Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Данный пакт предусматривает права на труд, образование и достойное социальное

обеспечение. Международный пакт о гражданских и политических правах и два факультативных протокола к нему обеспечивают человека возможностью использовать избирательное право, свободу выражения мысли, и, кроме того, применять свободу передвижения и выбора страны проживания.

Безусловно, данной декларацией не ограничиваются права человека. В практике международного права о правах человека имеется ряд конвенций, например, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и др. Более того, в 2006 г. был учрежден Совет по правам человека, который рассматривает обращения людей в связи с нарушениями их неотъемлемых прав, а также анализирует чрезвычайные правонарушения в области прав человека [3]. В системе ООН также функционирует Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, которое принимает индивидуальные жалобы [8].

Вооруженный конфликт является константой в международных отношениях и выступает неотделимой частью развития системы. Несмотря на то, что любое столкновение приводит к многочисленным жертвам, на текущий момент зафиксировано более сорока действующих вооруженных противостояний. В ходе таких конфликтов чаще и больше всего страдает именно мирное население, которое проживает на территории конфликта. Регулятором сохранения прав человека в ходе вооруженных конфликтов выступает международное гуманитарное право, которое значит частью норм *ius in bello*, что отличает вооруженный конфликт от преступления, к которому применяется обычное уголовное право [5]. Именно международное гуманитарное право сдерживает использование на-

силственных методов против людей, которые не принимают участия в военных сражениях. Стоит отметить, что международное гуманитарное право, в свою очередь, дополняет международное право относительно прав и свобод человека, а единственным отличием служит деление на комбатантов и гражданское население. Ключевыми документами для международного гуманитарного права выступают Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и дополнительные протоколы к ним.

Согласно как международному, так и гуманитарному праву, каждое суверенное государство обязано соблюдать и выполнять права граждан, оказавшихся втянутыми в конфликт. В международном гуманитарном праве различают две формы вооруженных конфликтов: международный вооруженный и немеждународный (внутренний) вооруженный. Таким образом, при внутреннем конфликте государства зачастую нарушают права собственных граждан. Однако это не освобождает их от ответственности за судьбу своего населения и от исполнения международных обязательств. После государственного переворота на Украине в 2014 г. новое правительство первым делом отменило закон о языках, закон «Об основах государственной языковой политики» (2012), который распространялся на отдельно взятые регионы Украины. В ответ на данные действия, в частности, в городах Донецкой и Луганской областей прошли мирные митинги, на которых звучали лозунги о возвращении данного закона в силу. Однако в апреле 2014 г. новое правительство Украины на территории Донбасса начало осуществлять антитеррористическую операцию (АТО). Для такого типа операций привлекаются подготовленные отряды, такие как СБУ и сформированные националистические контингенты.

В действительности, в рамках так называемой АТО были применены

авиация и тяжелое вооружение в отношении граждан Украины. В ходе подобных атак на мирное население украинской стороной заблаговременно не было предпринято никаких действий по уменьшению жертв среди мирного населения, в частности: предварительное предупреждение об обстрелах, создание гуманитарных коридоров и санитарных зон. В свою очередь, Украина является государством, ратифицировавшим Женевские конвенции и дополнительные протоколы к ним, в ходе которых она должна соблюдать нормы международного гуманитарного права. Из вышеизложенного можно понять, что с целью отхождения от норм международного права, формулировка «вооруженный конфликт», изначально была целенаправленно изменена на «антитеррористическую операцию».

Вооруженный конфликт — целенаправленные действия, предназначенные реализовать смертельное насилие максимально возможного масштаба. В ответ на действия официального Киева по отношению к отдельным регионам Донецкой и Луганской областей были сформированы отряды ополчения для противостояния вооруженным атакам по отношению к мирному населению. Вследствие референдума в данных отдельно взятых районах были сформированы Донецкая и Луганская народные республики. В ходе нарастающей агрессии со стороны Украины по отношению к собственному населению с целью прекращения кровопролития Россией были предложены шаги по урегулированию военно-политического конфликта в Украине. Несмотря на то, что была сформирована контактная группа — «нормандская четверка» — для примирения обеих сторон (Украины и ЛДНР) и подписан комплекс мер по выполнению Минских соглашений, в действительности они не применялись. Соответственно, к данному конфликту будет целесообразным применение как Женевской конвенции о защите граж-

данского населения во время войны, так и Дополнительного протокола к Женевской конвенции от 12 августа 1949 г., касающейся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. Таким образом, согласно II протоколу, официальный Киев нарушает большую часть прописанных статей.

Говоря более подробно, стоит отметить, что в части II Дополнительного протокола отмечено, что индивиды, не участвующие в конфликте, не могут быть ограничены в своих правах, более того, государство обязано предоставить им защиту и безопасность. Запрещено брать заложников, посягать на человеческие достоинства [4]. Однако в реальности зафиксированы случаи взятия в плен гражданского населения. В докладе ООН о ситуации в Украине на 2017 г. отмечаются акты регулярного применения пыток и бесчеловечного обращения с целью получения признаний в причастности к конфликту. По словам освобожденных из украинского плена против них применялись изнуряющие виды пыток: перекрывание кислорода, использование электрического тока. На данный момент органы безопасности Украины так и остаются безнаказанными, несмотря на очевидное нарушение прав гражданских лиц.

Кроме того, этой же частью Дополнительного протокола запрещается мародерство и грабеж оставленного имущества. Тем не менее УВКПЧ регистрировало случаи ограбления частных имуществ Вооруженными силами Украины. Таким образом, многие жители, имевшие возможность покинуть зону боевых действий, оставались там, дабы сохранить нажитую собственность, подвергая опасности свое право на жизнь.

Очевидным является и тот факт, что статья четыре, пункт три II Дополнительного протокола не были реализованы. Данный пункт касается безопасности детей. Государство обязано перемещать детей в безопасные места в период боевых действий, но

в действительности число погибших детей достигло отметки в 110 человек [7. — С. 93].

Стоит отметить, что украинские власти в конце 2016 г. приняли решение ввести окончательную экономическую блокаду против ЛНР и ДНР. Причем такого рода блокада касалась не только производственных товаров, но и закрытия доступа к промышленно-энергетическим предприятиям, которые функционировали и поставляли товары непосредственно в Украину. Оставить граждан своей страны без возможности приобретения продуктов питания является нарушением не только прав человека, но и выглядит низко в глазах мировой общественности. Лишь благодаря поставкам гуманитарной помощи из РФ удалось избежать увеличения смертности среди населения. Более того, данный инцидент доказывает тот факт, что украинская власть потеряла контроль над собственными вооруженными отрядами, которые блокируют движение и по сей день.

Отдельно стоит вопрос об объектах, несущих угрозу жизни населения, к таким следует причислить склады хлора на Донецкой фильтровальной станции, а также очистные возведения в Ясиноватой. К счастью, специалистам удалось предотвратить утечку хлора, ситуация до сих пор остается напряженной, так как армия Украины не покидает территорию объектов, на которой размещено около 350 метрических тонн хлора. Провоцируя обстрелы, Украина подвергает опасности не только собственное население, но и граждан соседствующих стран, а также угрожает безопасности окружающей среды.

Если отойти от анализа Дополнительного протокола к Женевской конвенции от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II), то можно насчитать и правонарушения в области незыблемых прав человека. Первенствующим правом среди всех

существующих прав является право на жизнь. Никто не может лишать жизни другого человека, особенно страна, которая гарантировала такое право Конституцией. В 27 статье Конституции Украины прописано: «Каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь. Никто не может быть произвольно лишен жизни. Обязанность государства — защищать жизнь человека» [6. — С. 74]. По данным ООН, за 2017 г. на юго-востоке Украины в ходе непрекращающегося вооруженного конфликта погибло 10 090 человек, по меньшей мере, 23 966 человек получили ранения [1. — Р. 295].

Немаловажным является и нарушение социальных прав. Действующая власть Украины игнорирует свои обязанности касательно любых социальных выплат. Более того, ограничена и свобода передвижения, так как официальное транспортное сообщение с Донбассом прекратилось в 2015 г.

Исходя из вышеуказанных положений и фактов, можно сказать определенно — действующая власть Украины целенаправленно игнорирует выполнение международных договоров и обязательств, взятых ею при подписании и ратификации документов, затрагивающих конституционные и международные права человека — права собственного населения.

Украинская власть собственными действиями демонстрирует, что ее позиция в вопросе Донбасса, решение которой видят только в силовой зачистке, не изменена, тем самым подтверждая нежелание действовать в рамках правового поля. Продолжая процесс политико-экономической эскалации, усиления позиций ВСУ в данном регионе, официальный Киев демонстрирует нагнетание военно-политического конфликта, а значит, продолжает пренебрегать правами и свободами своих граждан на юго-востоке Украины.

Таким образом, полагаясь на опыт международной практики деэскала-

ции военно-политических конфликтов на примере Донбасса, можно понять, что до тех пор, пока существующая власть в Киеве будет иметь политико-экономическую поддержку со стороны стран Запада — военно-политический конфликт в Донбассе не прекратится. Тем самым продолжатся нарушения прав граждан в данном регионе. Поэтому, чтобы приблизиться к решению данного конфликта, необходимо реализовать следующие способы и технологии достижения диалога в решении военно-политического конфликта, а именно: усиление роли посредничества в переговорном процессе, в многостороннем формате рассматривать альтернативные пути разрешения конфликта, произвести переориентацию конфликта в другую плоскость. При помощи данных шагов, под предлогом несоблюдения многих норм международного права от лица стран — участниц «нормандского фор-

мата» (России, Германии и Франции) необходимо оказать политико-экономическое давление на государственную власть Украины. Это подтолкнет Украину к соблюдению норм и ключевых документов международного права, в частности, норм международного гуманитарного права, а именно Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительных протоколов к ней, Устава ООН и собственной Конституции. Таким образом, данные действия дадут новый толчок в активизации Минских соглашений, а также позволят актуализировать вопрос формирования нового вектора развития Украины, а именно — перехода от унитарной к федеративной форме государственного устройства, что станет решающим фактором в прекращении военно-политического конфликта на Донбассе, а также позволит учесть все особенности многонационального и многоконфессионального народа Украины.

Литература

1. Amnesty International Ltd Peter Benenson House, 1 Easton Street, London WC1X 0DW United Kingdom. — 2016. — P. 295. — Mode excess: <https://www.hrw.org/europe/central-asia/ukraine>.
2. Всеобщая декларация прав человека (Париж, 10.12. 1948) // Организация Объединенных Наций. — Резолюция № 217 А (III). — Париж, 1948.
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 окт. 1970 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.
4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 авг. 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) от 8 июня 1977 г. // Организация Объединенных Наций и международное гуманитарное право. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm>.
5. Женевская конвенция № 4 «О защите гражданского населения во время войны» (Женева, 12 августа 1949 года) // Организация Объединенных Наций и международное гуманитарное право. — Женева, 1949.
6. Конституция Украины (принята всенародным голосованием 28.06.1996) // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР Украины). — 1996. — № 130. — 141 с.
7. Международно-правовая защита прав человека в вооруженных конфликтах // Управление Верховного комиссара ООН. — Нью-Йорк; Женева, 2011. — 139 с.
8. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН в XXI веке

Аннотация

Анализ основных направлений совершенствования антитеррористической деятельности ООН позволил определить их актуальность и значение для повышения эффективности противодействия терроризму. Первое направление — выработка Всеобъемлющей конвенции — до сих пор актуально, основано на предполагаемых последствиях принятия. Второе — борьба с финансированием терроризма — требует возвращения к договоренностям, обозначенным в Уставе ООН. Мировая глобализация борьбы против терроризма и его финансирования должна поддерживаться всеми государствами. Необходимость противостояния финансированию посредством объединения является чуть ли не главным направлением, которое способно вывести борьбу из абстрактного к конкретному. ООН — одна из самых универсальных и глобальных организаций в мире, вследствие чего отказ от нее может стать для мира верной дорогой к хаосу. Следовательно, необходимость нынешних преобразований обусловлена желанием сохранить эффективность данного инструмента на основе широкого консенсуса.

Ключевые слова: Всеобъемлющая конвенция, ООН, терроризм, противостояние, борьба с финансированием, Контртеррористическое управление, Совет Безопасности ООН.

Автор

Каменских Анна Николаевна

Студентка кафедры международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Разговоры о разработке Всеобъемлющей конвенции ООН против международного терроризма, предложенной Индией [4], ведутся давно, однако результатов по поиску консенсуса среди мирового сообщества и конкретных действий по ее превращению в реальность не наблюдается. Достаточно вспомнить, что переговоры по данному проекту ведутся в ООН с 1996 г. и что с тех пор минуло 22 года.

Именно в 1996 г. решением ГА ООН был учрежден специальный комитет для выработки международных конвенций по борьбе с боевым терроризмом и по борьбе с актами ядерного терроризма, а через три года ГА ООН поручила данному комитету резолюци-

ей 54/110 рассмотреть возможные пути улучшения всеобъемлющего правового механизма конвенций, посвященных противодействию международному терроризму, включен был также и вопрос о разработке всеобъемлющей конвенции о международном терроризме.

Такие долгие переговоры объясняются также и тем, что имеют не систематически эффективный характер. Данное утверждение небезосновательно, такое состояние дел доказывает тупик в работе Шестого комитета Генеральной ассамблеи ООН, занимающегося правовыми вопросами, даже после его активизации после 11 сентября и недавнего подъема группировки «Исламское государство» (ИГ). На послед-

них этапах консультаций по проекту Всеобъемлющей конвенции Рабочая группа (Специального комитета) также подтвердила наличие давно существующих противоречий и противоположных мнений, которые возникают «по вопросу о том, что следует включить в сферу применения Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, а что — исключить из нее» [15].

Во Всеобщей декларации прав человека говорится о том, что ее соблюдение необходимо для обеспечения мира и безопасности, потому как не должно быть такого мира, где «люди будут прибегать в качестве последнего средства против их угнетения и тирании к восстанию». Данное положение доказывает важность соотношения различных новых создаваемых документов с данной декларацией и следования ее положению. То же должно быть сделано непосредственно при разработке и принятии Всеобъемлющей конвенции ООН [5].

Необходимо отметить, что ситуации вооруженного конфликта прямо не выводятся из сферы действий проекта конвенции. Данный вопрос о соотношении между определениями действий, объявляемых террористическими, и действий, совершаемых во время вооруженных конфликтов, является одним из самых спорных и потому не позволяет завершить переговоры.

В. Матвиенко в 2016 г. предложила активизировать совместные действия парламентариев с целью скорейшего согласования Всеобъемлющей конвенции ООН против международного терроризма. Тогда же парламентарии Европы должны были объединить усилия и отбросить разногласия ради борьбы с террором и скорейшего согласования Всеобъемлющей конвенции [10]. Прошло уже три года, но слова главы Совфеда РФ до сих пор остаются проигнорированными некоторыми государствами.

Значение выработки данной конвенции основано на предполагаемых

последствиях ее принятия. Первым последствием станет дополнение существующей базы международных контртеррористических документов и укрепление руководящих принципов, которые воплощены в других конвенциях: уголовная ответственность, преследование исполнителей или их выдача, необходимость отмены законодательных актов, предусматривающих исключения по политическим, философским и другим основаниям, призыв о принятии мер по предотвращению террористических атак, подчеркивание необходимости сотрудничества, обмена информацией и оказания максимального содействия в связи с предотвращением, расследованием и преследованием. Вторым — выработка или согласие на основе конвенции об общепризнанном определении терроризма, исходя из необходимости найти решение, приемлемое для всех государств-членов, что будет результатом и условием реальной эффективности использования данного инструмента мировым сообществом, его полноты и всеобъемлимости. Третьим — улучшение координации и успешности и результативности кооперации и самого противодействия.

К сожалению, современная международная обстановка отнюдь не гарантирует ООН спокойного и размеренного существования. Организации плохо удается быстро и эффективно реагировать на острые вспышки напряженности в зонах конфликтов. В области нарушения прав человека у нее также не получается быть достаточно последовательной, в результате на нее нередко обрушиваются обвинения в двойных стандартах.

Происходящее в ООН усиливает ощущение дестабилизации системы глобального управления. Новый генсекретарь уже высказывался с озабоченностью насчет углубляющегося недоверия к институтам [3. — С. 42–55]. Генеральный секретарь обязан поощрять поиск развязок в дипло-

матической игре через следование демократическим началам ООН — большинство должно учитывать мнение меньшинства, а не подминать его. На встрече с Президентом России 24 ноября 2016 г. Гуттериш сказал: «Роль Генерального секретаря ООН отнюдь не заключается в том, чтобы быть лидером всего международного сообщества, она куда более скромна» [6]. Такая центристская линия отражает к тому же одну из мудрых идей, заложенных в основание Организации Объединенных Наций, которая вполне могла бы служить предохранителем против чрезмерной концентрации силы в чьих-то руках. Министр иностранных дел РФ С. Лавров также отметил, что ООН призвана содействовать «объективной тенденции рассредоточения глобальной экономической и политической мощи» [8].

При этом достигать в Организации благоприятного для большинства исхода дипломатических акций можно, только если государства будут отказываться от максимизации собственных выгод, то есть требуется хотя бы минимальное согласованное поведение. Однако, иллюзии тоже должны быть минимальны, самоограничение не является их рациональным интересом. Эффективное взаимодействие различных государств в борьбе с международным терроризмом возможно лишь когда необходимость этой борьбы диктуется национальными интересами каждого из входящих в коалицию государств. Этот здоровый эгоизм необходимо учитывать. Идея навалиться всем миром на международный терроризм — утопия. У каждой страны должен быть свой приоритетный участок, например, Северный Кавказ для России [7].

Многие проблемы противодействия в рамках данной Организации связаны именно с координационными сложностями. Намерение нового генсекретаря сделать ООН менее бюрократической, более действенной и ориентированной

на нужды миссий и практическое осуществление решений выразилось в его особой статье. Однако административно-кадровая сторона дела неизбежно будет его большой головной болью еще как минимум несколько лет. К сожалению, многие правила и положения сохраняют печать времен статичного Секретариата, предназначавшегося по большей части для обслуживания переговоров и конференций, ныне же более 70% бюджетных средств тратятся на деятельность вдали от штаб-квартир. Это явное различие и неравномерное распределение необходимо преодолеть, осовременить административные правила, чтобы расширить свободу рук генсекретаря и менеджеров в сфере людских ресурсов, сократить процедуру набора сотрудников, обозначить четкий механизм карьерного роста, ориентируясь именно на достоинства сотрудников.

Одной из немногих недавно последовавших мер стала инициатива Рабочей группы по предотвращению нападений с применением оружия массового уничтожения и принятию ответных мер в 2014 г. по созданию проекта «Обеспечение эффективного межучрежденческого взаимодействия и скоординированной связи в случае химических и/или биологических нападений» [12]. Проект состоит из двух этапов, второй этап рассматривается только в качестве возможного, потому как ведется поиск средств для его финансирования. Запуск проекта состоялся на вводном семинаре, организованном ОЗХО в Гааге в феврале 2015 г.

Совет Безопасности ООН — «...единственный международный орган, имеющий право принимать решения о вмешательстве в дела суверенных государств или вводить против них коллективные санкции в тех случаях, когда развитие в них расценивается... как угроза международному миру и безопасности» [2. — С. 139–157] — тоже внес свой вклад и принял важную

резолуцию, обязывающую государства-члены принять внутреннее законодательство, призванное предотвращать распространение оружия массового уничтожения, что, конечно, поспособствовало повышению уровня взаимодействия. Однако, это стало и конструктивным прецедентом — использование и развитие квазизакондательного потенциала требует обеспечения широкой поддержки членов Организации Объединенных Наций, которая бы обеспечивала их легитимность. В более длительной перспективе это может быть обеспечено более широкой представленностью в Совете членов Организации Объединенных Наций [13].

А. Гутерреш также уже высказал предложения, которые потенциально могут иметь самые далеко идущие последствия для разработки и проведения миротворческих операций ООН, которые состоят в следующем: 1) перестройка архитектуры мира и безопасности; 2) общесистемная реформа управления. Риск заключается в чрезмерном концентрировании реформ на структурах, процессах и отдельных лицах в штаб-квартире, что может иметь лишь ограниченное влияние.

Другие реформы включают новый акцент на поддержание мира с недавним созданием Консультативного совета высокого уровня по посредничеству. Влияние же Управления ООН по борьбе с терроризмом на операции по поддержанию мира пока не представляется ясным. Идею о учреждении данного офиса Гутерреш высказал в своем докладе, озаглавленном «Потенциал системы Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в осуществлении Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций». Он предложил вывести Канцелярию Целевой группы по осуществлению контртеррористических мероприятий и Контртеррористический центр Организации Объединенных Наций

из Департамента по политическим вопросам и создать на их основе новое подразделение по борьбе с терроризмом, возглавляемое заместителем Генерального секретаря. Необходимо отметить важность последствий учреждения Контртеррористического управления, но вместе с тем и ограниченность круга действий (возможность создания единого списка террористических организаций данным офисом отрицается, дается отсылка и перенаправление к деятельности Совета Безопасности).

Задача для ООН теперь будет заключаться в переводе реформ в конкретный и последовательный план, который окажет реальное воздействие на штаб-квартиру и поле. Чтобы добиться успеха, эти предложения потребуют демонстрации сохраняющейся актуальности организации. Правда, остается неизвестным, будет ли этот энтузиазм подкрепляться поддержкой более подробных предложений по реформе. Страны-члены также могут начать расстраиваться из-за сложности предложений и медленных темпов реализации, особенно если при решении старых проблем создаются новые. Хотя соблазн неизбежно будет заключаться в том, чтобы сосредоточиться на краткосрочных структурных реорганизациях, Генеральный секретарь уже неоднократно настаивал на том, что изменения должны будут исходить из улучшений в рабочей культуре, методов и процессов в глобальном масштабе и эволюционно. Для этого изменения потребуются также новое поколение уполномоченных лидеров ООН, которые менее склонны к риску и более подотчетны за результаты, а не просто придерживаются процессов и правил [16].

Международное антитеррористическое сотрудничество должно опираться на уже существующую международную правовую базу, в частности, резолюции Совета Безопасности ООН и Глобальную контртеррористическую стратегию

ООН, поэтому все вновь созданные или готовящиеся к учреждению департаменты и органы обязаны опираться на опыт прошлых документов и содействовать их выполнению и осуществлять контроль за качеством данных действий.

Также Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. требует, чтобы участники предпринимали шаги для воспрепятствования и противодействия финансированию террористов, независимо от того, осуществляется ли такое финансирование «прямо или косвенно через организации, которые утверждают, что преследуют благотворительные, общественные или культурные цели, или также вовлечены в запрещенные виды деятельности, такие, как незаконный оборот наркотиков и поставки оружия»; обязывает государства согласно ст. 8 конвенции в соответствии с принципами своего внутреннего права «привлекать тех, кто финансирует терроризм, к уголовной, гражданской или административной ответственности за такие деяния»; и предусматривает «выявление, блокирование и арест фондов, предназначенных для террористической деятельности, а также раздел с другими государствами конфискованных средств в каждом случае в отдельности» [1. — С. 175–177; 11]. Таким образом, банковская тайна более не является достаточным основанием для отказа в сотрудничестве.

Проблема спонсирования терроризма тесно связана с использованием некоторыми странами террористических группировок. Появление данной проблемы можно отнести к XX в., когда состоялся переход терроризма на уровень государственной власти. Стремление изменить в свою пользу стратегический баланс повлекло за собой создание оружия, его поставку террористическим группировкам, порождающим беспощадностью миграцию, бег мирных граждан, вследствие чего в данный момент в состоянии ха-

оса находятся целые регионы. Некоторые страны начинают перелицовывать международный порядок на себя, в связи с чем противоречия, связанные с перераспределением политической мощи, нарастают.

За последнее десятилетие интерес к истокам данной проблемы и возможным решениям ее устранения достиг пика, появились такие термины, как «государство-изгой» и «государство — спонсор терроризма». «Государства — спонсоры терроризма» — список государств, которые, согласно официальной позиции государственного департамента США, оказывают поддержку актам международного терроризма [17]. Известный факт, что эффективность борьбы с международным терроризмом и с его поддержкой может обеспечить преимущественно координация действий максимального количества стран-участниц, однако некоторые из них высказывают нежелание принимать совместное участие в борьбе с глобальным терроризмом. Однако, даже если уровень такой кооперации будет достигнут, то, чтобы добиться ее высокой результативности в реальности, потребуются немалые усилия и большой промежуток времени. США является государством, которое одно из первых создало список государств-спонсоров и дало определение самого понятия.

Относительно недавно, в 2015 г., СБ ООН единогласно принял резолюцию по борьбе с финансированием террористов. Данная резолюция призвана остановить и контролировать внешние финансовые потоки, доставляющие средства террористам, в частности — доходы от контрабанды нефти и продажи исторических ценностей [14]. Также документ максимально комплексно в обобщенном виде излагает задачи, которые уже обсуждались в ООН в плане противодействия и которые должны обязательно исполняться всеми государствами и генсеком ООН. Однако далеко не все государства последовали

реальному отказу от финансирования террористических сил. В МИД РФ заявили о продолжении экспорта ИГ нефтепродуктов через Турцию в том же году [9].

Борьба с глобальным терроризмом становится иллюзией на фоне его реальной поддержки. Решением данной проблемы является возвращение к договоренностям, обозначенным в уставе ООН. Данная организация является одной из самых универсальных в мире, вследствие чего отказ от нее может стать для мира верной дорогой к хаосу. Несомненно, ситуация в мире поменялась, ООН и Совет безопасности нуждаются в реформах и реконструкциях. Необходимость преобразований обусловлена желанием сохранить эффективность данного инструмента на основе широкого консенсуса. Для успешного проведения данных реформ необходимо согласие с ними подавляющего большинства участников международного общения. Страны-участницы должны постоянно стремиться к созданию более оптимальных подходов для налаживания сотрудничества в решении проблем глобального терроризма, а также рассматривать, изучать и приводить свои исследования в реальные действия в области безопасности. Необходимость противостояния государствам-меркан-

тилистам посредством объединения остальных стран является чуть ли не главным направлением, которое способно вывести борьбу из абстрактного к конкретному.

Терроризм следует тщательным образом исследовать на двух основных уровнях — на национальном, применительно к каждой стране в отдельности (стремиться к предотвращению глобального терроризма и распространения оружия, рассматривать, изучать и приводить национальные исследования в реальные действия), и на международном (с учетом остроты классовой борьбы на международной арене и межнациональных, религиозных и международных отношений в каждый исторический период).

Необходимость возвращения к единообразному пониманию принципов и норм международного права, выработанного на основе ООН, была выведена на основе примеров исторического опыта. Контуры мирового будущего должны широко обсуждаться, решение любых вызовов и угроз следует проводить сообща, то есть на базе правил ООН, а лидерство в мире должно выражаться в решении реальных проблем, а не в признании тех стран, которые игнорируют мировые угрозы, ставя под опасность не только свое государство, но и мировое сообщество.

Литература

1. *Абильвапова А.Ю.* Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма как основополагающий нормативно-правовой акт в сфере борьбы с терроризмом // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. — 2015. — С. 175–177.
2. *Воронков Л.С.* Влияние концепции однополярного мира на системы европейской и международной безопасности // Международная жизнь. — 2016. — № 11. — С. 139–157.
3. *Горелик А. С.* Кому нужен сильный Генсекретарь ООН? // Международная жизнь. — М., 2017. — № 4. — С. 42–55.
4. *Лихачев В.Н.* Организация Объединенных Наций и борьба с международным терроризмом: сборник документов. — М.: Изд-во Совета Федерации, 2006.
5. *Любимов А.П.* Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / Под ред. И.Л. Трунова и Ю.С. Горбунова. — 2-е изд., перераб. и доп. — 2007.
6. *Чуркин В.И.* О наследии Пан Ги Муна и глобальных проблемах // Международная жизнь. — М., 2016. — № 12.

7. Чуфаровский Ю.В. Терроризм: особенности международного противодействия [2007] // Центр стратегической конъюнктуры. — Пушкино, 2014.
8. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытом заседании Совета Безопасности ООН «Поддержание международного мира и безопасности: уроки истории, подтверждение приверженности принципам и целям Устава ООН» в Нью-Йорке 23 февраля 2015 года [Электронный ресурс] // МИД РФ: официальный сайт. — М., 2015. — URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/959527 (дата обращения: 28.09.2018).
9. В МИД РФ заявили о продолжении экспорта ИГ нефтепродуктов через Турцию [Электронный ресурс] // Интерфакс: новостной портал. — 2015. — URL: <http://www.interfax.ru/world/485845> (дата обращения: 06.09.2018).
10. Матвиенко призвала к скорейшему согласованию Всеобъемлющей конвенции ООН против терроризма [Электронный ресурс] // ТАСС: информационное агентство России. — 2016. — URL: <http://tass.ru/politika/372197> (дата обращения: 3.09.2018).
11. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года [Электронный ресурс] // ООН: официальный сайт. — Нью-Йорк, 1999. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 02.09.2018).
12. Предотвращение нападений с применением оружия массового уничтожения и принятие ответных мер [Электронный ресурс] // Официальный сайт Контртеррористического управления ООН. — Нью-Йорк, 2014. — URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/preventing-and-responding-wmd-terrorist-attacks> (дата обращения: 22.09.2018).
13. Приложение к письму Постоянного представителя Швеции при Организации Объединенных Наций от 29 июня 2006 года на имя Генерального секретаря [Электронный ресурс] // ООН: официальный сайт. — Нью-Йорк, 2006. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/424/17/PDF/N0642417.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.09.2018).
14. СБ ООН единогласно принял резолюцию по борьбе с финансированием террористов [Электронный ресурс] // Интерфакс: новостной портал. — 2015. — URL: <http://www.interfax.ru/world/485690> (дата обращения: 06.09.2018).
15. *Ojeda J.* Global counter-terrorism must not overlook the rules of war // Humanitarian Law and Policy. — 2016.
16. *Boutellis A., Novosseloff A.* UN Peace Operations and Guterres's Reform Agenda [Electronic resource] // The global observatory. — NY: IPI International Peace Institute, 2017. — URL: <https://theglobalobservatory.org/2017/11/un-peace-operations-guterres-reform-agenda/> (дата обращения: 05.09.2018).
17. State Sponsors of Terrorism [Electronic resource] // Bureau of counterterrorism and countering violent extremism. — Washington, D.C.: U. S. Department of State. Diplomacy in action. — URL: <https://www.state.gov/j/ct/list/c14151.htm> (дата обращения: 14.09.2018).

ПРОНИКНОВЕНИЕ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА» В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация

Спустя два года после своего появления группировка «Исламское государство» (далее — ИГИЛ, запрещенная в России террористическая организация) перебазировалась в Среднюю Азию. У исследователей и аналитиков возникло множество вопросов и опасений в связи с этим. Автор статьи отвечает на вопрос о том, какие факторы привели к появлению ИГИЛ и возрастанию влияния этой группировки в Центральной Азии. Ряд факторов играет важную роль в рассматриваемом вопросе: бедность населения, с одной стороны, и богатые природные ресурсы в этом регионе — с другой; отсутствие последовательного развития, политическая и экономическая нестабильность, наличие исламского экстремизма среди некоторых мусульман, существование двух фундаменталистских мусульманских стран — Пакистан и Афганистан — в непосредственной близости от стран региона, близость России к этому региону, присутствие китайских мусульман (в провинции Синьцзян) вблизи и в соседних странах Центрально-Азиатского региона и, самое главное, стратегия ИГИЛ по интернационализации — все это расширило область влияния террористической группировки [1].

Ключевые слова: «Исламское государство», ИГИЛ, Средняя Азия, экстремизм, исламский фундаментализм.

Автор

Сайед Мохаммад Фаиза

Магистрант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

«Исламское государство» является отражением новых политических разработок. Прямое присутствие США в Афганистане и Ираке и ликвидация двух арабских исламских режимов в конечном итоге привели к возрастанию ненависти по отношению к Америке среди народов мусульманского мира. Политическая нестабильность, которая была результатом американского присутствия, распад страны в конце периода правления президента Буша и новые стратегии администрации Б. Обамы по движению американских войск на территории Ирака и Афганистана стали причинами региональных протестов. То, что мы

наблюдали в регионе Западной Азии в 2011 г., было своего рода освобождением обедневшей энергии мусульманских стран от тирании марионеточных правительств» [2].

Когда террористическая группа во главе с А.Б. Багдади в 2013 г., объявив о своем существовании в Ираке, заявила о существовании и оформлении «Исламского государства», возможно, мало кто подумал, что эта организация может распространиться во всех в частях мира, особенно в Центральной Азии: группировка, состоящая из «Аль-Каиды» и некоторых офицеров режима Баасиста в Ираке с салафитско-ваххабитской экстремистской идеологией ислама.

Центральная Азия — Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан — регион, который является одной из самых важных частей мира, унаследованной от Шелкового пути и моста между Европой и Азией, а также Северной и Южной Азией. Благодаря открытию подземных источников энергии, таких как нефть и газ, Центральная Азия становится все более важным регионом, в котором доминировал бывший Советский Союз до 1992 г., и после распада СССР регион стремился обрести независимость. Однако крах СССР привел к тому, что регион был рассмотрен мощными странами мира и оказался в центре их конкуренции, поскольку, с одной стороны, Центральная Азия имеет особые геостратегические аспекты (из-за источника энергии и передачи этой энергии странам России, Китая, Европы, Кавказа и Индийского океана), специфику геополитики и геоэкономики, а с другой — представляет собой особый вакуум.

Из-за своего географического положения регион играет важную роль в глобальной политике. Будучи расположенным в сердце Евразии и являясь одним из транзитных путей в мире, многие из стран (Иран, Россия, Турция, Индия, Китай и США) стремятся доминировать в этих районах [3].

Регион предоставляет хорошую возможность некоторым трейдерам торговать прибыльными товарами: оружием, наркотиками и т.д. Иными словами, размещение этой области в русле торговли, особенно в торговле оружием и наркотическими товарами, обеспечивают платформу для конкуренции неправительственных субъектов, и этот фактор может служить основанием для присутствия ИГИЛ в регионе. Распространение коррупции в правительстве, плохое управление, а также политическая и экономическая нестабильность являются одними из важных факторов, которые привели к

распространению экстремизма и проникновению террористических групп в регион.

Регион в целом страдает от нищеты, безработицы, неграмотности, экстремизма и религиозного фундаментализма. Помимо бедности, в странах этого региона среди людей широко распространена неграмотность. Существует неграмотность и невежество в восприятии религии в мировоззрении обычных людей и даже клириков. Многие экстремисты, обманутые и сами применяющие обман, легко используют религиозные чувства людей для вербовки их в свои группы. Чтобы предотвратить это, государственные деятели этих стран стремятся деизоллировать и секуляризовать политические и социальные дела. Например, Э. Рахмон с запретом на исламские символы и знаки (включая запрет на ношение мужчинами бороды, запрет на арабские имена для детей). Вполне вероятно, что эти меры являются еще одним способом радикализации [4].

Другим фактором присутствия ИГИЛ в Центральной Азии может быть широкомасштабная экономическая и социальная бедность, поскольку страны региона имеют слабую и хрупкую экономику, высокую инфляцию, бедность и т.д. после обретения независимости. Бедность среди стран региона такова, что она привлекает внимание многих аналитиков, проводящих исследования в этой области. Среди этих стран — Узбекистан, где наблюдается высокий уровень безработицы. Как и в других странах Центральной Азии, Кыргызская республика имеет бедное население, люди сталкиваются с нехваткой продовольствия и недоеданием. Бедность вызвала большую уязвимость перед остальными странами. Можно говорить о широком присоединении многих бедных людей в этом районе к группе ИГИЛ: нищета и безработица являются одним из важнейших факторов привлечения большого числа людей в

этом регионе, особенно молодежи, к террористическим течениям [5].

Фундаментализм — еще один феномен, существующий в этом регионе, который во многих случаях является причиной бедности. В начале 1990-х гг. некоторые экстремистские группировки вышли из борьбы против светских правительств в регионе, в частности в Ферганской долине, чтобы скрыть свою деятельность. Некоторые аналитики объясняют причины распространения экстремизма в этом регионе экономическими неудачами, авторитаризмом правителей, отделением религии от политики и крайними религиозными ограничениями. Некоторым партиям, включая «Хизб-ут-Тахрир» и «Исламский джихад», было запрещено работать в этом районе, и их присутствие было объявлено незаконным. Однако многие люди, особенно молодежь, поддерживают эти партии и присоединяются к экстремистским партиям и группам, особенно из-за бедности и несправедливости в распределении богатства, неграмотности среди многих людей, в том числе священнослужителей в исламе. Другими словами, распространение ИГИЛ в Центральной Азии и тенденция присоединения некоторых мусульман в регионе к ИГИЛ объясняется отсутствием развития исламской мысли [6].

Еще одной областью, которая способствовала присутствию ИГИЛ в Центральной Азии, является сфера деятельности ваххабитов Саудовской Аравии. Саудовская Аравия путем строительства религиозных школ, пожертвования мусульманам-суннитам, религиозным миссионерам в Центральной Азии, особенно в Ферганской долине, и ваххабизма, распространяемого на паломников хаджа мусульманам этого региона, ведет пропаганду ваххабизма в регионе с начала 1990-х гг. Идея ваххабизма во многом созвучна идеям ИГИЛ.

В то время как крупные международные участники борются с ИГИЛ в Сирии, группа обращается к таким областям, как Северная Африка, Южная

Азия, Афганистан. Среди этих регионов Центральная Азия имеет особое геополитическое и стратегическое положение, и, по словам пресс-секретаря МИД России М. Захаровой, Центральная Азия является «страной мечты группы ИГИЛ» [7].

Кроме того, присутствие Пакистана и Афганистана в этом регионе увеличило его значение, особенно для террористических групп. Таким образом, одна из целей ИГИЛ — усилить влияние в регионе. Иными словами, ИГИЛ хочет создать большую провинцию в регионе Западной Азии под названием Хорасан, в которую входят Афганистан и Пакистан, с присутствием в Центрально-Азиатском регионе. Создание провинции Хорасан, помимо двух стран, может также включать несколько государств Центральной Азии. С другой стороны, Центрально-Азиатский регион как мост связывает три региона: Азию, Европу и Восточную Азию — и играет важную стратегическую и геополитическую роль. Кроме того, наличие в этих регионах нефтяных и газовых ресурсов увеличило значение этого региона. Важность ресурсов в этой области такова, что она создала конкуренцию между могущественными странами. Поэтому можно сказать, что наличие богатых нефтегазовых ресурсов и стратегическое положение являются важными факторами, которые привлекли внимание ИГИЛ к этому региону, а контроль над источниками энергии и транзитом здесь может стать важной целью ИГИЛ на данной территории [8].

Еще одна цель для ИГИЛ в Центральной Азии — ее более тесная близость к РФ и влияние на безопасность России. ИГИЛ также использует для этого русскоязычные СМИ («Канал Евфрата» и др.). В связи с этим и учитывая нацеленность России на эту группировку, Центрально-Азиатский регион обеспечивает особую стратегическую позицию для ИГИЛ. С другой стороны, участие ИГИЛ и вербовка новых членов из региона намного удобнее и эффективнее, чем

такая деятельность в Афганистане и Пакистане, потому что люди этого региона более знакомы с русским языком и русской культурой. Так, некоторые из чеченских и дагестанских террористов и экстремистов, которые присоединились к ИГИЛ, наиболее склонны к тому, чтобы ввести Россию в состояние опасности [9].

Учитывая близость центральноазиатских государств к Исламской Республике Иран, ИГИЛ может сказать, что у нее есть долгосрочный план по подрыву страны. Иран является персидскоязычным шиитским сторонником иракских и сирийских правительств и выступает против экстремистских идеологий.

В дополнение к России и Исламской Республике Иран другой страной, которой угрожает присутствие и влияние ИГИЛ в Центральной Азии, является Китай. По словам соседей по Центральной Азии с Китаем, цель ИГИЛ — в воздействии Центральной Азии на Китай [10].

В июле 2014 г. Абу Бакр аль-Багдади обвинил Китай в преследовании мусульман и заявил, что «китайское правительство насильственно захватило мусульманские права» (2016 г.). По словам генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая С. Цзиньпина, более тысячи уйгуров присоединились к ИГИЛ и прибыли в Сирию. Китайское правительство также утверждает, что террористы пытаются создать «Исламское государство» в провинции Синьцзян.

Учитывая неадекватные экономические и культурные условия центральноазиатских стран, упомянутые выше в обсуждении, следует сказать, что жители этого региона страдают от нищеты и безработицы, что является источником их разочарования в действиях правительства.

С появлением группировки ИГИЛ одним из наиболее очевидных ее действий стала вербовка членов в регионе. Так, командующий таджикской полици-

ей Г. Халимов присоединился к ИГИЛ, хотя он был доверенным лицом имама А.А. Рахмана. Присоединившиеся к ИГИЛ угрожали не только Таджикистану, но и другим странам региона. Около 4 тыс. членов различных организаций Центральной Азии присоединились к ИГИЛ [11].

Следующие действия ИГИЛ в этой области связаны с экстремистами и террористическими группами в Центральной Азии, а также с Афганистаном и Пакистаном. Поскольку в этом районе и соседних с ним странах существует множество экстремистских групп, учитывая существующие условия, эти группы имеют больше свободы, чем в других областях, ИГИЛ пытается соединить их и привлечь в свои ряды [12].

Наиболее важными экстремистскими группами в Центральной Азии являются: Партия исламского возрождения и Исламская революционная партия (Таджикистан), «Хизб ут-Тахрир» и «Исламское движение» (в Узбекистане, которые являются наиболее активными исламистскими партиями в Центральной Азии) и партии в Казахстане. ИГИЛ так стремится привлечь в свои ряды некоторые группы талибов [13].

Еще одним из действий ИГИЛ в Центральной Азии являются террористические акты, посредством которых группировка пытается реализовывать свои цели. ИГИЛ вложило значительные средства в террористические акты, особенно в Центральной Азии. Фактически группа расширила сферу угроз в целях расширения своих террористических атак и, поощряя насилие посредством технологий, она стремится продвигать свои идеи. Отметим террористические нападения ИГИЛ в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане, а также в других странах Центральной Азии. Правительство Таджикистана в мае 2016 г. объявило об аресте некоторых членов ИГИЛ. Службы Национальной безопасности Кыргызстана также арестовали семь членов группы ИГИЛ в апреле 2017 г.,

которая планировала начать террористические атаки в стране [14].

Террористическая группировка ИГИЛ — новейшее и самое разнообразное террористическое объединение в мире, которое использует медиа- и другие технологии, чтобы репрезентировать себя, а также широко распространить насилие во всем мире. Группа, которая объявила о создании «Исламского государства» и халифата Садр-Салами в качестве своей центральной оси, пытается расширить свое влияние в различных географических регионах, включая Центральную Азию, для открытия многочисленных фронтов, шпионажа во всем мире и создания угроз безопасности в крупных странах. Фактически эта группа отличается от других террористических и экстремистских групп, стремящихся интернационализировать себя. Другими словами, стратегия ИГИЛ заключается в том, что оно не хочет, чтобы его воспринимали как небольшую группу, поэтому оно способствует усилению насилия и нападений на различные регионы, даже в самых мощных странах. Несмотря на свою неоднозначность в Ираке и Сирии, ИГИЛ усилило свое влияние в Центральной Азии. ИГИЛ нарушает безопасность в Ираке и Сирии, Северной Африке, Ливии, проводит бомбардировку в европейских странах, усиливает свое внимание к Балканам, проникло в Пакистан и Афганистан. Этот регион послужил основанием для присутствия и влияния группы из-за ряда условий, включая политическую и экономическую нестабильность, неэф-

фективность политики правительства, нищету, безработицу, слабость исламской мысли и поверхностное понимание ислама. Кроме того, Центральная Азия считает важным ее присутствие и влияние в силу своего потенциала и преимуществ. Этот район является одним из важнейших транзитных маршрутов в мире, который, благодаря обширным подземным ресурсам, уже давно является основой для конкуренции сверхдержав. С другой стороны, из-за важности транзита этот регион может предоставить возможность группе ИГИЛ торговать контрабандой товаров (наркотиками, оружием). Географическая близость региона к России, политика Китая, территория Пакистана и Афганистана, политические системы и неэффективное управление в странах Центральной Азии сделали группу способной проникать в другие районы и укреплять свои позиции. ИГИЛ даже создало русскоязычные каналы в регионе и продвигает свою идеологию среди народов этого региона и даже России. Из-за внутренних проблем в этих странах, включая нищету и безработицу, а также заманчивую ежемесячную зарплату, обещаемую «Исламским государством» своим наемникам, оно создало тревожную ситуацию неконтролируемого роста числа желающих присоединиться к ИГИЛ. Таким образом, можно прогнозировать увеличение присутствия ИГИЛ в этом районе, что может спровоцировать гражданские войны в регионе Центральной Азии и других ближневосточных регионах [15].

Литература

1. *Эбрахим Неджад М.* Исламское государство Ирак и Левант: анализ и мысли истории. — Душанбе: Дахлалам Ламдшлах Ахл аль-Баит, 2014.
2. *Бақши Ш., Бахари А.* Идеология исламского государства Ирака и Сирии (ИГИЛ). — Тегеран, 2014.
3. *Бахман Ш.* Проблемы и препятствия регионализма в Центральной Азии // Журнал Центральной Азии и Кавказа. — 2010. — № 69.
4. *Заре М.* Стратегические последствия связей ИГИЛ и Синьцзян-уйгуров для Китая. — Тегеран, 2015.

5. ИГИЛ угрожает 70 странам // Shia-News. — 2015. — 12 сент. — URL: www.shia-news.com/fa/news/99180 (дата обращения: 26.09.2018).
6. Кулами Р. История современного халифата. Халифатная лихорадка: ИГИЛ, Дамаск, Аль-Каида. — Тегеран, 2015.
7. Фаржи М. Центральная Азия ищет независимую идентичность // Журнал Центральной Азии и Кавказа. — 2008. — № 62.
8. Мустафа Х. ИГИЛ, эпистемическая и структурная инфраструктура. — Тегеран: Институт культурного и художественного поклонения, 2015.
9. Назари, Али ашраф, Ал-Самари, Абдул-Азим. Чтение исламской государственной идентичности в Ираке и Леванте (ИГИЛ). Понимание интеллектуального и политико-социального контекста // Журнал политологии. — 2015. — № 68.
10. Хуши, Садат, Сайед Мохаммад. ИГИЛ; Наследие западно-арабской политики. Исследовательский центр Исламской консультативной ассамблеи. — Тегеран, 2014.
11. Международная кризисная группа, (2015), Сирия вызывающая: радикализация в Центральной Азии // Брифинг Крайсис Груп, Европа и Центральная Азия. — 2015. — № 72.
12. Salama Basma (2016). The Resilience of the Islamic State, Schriftenreihe der Landesverteidigungsakademie, Institut für Friedenssicherung und Konfliktmanagement.
13. Four ISIS Supporters Detained in Tajikistan for Plotting Terror Attacks on 'Victory Day' // Abna24. — 2016. — May 10. — Available in: <http://en.abna24.com/service/central-asia-subcontinent/archive/2016/05/10/753392/story> (accessed 29.09.2018).
14. Tajikistan Police Chief Defects to Isis // Guardian. — 2015. — May 28. — Available in: <http://www.theguardian.com/world/2015/may/28/tajikistan-police-chief-defects-to-isis> (accessed 27.09.2018).
15. For ISIS to Survive, it Needs Support From Allies: Turkey, Qatar, Saudi Arabia and The US // RT. — 2016. — Available in: <https://www.rt.com/op-edge/337351-isis-survive-us-terrorism> (accessed 24.09.2018).

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ КУЛЬТУРНУЮ ДИПЛОМАТИЮ США

Аннотация

В статье рассматриваются направления деятельности негосударственных институтов США по реализации внешней культурной политики. Большую роль в распространении американской культуры играют филантропические фонды, которые стали своеобразным институтом для реализации «мягкой силы» США. Фонды занимаются разработкой направлений внешнеполитического курса, пропагандой американской культуры, подготовкой зарубежных кадров для осуществления деятельности американских фондов в других странах. Современный мир уже невозможно представить без стремительной глобализации, благодаря которой новыми акторами в международных отношениях стали транснациональные корпорации. Именно ТНК являются главными носителями информационных технологий и важнейшим инструментом осуществления культурной дипломатии как Соединенных Штатов, так и других стран мира.

Ключевые слова: неправительственные институты, культурная дипломатия, Соединенные Штаты Америки, «мягкая сила», транснациональные корпорации, благотворительные фонды.

Автор

Полетаев Матвей Романович

Магистрант кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества факультета международного регионоведения и регионального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)

На сегодняшний день культурная дипломатия играет довольно важную роль в развитии международных отношений и мировой политики. Этому понятию уделяется все больше внимания со стороны различных стран, международных и неправительственных организаций и других акторов. Подобная тенденция вызвана рядом причин, такими как стремление государств создать позитивный имидж своей страны, расширение международного сотрудничества, изменение мировой и внутривнутриполитической обстановки,

защита национальных интересов, предотвращение конфликтов между государствами и т. д.

Но стоит отметить, что сегодня взгляд большинства политологов и экспертов в области международных отношений устремлен на внешнюю политику Соединенных Штатов Америки, которые с каждым годом усиливают влияние не только в своем регионе, но и в мировом масштабе. Тем самым США улучшают свой имидж, что положительно сказывается на уровне деятельности культурной дипломатии данной страны.

Значение деятельности филантропических фондов и спонсорских организаций в культурной дипломатии США

Одной из ключевых особенностей, которую имеют благотворительные фонды США, является хорошее финансирование, которое позволяет строить учебные заведения, реализовывать различные научные программы и проекты [3].

Стоит отметить, что на сегодняшний день филантропические фонды являются опорой для американской сферы культуры и одним из негосударственных институтов, который реализует культурную политику как внутри США, так и за пределами страны. Рассмотрим деятельность некоторых фондов подробнее.

Фонд Джона и Кэтрин Макартуров — благотворительная организация, целью которой является поддержка креативных людей, которые стремятся формировать справедливый и безопасный мир [9]. Помимо этого, фонд занимается поддержкой проектов по защите прав человека, международной безопасности и охране окружающей среды. Фонд Макартуров также поддерживает научные исследования, помогает в просветительской деятельности и развитии творческого потенциала людей по всему миру. Одной из ключевых программ организации является Программа по СМИ, культуре и специальным инициативам, которая направлена на поддержку средств массовой информации по всему миру, исследование цифровых технологий и выдачу грантов другим организациям, которые работают в культурной сфере.

В 2017 г. Фонд выплатил гранты в общем размере 256,5 млн долл. США и инвестировал в организации и частный бизнес как в Соединенных Штатах, так и во всем мире. Фактические денежные выплаты варьируются от года к году в зависимости от размера денежных поступлений. В 2016 г. благотвори-

тельные расходы Фонда Макартуров составили 45,7 млн долл. США [9].

За всю свою 40-летнюю историю Фонд присудил более чем 6,8 млрд долл. США около 10 тыс. организаций и творческих людей из 116 стран мира и всех 50 штатов Америки.

Фонд функционировал в России с 1991 по 2015 г. За это время на развитие российских программ было выделено около 140 млн долл. США.

Фонд Born This Way Foundation (BTWF) — благотворительная организация, основанная в 2011 г. американской певицей Леди Гагой и ее матерью Синтией Джерманоттой. Фонд работает в партнерстве с Гарвардским университетом и Фондом Макартуров. Задача фонда — «...содействовать становлению более терпимого и безопасного общества, где принимаются отличия и приветствуется индивидуальность, такого сообщества, которое помогает объединить людей по всему миру с навыками и возможностями, необходимыми для создания доброго и храброго мира» [5]. В 2015 г. Фонд присоединился к кампании «It's on us», организованной Б. Обамой и Советом Белого дома, по повышению осведомленности и борьбе с сексуальными домогательствами в колледжах и университетах в США и других странах, на которую из бюджета было выделено 430 млн долл. США (в 2016 г. — 473,5 млн долл. США) [5].

В июне 2017 г. американская компания Staples Inc. перечислила 1 млн долл. США в BTWF для развития совместной программы, которая нацелена на помощь учащимся и преподавателям школьными принадлежностями и всем необходимым для достижения высоких результатов в учебе [11]. Данная программа также включает в себя поставку питания в школы, финансирование образовательных проектов как внутри страны, так и за рубежом.

DonorsChoose — некоммерческая спонсорская организация, которая занимается финансированием школьных проектов. Основанная в 2000 г.

бывшим преподавателем общеобразовательной школы Чарльзом Бестом, *DonorsChoose.org* была одной из первых краудфандинговых платформ подобного рода. Более того, ежегодно с 2005 г. организация получает самое высокое место в рейтинге от *Charity Navigator* (агентство, которое занимается оценкой благотворительных и спонсорских организаций).

Согласно годовому отчету компании, в 2016 г. было потрачено около 100 млн долл. США на реализацию школьных проектов [7].

В январе 2018 г. было официально объявлено, что с момента создания организации *DonorsChoose* было профинансировано около 1 млн образовательных проектов.

Фонд Рокфеллера — американский благотворительный фонд, основанный в 1913 г. Уже на протяжении более 100 лет Фонд Рокфеллера объединяет людей во всем мире для решения самых сложных проблем любого характера и повышения благосостояния человечества. Сегодня неприемлемо, что этих проблем так много. Вот почему Фонд Рокфеллера борется за обеспечение основ человеческого благополучия: здоровья, пищи, энергии, рабочих мест — чтобы они стали доступны всем и каждому в мире.

Фонд предоставляет гранты и стипендии за глобальные научные проекты и творческие программы [12]. Помимо этого, фонд уделяет особое внимание проблемам развивающихся стран, глобальным проблемам (охрана окружающей среды), проблемам образования и здравоохранения.

Согласно годовому отчету за 2016 г., капитал фонда составляет 4,1 млрд долл. США.

Фонд Форда — американский благотворительный фонд, целями которого являются укрепление ценностей демократии, снижение уровня бедности и социальной несправедливости и развитие глобального сотрудничества

[6]. Организация стремится устранять дискриминацию по признакам пола, расы, вероисповедания, осуществлять принцип равных возможностей и развивать плюрализм во всем мире.

В рамках своих стипендиальных программ Фонд Форда стремится повышать количество студентов из колледжей и университетов, увеличив их этническое и расовое разнообразие.

Капитал Фонда Форда составляет около 12 млрд долл. США. Это означает, что ежегодно на благотворительные программы тратится около 600 млн долл. США. Остальные деньги фонда приходятся на акции, частный акционерный капитал, недвижимость и венчурный капитал.

Институт «Открытое общество» — международная благотворительная организация, основанная бизнес-магнатом Джорджем Соросом в 1993 г. Фонды «Открытое общество» оказывают финансовую поддержку группам гражданского общества во всем мире с целью развития правосудия, образования, общественного здравоохранения и независимых средств массовой информации [1].

Институт имеет свои представительства в 37 странах.

С момента своего основания Институт «Открытое сообщество» потратил на благотворительность в общей сумме более 11 млрд долл. США [1]. Эти деньги присуждались в качестве грантов на развитие демократии в различных странах, здравоохранения, прав человека, образования и т.д. Для защиты прав человека, в частности прав женщин, этнических, расовых и религиозных меньшинств, было выделено в общей сложности более 2,4 млрд долл. США. Около 1,9 млрд долл. США было направлено на поддержку образовательных проектов во всем мире [1].

Целевой капитал Института «Открытое общество» составляет 19,6 млрд долл. США, что делает его вторым по величине филантропическим фондом

США после Фонда Билла и Мелинды Гейтс (с капиталом в 40 млрд долл. США) [1].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что американские филантропические фонды и спонсорские организации оказывают как политическое, так и экономическое влияние на международные отношения. Именно эти организации на сегодняшний день приносят самые крупные дивиденды капиталу Соединенных Штатов.

И, рассмотрев несколько примеров подобных благотворительных фондов, мы можем выделить их общие основные направления деятельности: разработка внешнеполитической стратегии США, идеологическая пропаганда, поиск и подготовка кадров для работы в штатах и за рубежом [3].

Также хотелось бы отметить, что деятельность этих фондов представляет собой взаимосвязь и взаимозависимость экономических, культурных и геополитических факторов во внешней политике США.

Культурная политика транснациональных корпораций

В 2014 г. Д. Най, выступая перед Палатой лордов в Великобритании, заявил, что государства теряют свою власть, поскольку негосударственные акторы играют все более значительную роль и имеют все большее влияние на мировой арене.

Действительно, сегодня именно транснациональные корпорации (ТНК) представляют собой один из важнейших институтов в ведении культурной дипломатии США.

Транснациональная корпорация — это компания, которая имеет свои представительства в нескольких странах, но вся деятельность регулируется и контролируется одним централизованным головным офисом в стране происхождения.

На сегодняшний день в международных отношениях так много действу-

ющих акторов, что власть хаотично распространилась среди этих участников. И, как утверждает Д. Най, «...мировая политика сегодня подобна трехмерной шахматной игре» [10]. Правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации и т.д. сейчас являются основными игроками в международных отношениях. Но достичь гармоничного множества действующих субъектов в международных отношениях не так просто.

Неправительственные акторы, в частности, бизнес-корпорации и организации, производят и продают продукцию. После захвата рынков в своих странах они начинают распространять товары на региональном и глобальном уровнях [2]. Рост транснациональных корпораций способствовал развитию перевозок по всему миру, а международное разделение труда, развитие глобальных транспортных сетей и рост объемов международной торговли привели к интернационализации товаров, и сегодня тенденция такова, что осталось мало продукции, которая от начала и до конца производилась бы в каком-либо одном государстве.

Более того, после этого компании сосредоточили свое внимание на сохранении их общественной репутации и укреплении их общественной привлекательности. Каждый год мировые бренды функционируют как инструменты «мягкой силы», чтобы привлекать людей к своей продукции. Но иногда возникают проблемы с репутацией корпораций, которые угрожают сбыту продукции в будущем. В этих случаях корпорации должны попытаться выяснить, в чем проблема, в чем нуждаются люди и как решить эту проблему. При использовании «мягкой силы» корпорации не могут и не должны пренебрегать потребностями людей. Например, в наши дни людям стало известно о низком спросе на продукты корпорации «McDonald's» из-за вреда здоровью, и теперь люди стараются не есть фаст-фуд. Компании, которые рас-

пространяют подобную информацию о вреде «Макдональдса», фактически меняют мышление людей и это становится социальной тенденцией, которая разрушает глобальную репутацию компаний [2].

Кроме того, известные американские бренды создают свои собственные ценности, которые оказывают большое влияние на сознание и культуру зарубежных потребителей. Например, такие американские ТНК, как Apple, Microsoft, Google, Coca-Cola, IBM, McDonald's и др. являются косвенными проводниками ценностей, которые отстаивают как сами компании, так и США. Таким образом, ТНК формируют собственную культурную дипломатию, становясь агентами влияния Соединенных Штатов, которые, в свою очередь, используют транснациональные корпорации в качестве рычагов влияния и инструментов «мягкой силы» [2].

Нельзя также не упомянуть Интернет, который сегодня является основным инструментом осуществления политики для неправительственных организаций и транснациональных корпораций, который помогает им реализовывать свою «мягкую силу». Например, такие социальные сети, как Facebook, Twitter, Instagram и др., помогают компаниям собирать данные своих клиентов, которые впоследствии могут быть изучены и оценены работниками компании [3]. Это помогает увидеть проблемы, предпринять шаги для их решения, создать новые методы ведения бизнеса, использовать инструменты «мягкой силы», привлечь новых людей, а также сохранить доверие к компании. Поэтому Интернет работает как мощный политический и экономический рычаг в новом тысячелетии.

Более того, руководства американских транснациональных компаний создают в коллективах, работающих за рубежом, специфическую организационную культуру, что, по сути, также может рассматриваться как компонент культурной дипломатии и инструмент

осуществления «мягкой силы». ТНК подобным образом буквально возвращают в своих сотрудниках такие поведенческие наклонности, которые характерны для американского общества. В качестве примера можно привести метод «тимбилдинга», который начал активно применяться в 1940-х гг. в Америке для развития командной работы и поддержания командного духа и сегодня практикуется многими компаниями по всему миру [3].

Также необходимо отметить тот факт, что в отличие от негосударственных (общественных) организаций, сложно выявить источники финансирования транснациональных корпораций, поскольку последние ориентированы на получение прибыли вне политики. Более того, сами транснациональные корпорации позиционируют себя в основном как «нейтральные игроки», при этом распространяя западные критерии оценки, и не признают «мягкую силу» идеологическим инструментом.

Нельзя сказать, что «мягкая сила» американских ТНК нацелена на американизацию зарубежных государств, но некоторое политическое давление со стороны США на транснациональные компании все же есть. Например, в декабре 2014 г., после обновленных санкций США против Крыма, на территории полуострова было приостановлено оказание услуг со стороны платежных систем Visa и MasterCard. Свой отказ в обслуживании клиентов в Крыму компании объяснили запретом властей Соединенных Штатов [4]. Также в январе 2015 г. компания Apple прекратила работу в Крыму в соответствии с санкциями в отношении полуострова (компания перестала продавать свою продукцию в Крыму, предоставлять услуги и прекратила сотрудничество с разработчиками).

Подобные атаки заставляют также более глубоко понимать значение и влияние, которое оказывает «мягкая сила» США на информационную безопасность других стран, задуматься о гра-

мотном и эффективном использовании инструментов культурной дипломатии, поскольку продвижение национальных культурных ценностей является важной составляющей обеспечения безопасности общества государства.

Быстрое развитие и огромное влияние американских транснациональных корпораций можно назвать феноменом «неоколониализма» [8], целью которого является установление контроля над другими странами. Достаточно посмотреть на статистику: в списке 20 крупнейших транснациональных компаний 9 из них являются американскими. И более того, вся сила производства этих компаний сосредоточена не в США, а в других странах. США не оккупируют ни одну страну и не используют имперскую власть для захвата

земель или территорий, но Америка остается мощнейшим государством как в экономическом и политическом, так и в культурном отношении [10]. Это означает, что сегодня самая эффективная сила — это «мягкая сила», а основными действующими акторами могут быть только транснациональные корпорации [10].

И можно сделать вывод о том, что те примеры «мягкой силы» с использованием управленческих, рекламных и психологических инструментов, которые демонстрируют американские ТНК, показывают, что международный вектор бизнеса в контексте культурной дипломатии может быть важнейшим источником влияния США на мировой арене.

Литература

1. Институт «Открытое общество» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.opensocietyfoundations.org>, свободный (дата обращения: 19.04.2018).
2. Сургуладзе В.Ш. Глобальные бренды как проводники и носители «мягкой силы» // Проблемы национальной стратегии. — 2015. — № 3 (30). — С. 163–188.
3. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: Монография. — М.: РУДН, 2010. — 212 с.
4. MasterCard вслед за Visa прекратил обслуживание своих карт в Крыму [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/26/12/2014/549d8f9e9a7947890bab4b58>, свободный (дата обращения: 9.05.2018).
5. Born This Way Foundation [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bornthisway.foundation>, свободный (дата обращения: 20.04.2018).
6. Ford Foundation [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fordfoundation.org>, свободный (дата обращения: 19.04.2018).
7. FY2017–2016 Financial Statements [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://storage.donorschoose.net/dc_prod/docs/DonorsChoose.org-FY-2017-Financial-Statements.pdf?v=1512400243966, свободный (дата обращения: 19.04.2018).
8. Ruggie J.G. Multinationals as global institution: Power, authority and relative autonomy // Regulation & Governance. — 2017. — № 2. — С. 10–12.
9. John D. and Catherine T. MacArthur Foundation [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.macfound.org>, свободный (дата обращения: 19.04.2018).
10. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. — N.Y.: Public Affairs, 2004. — 192 p.
11. Staples Announces \$2 Million Donation to DonorsChoose.org and Born This Way Foundation [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.staples.com/press-release/back-school/staples-and-lady-gagas-born-way-foundation-promote-positive-classroom-expe>, свободный (дата обращения: 19.04.2018).
12. The Rockefeller Foundation [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rockefellerfoundation.org>, свободный (дата обращения: 19.04.2018).

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ БРИКС: ПУТЬ К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ

Аннотация

Новый миропорядок должен формироваться с учетом постепенного смещения ценностей. Современные центры силы должны конкурировать не только по количеству природных ресурсов и боеспособности, но и по результативности решения гуманитарных проблем человечества: нищеты, голода, социальной маргинализации, неравенства, инфекционных заболеваний, неграмотности, потери культурного разнообразия и др. В статье на примере гуманитарного сотрудничества в формате БРИКС показана связь между политикой «мягкой силы» и процессом становления полицентричного мироустройства.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество, «мягкая сила», трансрегиональные международные организации, БРИКС, полицентризм, центры силы.

Автор

Хаткевич Александра Анатольевна

Студентка факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

За последние несколько десятилетий гуманитарное сотрудничество стало неотъемлемой частью международных отношений. Укрепление гуманитарных связей между государствами мира является основополагающим элементом политики «мягкой силы». Согласно национальной политической энциклопедии, гуманитарное сотрудничество «имеет целью сохранение жизни на Земле, создание благоприятных условий для образа жизни, достойного человека, содействие развитию способностей людей всех стран, регионов и континентов» [2]. Примечательна формулировка «всех стран, регионов и континентов», которая подчеркивает, что важный принцип гуманитарного сотрудничества — всеобщность, то есть стремление охватить все человечество. Данная идея близка с концепциями многополярности и полицентризма. Следует сразу разграничить эти два понятия. Многополярность предполагает наличие отдельных эко-

номических, политических, военных и цивилизационных полюсов, а полицентризм — центров силы, сочетающих несколько видов полюсов [7].

Одним из механизмов перехода к полицентричной модели мира являются трансрегиональные международные организации и объединения. Лидеры стран одного из ведущих, активно развивающихся международных клубов — БРИКС — в июле 2018 г. встретились на юбилейном десятом саммите в Йоханнесбурге (Южно-Африканская Республика).

Международное объединение было основано в июне 2006 г. в рамках Петербургского экономического форума с участием четырех стран: Бразилии, России, Индии, Китая — и получило название БРИК (BRIC). В дальнейшем, после присоединения ЮАР в 2011 г., международный клуб стал носить название БРИКС (BRICS).

В настоящее время деятельность БРИКС многогранна: она охватывает

политическую, экономическую, социальную и духовную сферы жизни общества. Стоит отметить, что изначально организация была нацелена в основном на экономическую интеграцию стран для преодоления мирового финансово-экономического кризиса, обострившегося в 2008 г., и его последствий. В дальнейшем объединение начало приобретать политический характер. Совместная работа по вопросам гуманитарного сотрудничества велась членами организации не так активно, как по вопросам мировых экономических и политических процессов, но тем не менее в этом направлении организации удалось добиться некоторых результатов.

Именно сейчас, после X саммита БРИКС, актуально подвести промежуточные итоги работы организации и определить, какова роль гуманитарного сотрудничества стран БРИКС в построении нового миропорядка. Для этого необходимо:

- сделать обзор статей документов, принятых по итогам каждого из саммитов, в которых затрагиваются области гуманитарного сотрудничества;
- оценить возможности государств БРИКС стать центрами силы по каждому из аспектов;
- выделить направления гуманитарного сотрудничества в рамках БРИКС;
- систематизировать информацию о реализуемых в этих направлениях проектах;
- выявить вклад данных проектов в формирование стран БРИКС как новых центров силы.

Важнейшими проектами международного гуманитарного сотрудничества начала XXI в. стали программы Организации Объединенных Наций «Цели развития тысячелетия» и «Цели устойчивого развития». Необходимость достижения этих целей нашла отражение в совместных заявлениях и декларациях стран БРИКС. Кроме того,

в итоговых документах часто фиксируются взгляды государств организации на совместное сотрудничество в области науки, образования, культуры, а также продвигаются идеи всеобщего гражданского равенства. Рассмотрим значимые положения, связанные с гуманитарным сотрудничеством и отраженные в итоговых документах каждого из десяти саммитов организации.

В Совместном заявлении лидеров стран БРИК (Россия, 2009), принятом по итогам I саммита в Екатеринбурге, подчеркивается, что финансовый кризис не должен препятствовать достижению Целей развития тысячелетия, что справедливый миропорядок основан «на верховенстве международного права, равноправии, взаимном уважении». Государства БРИК подтверждают готовность развивать сотрудничество «в социально значимых областях и укреплять усилия по предоставлению международной гуманитарной помощи и уменьшению опасности стихийных бедствий» [5].

Совместное заявление глав государств и правительств стран — участниц II саммита БРИК (Бразилия, 2010) содержит призыв к международному сообществу «предпринять все необходимые усилия для борьбы с бедностью, социальной маргинализацией и неравенством». В документе выражается поддержка инициативы ООН «Альянс цивилизаций» [5].

В 2011 г. к организации присоединилась Южно-Африканская Республика, поэтому особое внимание БРИКС стало уделять проблемам африканского континента. Согласно Саньянской декларации (Китай, 2011) III саммита, искоренение крайней нищеты «является этическим, социальным, политическим и экономическим императивом человечества и одной из важнейших глобальных задач, стоящих сегодня перед миром, особенно в наименее развитых странах Африки и других регионах» [5]. В декларации 2011 г. новой областью сотрудниче-

ства в формате БРИКС было провозглашено здравоохранение.

В Делийской декларации (Индия, 2012), принятой на IV саммите, в плане гуманитарного сотрудничества поддерживается расширение каналов связи, программ обменов и контактов между людьми в рамках БРИКС, в том числе в области молодежных обменов, образования, культуры, туризма и спорта [5].

Этеквинская декларация (ЮАР, 2013) по итогам V саммита «БРИКС и Африка: партнерство в целях развития, интеграции и индустриализации» из-за ухудшения гуманитарной ситуации в Сирии, Мали и Центрально-Африканской Республике призывает предоставить беспрепятственный доступ для оказания гуманитарной помощи этим государствам [5].

В Форталезской декларации (Бразилия, 2014) обращено внимание на «важность учета гендерных аспектов в рамках усилий по предотвращению и урегулированию конфликтов, миростроительству, поддержанию мира, восстановлению и реконструкции» [5]. На VI саммите было подтверждено решение о создании сетевого Университета БРИКС.

По итогам VII саммита в Уфимской декларации (Россия, 2015) по случаю семидесятой годовщины окончания Второй мировой войны страны БРИКС взяли на себя обязательство «решительно отвергать продолжающиеся попытки искажения итогов Второй мировой войны» [5].

В Декларации Гоа (Индия, 2016) государства БРИКС заявили, что обязуются «подавать пример в реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. с учетом национальных условий и контекста развития в соответствии со спектром политических возможностей» [5].

Гуманитарный аспект сотрудничества был обозначен в Сямэньской декларации (Китай, 2017), где страны отметили, что придают «большое

значение культурному разнообразию, которое является достоянием сотрудничества в рамках БРИКС», и подчеркивают «роль культуры и культурного разнообразия в поощрении устойчивого развития» [5].

В Йоханнесбургской декларации X саммита (ЮАР, 2018) лидеры стран БРИКС «признали необходимость ускорения перехода на использование альтернативных источников энергии, в том числе в сфере транспорта, теплоэнергетики и промышленности», «с удовлетворением отметили прогресс в укреплении сотрудничества и взаимодействия между их народами посредством гуманитарных обменов, включая Совет экспертных центров, Академический форум, Гражданский форум, Форум молодых дипломатов, Молодежный форум, Форум молодых ученых» [5].

Можно предположить, что каждая из стран БРИКС является определенным полюсом. По классификации, представленной в материалах конференции «Футурологический конгресс: будущее России и мира», экономические полюса — это «большая семерка золотого миллиарда» и «семерка полупериферийных государств», военные — члены Ядерного клуба, цивилизационные — страны с ярко выраженной цивилизационной идентичностью и спецификой национального менталитета, политические — политически самодостаточные государства, способные контролировать обширное геополитическое пространство [7]. К экономическим полюсам относятся Бразилия, Россия, Индия и Китай, к военным — Россия, Индия и Китай. Согласно многим источникам, Россия и Китай относятся к политическим полюсам.

Если ориентироваться на общепринятые классификации А. Тойнби, О. Шпенглера и Н. Данилевского, то отдельными цивилизациями являются Россия, Индия и Китай [3; 6; 9]. По С. Хатингтону, Бразилия принадлежит

к латиноамериканской цивилизации [8], ЮАР — к африканской [8], поэтому эти страны также можно считать цивилизационными полюсами. Россия и Китай аккумулируют в себе все аспекты центров силы (экономический, политический, военный, цивилизационный), Индия — три из четырех аспектов. Экономика Бразилии и ЮАР бурно развивается, увеличивается их активность в принятии общемировых решений, и в будущем данные государства можно будет отнести к экономическим и политическим полюсам.

Таким образом, на статус центров силы, наряду с США и ведущими государствами Европейского Союза, в настоящее время могут претендовать только Россия и Китай, но для перехода к справедливому мироустройству этого недостаточно. В идеальной модели мира центрами силы должны стать сильнейшие державы каждого крупного макрорегиона или объединения небольших макрорегионов. Индия, исходя из ее текущей активности в ООН, в перспективе сможет приобрести качества политического полюса и тоже стать центром силы. Бразилия и ЮАР — ведущие страны своих континентов, и именно они имеют право представлять интересы Южной Америки и Африки в глобальных политических процессах. Однако трансформации Бразилии и ЮАР в полноценные центры силы препятствует тот факт, что они, по официальным данным, не обладают ядерным оружием. Для формирования государства в качестве военного полюса требуются огромные ресурсы.

Ввиду этого постепенно назревает необходимость создания альтернативных критериев центров силы, которые дополнили бы существующие. Разумно будет посмотреть на четыре аспекта центров силы: экономический, военный, цивилизационный и политический — сквозь призму набирающих популярность гуманистических ценностей. Критерии центров силы,

переведенные в плоскость концепции культуры мира, разработанной ООН на рубеже XX и XXI вв., частично совпадают с направлениями международного гуманитарного сотрудничества, в том числе в формате БРИКС. Принципы культуры мира — практический отказ от насилия посредством образования, диалога, сотрудничества, уважение и поощрение права на развитие, уважение, поощрение равных прав и возможностей женщин и мужчин, культурное разнообразие [4].

Рассмотрим таблицу. В первой строке представлены направления гуманитарного сотрудничества, заявленные странами БРИКС, во второй — аспекты центров силы, которые частично соответствуют данным направлениям. Это соответствие можно обосновать прежде всего общностью конечных целей.

Центры силы должны быть экономически развитыми, чтобы повышать качество жизни населения планеты, ведь идея социально ориентированной экономики достаточно популярна в наши дни; эту же цель преследуют страны БРИКС, оказывая помощь государствам с трудной гуманитарной ситуацией, работая в сфере ресурсосбережения и здравоохранения.

Главный признак военного полюса — наличие ядерного оружия, которое является основным рычагом сдерживания масштабных военных действий; еще одним средством предотвращения военных конфликтов может стать искоренение дискриминации по расовому, этническому, религиозному и другим признакам, к этому стремятся все страны БРИКС.

Цивилизационная идентичность и специфический менталитет нужны для сохранения культурного разнообразия мира и противодействия процессу радикальной культурной глобализации.

Политический аспект центра силы проявляется в возможности государства оказывать значительное влияние на принятие общемировых решений.

	Улучшение качества жизни населения мира	Противодействие разным видам дискриминации	Сохранение культурного разнообразия	Публичная дипломатия
1. Направление гуманитарного сотрудничества стран БРИКС	Улучшение качества жизни населения мира	Противодействие разным видам дискриминации	Сохранение культурного разнообразия	Публичная дипломатия
2. Соответствующий аспект центров силы	Экономический	Военный	Цивилизационный	Политический
3. Документально закреплённые планы и цели	<ul style="list-style-type: none"> - искоренение крайней нищеты, - поиск альтернативных источников энергии, - повсеместное развитие системы здравоохранения 	<ul style="list-style-type: none"> - борьба с социальной маргинализацией и неравенством, - учет гендерных аспектов в под-держании мира 	<ul style="list-style-type: none"> - Культурный обмен 	<ul style="list-style-type: none"> - укрепление сотрудничества посредством гуманитарных политических обменов, - создание положительного имиджа организации в мире
4. Совместные проекты	<ul style="list-style-type: none"> - консультативное совещание БРИКС по Ближнему Востоку и Северной Африке, - Профсоюзный форум, - БРИКС плюс, - встречи министров труда и занятости, - сетевой университет, - конкурс исследовательских проектов, - форум молодых ученых, - водный форум, - встречи министров здравоохранения, - международное телемедицинское сообщество 	<ul style="list-style-type: none"> - семинар-совещание молодых лидеров, - гражданский форум 	<ul style="list-style-type: none"> - Ассоциация художественных музеев и галерей, - фестиваль театральных школ, - кинофестиваль стран БРИКС, - симфонический оркестр БРИКС без дирижера, - Альянс сотрудничества библиотек, - Ассоциация детских и юношеских театров 	<ul style="list-style-type: none"> - форум молодых дипломатов, - молодежный саммит
5. Результаты	<ul style="list-style-type: none"> - увеличение гуманитарной помощи Сирии, - решение об организации центра подготовки специалистов металлургической отрасли стран БРИКС, - разработка перечня рекомендаций органам государственной власти, научным коллективам и академическому сообществу стран БРИКС по эффективному использованию водных ресурсов, - создание по одной рабочей группе в каждой из стран организации, - начало создания комплексных телемедицинских систем 	<ul style="list-style-type: none"> - принятие антропологической хартии, - создание Делового альянса женщин стран БРИКС 	<ul style="list-style-type: none"> - выставка из собраний галерей стран — членов БРИКС в Национальном художественном музее Китая, - постановка одновременно на пяти языках спектаклей «Ромео и Джульетта» и «Слуга двух господ», - фильм «Куда ушло время?», снятый совместно режиссерами всех стран БРИКС, - на 2018 год запланирован дебютный концерт оркестра 	<ul style="list-style-type: none"> - разработка практических рекомендаций странам БРИКС по обмену между исследователями международных отношений и мозговыми центрами

Повышение политической состоятельности стран БРИКС за счет публичной дипломатии является одним из направлений гуманитарного сотрудничества организации.

В таблице конкретизируется работа, проделанная совместно странами БРИКС в вышеперечисленных направлениях, которые перекликаются с Целями развития тысячелетия и Целями устойчивого развития. В третьей строке перечислены краткие формулировки ранее упомянутых в данной статье и других документальных положений, в четвертой — некоторые проекты, способствующие реализации планов и достижению целей гуманитарного сотрудничества, в пятой — видимые результаты этих проектов.

Итак, новыми акторами для достижения пропорционального баланса сил должны стать ведущие государства каждого из макрорегионов или региональных подсистем. В число этих стран-лидеров входят все государства БРИКС (Бразилия — в Южноамериканской подсистеме, Россия — в Восточной Европе, Индия — в Южной Азии, Китай —

в Восточной Азии, ЮАР — в Южной Африке). С точки зрения классического подхода к определению центров силы, большинство сильных региональных держав не сможет претендовать на статус центров силы из-за неполного соответствия военному аспекту.

Возможно, мировому сообществу стоит взглянуть на критерии центров силы по-новому, опираясь на принципы культуры мира. Безусловно, предложенные в статье направления-критерии не станут реальной альтернативой существующим аспектам центров силы, однако, судя по результатам гуманитарного сотрудничества, страны БРИКС уже становятся *центрами «мягкой силы»*, и в этом направлении у организации есть серьезные перспективы развития. Д. Най, автор термина «мягкая сила», заявлял, что и «твердая», и «мягкая сила» — составляющие способности достигать целей, влияя на поведение других людей [1]. Следовательно, и на равномерное распределение ведущих ролей на мировой арене они гипотетически могут влиять с одинаковой эффективностью.

Литература

1. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. — N.Y.: Public Affairs, 2009.
2. Гуманитарное сотрудничество // Национальная политическая энциклопедия. — URL: <http://politike.ru/termin/gumanitarnoe-sotrudnichestvo.html> (дата обращения: 22.08.2018).
3. *Данилевский Н.* Россия и Европа. — М.: Книга, 1991.
4. Культура мира. — URL: <http://www.un.org/ru/peace/culture/culture.shtml> (дата обращения: 24.08.2018).
5. Саммиты и документы. — URL: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 23.08.2018).
6. *Тойнби А.* Постигание истории. — М.: Айрис-Пресс, 2010.
7. Футурологический конгресс: будущее России и мира. (Москва, 4 июня, 2010 г.): Сборник докладов / Под ред. С.С. Сулакшина [и др.]. — М.: Научный эксперт, 2010.
8. *Хатингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.
9. *Шпенглер О.* Закат Европы. — М.: Эксмо, 2006.

ПОЛИТИЗАЦИЯ СПОРТА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОЛИМПИЙСКИЙ КОМИТЕТ

Аннотация

Когда мы думаем о спорте, первые мысли, приходящие обычно в голову, — это истина, чистота, дисциплинированность, без каких-либо колебаний и коннотаций. Так, мы обычно определяем спорт как деятельность, которая в своем первоначальном значении предполагает качества человека, проявляющиеся через три основных аспекта, а именно — развитие тела, воли и духа.

Учитывая, что спорт учит нас правильному поведению и уважению принципов, теоретически его трудно сопоставить с политическими действиями. Однако на практике все по-другому. Спортсмен, если он не цивилизован, может проявить базовые качества, данные ему при рождении и от природы, — что-то вроде животных инстинктов.

Ключевые слова: олимпизм, Косово, МОК, Олимпийская хартия, Россия, олимпийские принципы.

Автор

Марко Кими Милич

Профессор Высшей школы —
Академии футбола Белград
(Белград, Сербия)

Политика как феномен общественной жизни человека в спорте не может иметь никакого оправдания, но в качестве способа достижения позитивных целей может быть очень полезной. В более широком смысле политика, определяемая как наука о социальной деятельности, должна уважать разнообразие правил, но, с другой стороны — быть готовой идти на компромисс.

В настоящее время для нас очевидно то, что спорт и политика по определению разные понятия, но в прошлом они имели много общего — намного больше, чем объяснено в литературе. Известно, что во времена Древней Греции, Древнего Рима и других древних цивилизаций спортсмены были фаворитами политиков и влиятельных людей, обладая спортивными наградами и не являясь политиками. Они часто пользовались очевидной популярно-

стью, находясь под строгим контролем влиятельных людей в Акрополе или Римском Сенате. События тех времен отражают развитие нашего сознания, но в настоящее время мы можем ожидать чего-то совершенно противоположного.

Уважая культ спорта как постоянную, древнюю деятельность, а не вмешательство политики в его дела в негативном контексте. В дальнейшем в данной статье будем отвергать ее влияние потому, что, как мы считаем, высший организационный орган спорта нарушил принципы, которые он сам создал. Мы будем размышлять над тем, какова главная задача спорта, может ли он быть коррумпированным, и как будет развиваться спорт по отношению к его первоначальному значению.

Именно олимпийское движение заложило основу организованных видов спорта, а сейчас мы видим, как организационный орган, Международный

олимпийский комитет, который должен исполнять правила, регулирующие Олимпийские игры, не работает.

Принятие самопровозглашенного государства Косово в качестве полноправного члена МОК является лишь одним из примеров политики силы, жесткого поведения, которое уничтожает спорт. Это самое серьезное нарушение Олимпийской хартии было лишь одним из аспектов политических договоренностей, оформленных в Брюссельском соглашении от 19 апреля 2013 года. Мы рассматриваем введение этого документа как торговую сделку, составленную по принципу «Я даю вам, а затем вы дадите его мне» в неформальной и скрытой форме.

Когда мы говорим о каком-либо влиянии политики на результаты в спорте, мы должны помнить, что существуют макро- и микроцели, так же, как и микро- и макрорезультаты. Микроцели могут представлять собой меньшие нарушения, которые не обоснованы и должны быть решены. Макроцели — это нарушения глобального характера, на основе которых можно наблюдать многообразие политических пешек и игр королей, которые происходят на глазах у публики, чтобы продемонстрировать силу и пренебрежение законами, правилами и, конечно, моральными принципами.

Дискуссия

Есть несколько версий появления Олимпийских игр. Более или менее известна красивая история французского аристократа барона Пьера де Кубертена. А именно — люди, вера в доброту, истинная свобода и справедливость, вложили свои материальные ресурсы, свои знания, свою жизнь, во имя и для развития спорта в будущем, уважая его права и принципы. Другая, безусловно, самая интересная версия состоит в том, что это бог Зевс создал Игры, придав им значение важного события. Много лет спустя идея Пьера де Кубертена начи-

нает тонуть в море политизированных коммерческих решений, которые все меньше и меньше нацелены на развитие спортивных ценностей. Влияние гигантских компаний затрагивает не только спортивные достижения в целом, но и его функциональное значение. Ставки стали слишком высоки, и многие результаты сознательно фальсифицируются при помощи использования различных спортивных фигур в целях незаконного обладания значительными материальными благами.

Однако пиком нарушения спортивной дисциплины в современных видах спорта является допинг, а именно его самая сложная форма — зеленый или генетически модифицированный допинг.

Очевидно, что этот тип допинга является одним из средств политического вмешательства для того, чтобы повысить репутацию страны в мире спорта, и, таким образом, в других областях. Некоторые страны стали очень конкурентоспособными, добившись лучших результатов на Олимпийских играх с позиции аутсайдера. Понятие «генетически модифицированный допинг» и факты его использования будут дополнительно разъяснены в этой статье.

Генный допинг — это лабораторный эксперимент, простыми словами: появление спортсменов из пробирки. Пока неизвестно, какими последствиями это может обернуться для спортсменов. Существуют только три лаборатории в мире, которые за три месяца могут обнаружить этот тип допинга. Примером использования генного допинга и изменения ДНК спортсменов является Китай. Эта страна за последние 10 лет стала неожиданно занимать ведущие позиции на мировой спортивной арене и на Олимпийских играх. Такие результаты могут быть оправданы успешным плановым развитием спорта, однако удивительным является тот факт, что китайские баскетболисты сейчас в среднем на 10 см выше, чем те, что ранее принимали участие в Олимпийских играх, а китайская пловчиха брассом

справилась с дистанцией на Олимпийских играх быстрее, чем спортсмены мужской группы.

Это лишь некоторые примеры злоупотребления и политизации спорта. Тем не менее, если мы обратим внимание на следующие факты о создателе современных Олимпийских игр Пьере де Кубертене и его мотивах организации Игр, мы можем опровергнуть некоторые поставленные гипотезы.

Широкой общественности Пьер де Кубертен известен своим исключительно моральным и этически правильным отношением к Олимпийским играм. Однако, менее известно, как барон пришел к самой идее организации Игр. Проанализировав его мотивы и исторические факты, мы можем заключить, что эта мера была предпринята именно для достижения политических целей, то есть интересов тогдашней Франции.

Говоря о Франко-прусской войне (1870–1871), Пьер де Кубертен отмечал, что французские солдаты находились в худшем физическом состоянии и были слабее, чем прусские солдаты, что привело к поражению Франции. Чтобы избежать новых поражений и дальнейшего ослабления Франции, барон начал исследовать возможности олимпийских атлетов и спортсменов. Таким образом, мы можем заключить, что организация Олимпийских игр было основано не на спортивной и олимпийской идеологии, а на конкретных властных интересах.

Олимпийский девиз «Citius, Altius, Fortius» (быстрее, выше, сильнее) становится сомнительным и двусмысленным, если задуматься над вопросом, к чему он призывает: быть более быстрым или более значимым — и хочет ли спортсмен принимать участие в игре с таким сомнительным призывом.

Олимпийская хартия является высшим правовым актом, установленным МОК в качестве наиболее организованного и руководящего органа олимпийского движения. Устав — это документ, который четко определяет значение

основных принципов, правил и положений, и как закон не позволяет отклоняться от того, что указано в документе. В этом документе определяются взаимоотношения трех его основных членов: Международного олимпийского комитета, Международной федерации спорта и национальных олимпийских комитетов. Документ обладает основополагающим характером, содержит все олимпийские ценности, которые четко прописаны и определены, служит статутом и регулируется уставом.

Если мы обратим внимание на второй принцип олимпизма, изложенный в Олимпийской хартии, который гласит: «Цель олимпизма заключается в том, чтобы поставить спорт на службу гармоничного развития человечества, способствуя созданию мирного общества, заботящегося о сохранении человеческого достоинства», мы ясно увидим, что этот принцип заключается прежде всего в создании мирного общества. Для обеспечения мира и процветания в любой социальной системе должен быть порядок, который создается законом и правилами. Признав Косово, международное олимпийское движение поставило под сомнение данные принципы. Это событие дало основание подозревать МОК в том, что он является политизированной организацией и что ради политических интересов он будет игнорировать то, что он сам же определил.

Рассмотрим еще один из принципов олимпизма: «Понимая, что спорт функционирует в рамках общества, спортивные организации внутри олимпийского движения должны иметь права и обязанности, свойственные автономным организациям, что включает в себя независимое создание спортивных правил и контроль над ними, определение структуры и руководство своими организациями, соблюдение права на проведение выборов, свободных от любого внешнего воздействия, а также ответственность за обеспечение применения принципов добросовестного

управления». Согласно этому пункту можно сделать вывод, что Олимпийский комитет Сербии имеет полную автономию в пределах своей страны. Это подразумевает, что Косово и Метохия являются автономной провинцией Республики Сербия. Фактически Конституцией Республики Сербия, высшим правовым актом суверенного государства, пренебрегают и пускают пыль в глаза не только сербам, но и всем людям в мире.

В первой части статьи мы рассмотрели, как нарушаются основополагающие принципы Олимпийской хартии. Ниже мы рассмотрим, чем должно обладать государство и какие условия оно должно выполнить, чтобы стать членом МОК. Косово, конечно же, не имеет никаких прав ни в одном из аспектов.

Олимпийская хартия как документ конститутивного характера определяет все организационные аспекты функционирования олимпийского движения. Если мы обратимся к цели МОК, а именно: создание безопасного и лучшего мира посредством образования — мы придем к выводу о том, что существующие прецеденты имеют совершенно противоположный эффект. Они приводят к уменьшению доверия к спортивным институтам самого высокого ранга в международном спорте. Эти события являются примерами материальных и политических интересов. Международное политическое сообщество, представляющее справедливость и закон, забыло посоветоваться с народом и само определило законы.

Рассмотрим статью 30, пункты 1 и 2, Олимпийской хартии, которые гласят:

«1. В Олимпийской хартии выражение «страна» означает независимое государство, признанное международным сообществом.

2. Наименование НОК должно соответствовать территориальным границам и традиции его страны и быть утвержденным Исполкомом МОК» [1].

В пункте 1 статьи 30 Олимпийской хартии используется понятие государ-

ства. Оно должно иметь все государственные функции и быть признанным международным сообществом, всеми государствами, а значит, ООН, чем Косово, безусловно, не является.

Согласно положениям пункта 2 статьи 30, совершенно ясно, что речь идет о стране, которая имеет свои традиции. На протяжении всей истории государства всегда было распространено мнение, что Косово и Метохия являлись центром сербского государства, таким образом албанцы как народ могут иметь права национального меньшинства, но Косово не может иметь свои традиции как любое другое суверенное государство, потому что у Косово никогда не было истории.

Результаты

Существует множество примеров того, как МОК во многих отношениях демонстрирует двойные стандарты.

В конце 2017 г. МОК из-за допингового скандала лишил Россию полноценной зимней Олимпиады 2018 года, но под нейтральным флагом разрешил ехать спортсменам.

А как насчет других стран, которые применяли допинг для своих спортсменов и известны МОК? Если претензии заключаются в том, что российский допинг был спонсирован государством, можно сказать: «Присмотритесь и к другим государствам».

Любой спортсмен подтвердит, что талант может привести тебя к вершине; но искушение удержаться на ней, употребляя допинг, очень велико. Команды рассчитывают на тебя. Твоя страна рассматривает твои медали как свои, как источник умножения славы государства. В этом отношении Великобритания показывает один из худших примеров. Она преобразует спортивные достижения в богатства, что более бедные государства никогда не смогут себе позволить. Она наказывает спортсменов, которые не могут выиграть их, сокращая их доход. Это напоминает политику старого советского блока.

МОК, по иронии судьбы, сам указал на выход из этого беспорядка. Он предложил рассматривать спортсменов из «виновных» стран не как их представителей, а как отдельных лиц. Теперь он должен пойти дальше: теперь он должен относиться так ко всем спортсменам. Это должно положить конец необузданному шовинизму, введенному Гитлером в 1936 г., нужно пригласить спортсменов принимать участие в соревнованиях в качестве граждан мира. Писатель Б. Левин даже предложил, чтобы они соревновались голыми, как в Древней Греции, чтобы избавиться от национальных символов. Неумолимое соперничество команд, мундиров, флагов, гимнов и истеричных комментаторов превратили Олимпиаду в пародию на Strictly Come Dancing¹.

Олимпиада также могла бы избежать обвинения в том, чтобы быть гастрольным туром для богатых, если бы проводилась всегда в одном и том же месте: возможно, в Греции, где она и зародилась.

Если суверенное государство управляет своими собственными законами и не подчиняется устному законодательству международного сообщества, эта страна будет осуждена и обезображена всеми возможными способами. Но Соединенные Штаты в течение многих

лет разными способами игнорировали Всемирное антидопинговое агентство. И им разрешено это делать, потому что они всегда изображали из себя мирового полицейского, при этом систематически разрушав все, что они считали препятствием, даже если это препятствие имело свои собственные утверждения, законы, суверенитет и целостность.

Выводы

Все положения, описанные в статье, относятся к чему-то уже ясному и очевидному. Найти сбои в функционировании организации не представляет проблемы, когда налицо нарушения правил. Они определены, как необходимо, в Олимпийской хартии. Единственная проблема, но ее значение очень велико, заключается в том, что все эти действия были сделаны без последствий и публичного осуждения, как если бы небольшой сельский футбольный клуб пренебрег местными правилами, а не квазигосударство Косово было принято в качестве полноправного члена спортивного мира и признано самым важным спортивным органом — Международным олимпийским комитетом. В конце концов, мы остаемся с верой в то, что время спорта вернется, а не господствующая сейчас среда, в которой дешевые политические очки достигаются через спортивные состязания. И напоследок, «Citius, Altius, Fortius» — девиз спортивной или политической амбиции!?

¹ Strictly Come Dancing — британский телевизионный танцевальный конкурс — соревнование в латинских танцах, в котором знаменитые люди участвуют с профессиональными танцорами.

Литература

1. Олимпийская хартия. — Лозанна: Международный олимпийский комитет, 2017.

Перевод статьи с английского языка осуществила выпускница факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова Антонина Матиешина

ВЛИЯНИЕ УЧАСТИЯ В МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ 2018 ГОДА НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГРАЖДАН (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД)

Аннотация

В статье анализируется влияние очного участия индивида в массовых спортивных событиях в качестве зрителя на его политическое поведение и вовлеченность в электоральный процесс. В рамках исследования были проведены социологические опросы контрольной и экспериментальной групп, сформированных в момент проведения чемпионата мира по футболу. Экспериментальным стимулом в данном исследовании послужила атмосфера просмотра матча ¼ финала Россия — Хорватия в фан-зоне на Воробьевых горах в Москве. В рамках исследования была получена информация о корреляции между участием индивида в общественной жизни и степенью его вовлеченности в электоральный процесс.

Ключевые слова: явка, электоральное участие, чемпионат мира по футболу, экспериментальный метод.

Автор

Петрова Юлия Владимировна

Студентка кафедры истории и теории политики
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Летом 2018 года 11 российских городов принимали матчи чемпионата мира по футболу. События чемпионата оставались в фокусе внимания россиян: практически три четверти российских граждан смотрели трансляции игр¹. При этом около 1–2% следящих за событиями чемпионата наблюдали за спортивными сборными в фан-зонах, организованных в городах, принимающих мундиаль. Данный формат площадки нов для России, что представляет серьезный интерес для исследования поведения граждан, пришедших в данные зоны для просмотра матчей, анализа их по-

ведения, а также для оценки влияния общей атмосферы международного спортивного события на вовлеченность граждан в иные сферы жизни, в том числе политическую.

Таким образом, можно предположить, что существует прямая зависимость между непосредственной вовлеченностью граждан в крупные мероприятия спортивного характера и готовностью участвовать в политической жизни общества.

Ключевыми методами исследования стали экспериментальный метод и социологический опрос. С целью выявить влияние атмосферы крупного спортивного мероприятия на степень готовности каждого отдельного гражданина принимать участие в политической жизни посредством голосования на выборах было проведено исследова-

¹ Чемпионат мира по футболу — 2018: итоги [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — 2018. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9214> (дата обращения: 25.09.2018).

ние, основанное на экспериментальном методе.

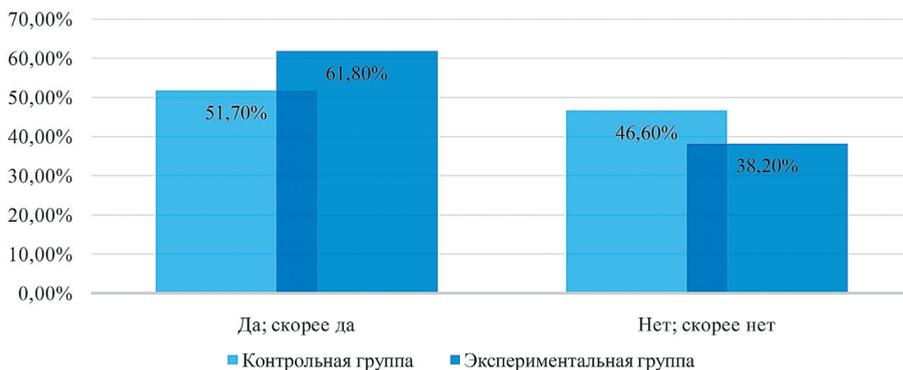
В качестве экспериментальной группы выступали посетители фан-зоны чемпионата мира по футболу 2018 года, расположенной в Москве на Воробьевых горах. Опрос проходил 7 июля, за час до матча ¼ финала чемпионата Россия — Хорватия. Матч привлек огромное влияние россиян, в том числе пришедших для его просмотра в фан-зону, оборудованную несколькими большими экранами, зоной для просмотра матчей и т.д. Экспериментальный стимул в данном случае носил естественный характер и заключался в атмосфере массового спортивного мероприятия.

При этом нельзя утверждать, что среди граждан, опрошенных на фан-зоне, были исключительно футбольные фанаты: на самом деле событие привлекло внимание практически всего населения, мероприятия на Воробьевых горах посетили широкие массы, которых невозможно классифицировать как футбольных фанатов или футбольных болельщиков [2; 3], обладающих своими специфическими особенностями поведения. Самой оптимальной характеристикой группы лиц, собравшихся на Воробьевых горах, является толпа. При этом толпу следует в данном случае рассматривать как организм, обладающий коллективной душой, заставляющей всех участников чувствовать, ду-

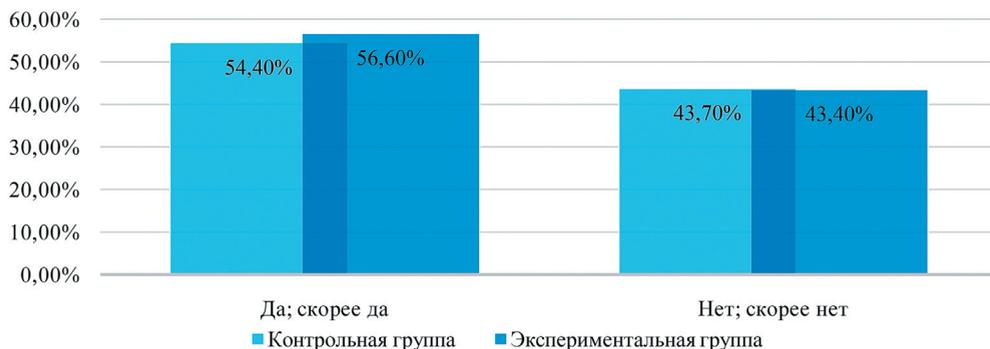
мать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности [5]. Следует также отметить, что подражание является неотъемлемой чертой любой социальной группы, а, следовательно, в значительной степени проецируется в том числе и на толпу, проявляя стремление к всеобщему распространению [8], порождая атмосферу всеобщего единения участников мероприятия, эмоциональной заряженности, создает коллективную душу [5].

Контрольная группа, в свою очередь, не подвергалась экспериментальным стимулам: респонденты были опрошены через неделю после финального для российской сборной матча на чемпионате мира по футболу. Социологический опрос был проведен 17 июля 2018 г. в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького в вечернее время. Всего в рамках исследования было опрошено 239 человек: 123 респондента в экспериментальной группе и 116 — в контрольной. Участникам опроса были заданы вопросы общего характера касательно их пола, возраста, места проживания (Москва, населенный пункт Московской области, столица иного субъекта РФ, населенный пункт иного субъекта РФ) с целью отслеживания корректности выборки, ввиду некоторых особенностей электорального поведения представителей различных социальных групп.

Пришли бы Вы на избирательный участок, если бы выборы Президента состоялись в это воскресенье?

Пришли бы Вы на избирательный участок, если бы выборы Президента состоялись в это воскресенье? (место проживания респондента — Москва)

Следующим обоим группам респондентов был задан вопрос, позволяющий оценить потенциальный уровень политического участия граждан: «Если бы выборы Президента Российской Федерации состоялись в следующее воскресенье, пришли бы Вы на избирательный участок?» Утвердительно на данный вопрос (варианты ответа «да», «скорее да») ответили 51,7% респондентов контрольной группы Парка Горького и 61,8% зрителей матча ¼ финала чемпионата мира по футболу экспериментальной группы на фанзоне. Таким образом, наблюдается серьезное различие в потенциальном уровне явки в двух группах — 10,1%.

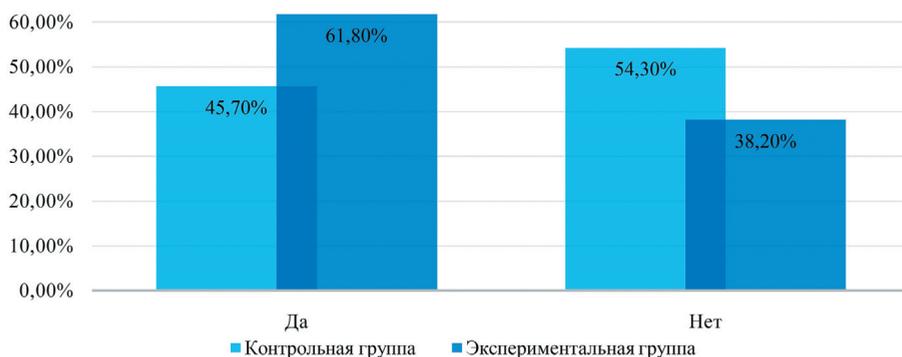
Тем не менее данный результат может быть объяснен некорректностью выборки, так как в составе экспериментальной группы состояло в процентном отношении меньшее количество жителей Москвы по сравнению с контрольной группой. Впоследствии

подверглись сравнению результаты по данному вопросу только граждан, проживающих непосредственно в Москве.

Результаты исследования показали, что в целом готовность жителей Москвы принимать участие в выборах Президента России не зависит от обстановки, окружающей гражданина в момент опроса: предложенный стимул не побуждает к проявлению большего интереса и готовности к включению в электоральный процесс.

Следующий вопрос, предложенный респондентам, был нацелен на получение информации о политическом поведении граждан в момент выборов Президента РФ в 2018 г.: «Ходили ли Вы на избирательный участок 18 марта 2018 года на выборы Президента РФ»? Явка граждан из контрольной группы респондентов составила 45,7%, в то время как среди членов экспериментальной группы показатель был на 16,1% выше, что составляет 61,8%.

Ходили ли Вы на избирательный участок 18 марта 2018 года на выборы Президента РФ?

Для верификации результата было предложено воспользоваться прежде описанной схемой работы с выборкой. Из нее были исключены участники исследования, проживающие не на территории Москвы. Разрыв в показателе электоральной активности на выборах Президента РФ 2018 года между представителями контрольной и экспериментальной групп сократился, однако остался на уровне статистической значимости. Так, граждане, находившиеся в момент опроса в фан-зоне чемпионата мира по футболу, под воздействием атмосферы крупного спортивного мероприятия, в котором принимала участие в тот конкретный момент и сборная России, оказались на 9,2% более политически активными, нежели участники контрольной группы Парка Горького.

Таким образом, нельзя говорить о значительном воздействии предложенного в исследовании стимула на электоральное участие граждан. Сортировка анкет в зависимости от места проживания участника исследования засвидетельствовала практически идентичные показатели готовности граждан и контрольной, и экспериментальной групп принимать участие в выборах Президента РФ, составивший 54–56 процентных пунктов.

Другой вопрос — реальная явка на выборах Президента РФ в марте 2018 г. среди граждан, принявших участие в

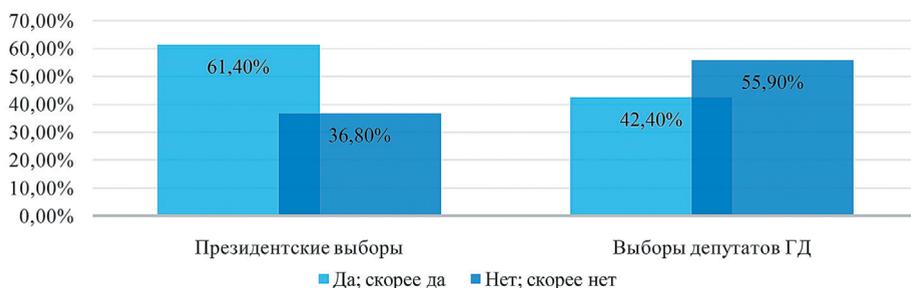
опросе. Общий показатель по результатам опроса 116 человек контрольной группы составил 45,7%, 123 граждан экспериментальной группы — 61,8% (разница — 16,1%). Если же оставить в выборке только жителей Москвы, то разрыв между представителями двух групп сократится и будет зафиксирован в районе 9 процентных пунктов. Таким образом, можно заключить, что граждане, собравшиеся в фан-зоне на Воробьевых горах, в целом активнее принимают участие в политической жизни страны, нежели те, кто не посетил фан-зону в день матча. Тем не менее выявленный показатель явки даже в экспериментальной группе (53,9%) значительно ниже показателя явки по Москве (60,1%). Такое различие можно объяснить отсутствием в выборке лиц пенсионного возраста, которые, как правило, более охотно посещают избирательные участки в день голосования по сравнению с другими социальными группами.

В рамках исследования был также затронут вопрос зависимости уровня электорального участия граждан от того, какой институт власти избирается на выборах. По результатам исследования, проведенного среди респондентов контрольной группы Парка Горького, только 42,4% граждан были готовы принять участие в выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ, в то время как 61,4%

Ходили ли Вы на избирательный участок 18 марта 2018 года на выборы Президента РФ? (Место проживания респондента — Москва)

**Пришли бы Вы на избирательный участок,
если бы выборы Президента РФ/депутатов Государственной думы РФ
состоялись в следующее воскресенье?
(контрольная группа)**

были готовы отдать свой голос на выборах Президента РФ (разница в показателях потенциальной явки — 24,6%). Такой результат может быть объяснен в первую очередь низким уровнем одобрения гражданами деятельности нижней палаты парламента: если для Президента РФ В.В. Путина данный показатель составлял на июль 2018 г. 63,4%¹, то для депутатов Государственной думы — 31,8%². Более того, к началу чемпионата мира по футболу в активную стадию вошел вопрос о повышении пенсионного возраста, что также значительно ослабило позиции Государственной думы как института власти.

Таким образом, в ходе исследования была опровергнута поставленная гипотеза. Очное участие граждан в массовых спортивных событиях в качестве зрителя не влияет на их готовность принимать участие в политической жизни общества, не влияет на электоральное поведение. Тем не менее фан-зона в Москве на Воробьевых горах в момент

матча ¼ финала Россия — Хорватия привлекла в среднем более политически активных граждан по сравнению с группой, на которую данный экспериментальный стимул не распространялся. Так, на 9 процентов больше представителей экспериментальной группы приняли участие в выборах Президента РФ 18 марта 2018 г. по сравнению с участниками контрольной группы Парка Горького.

В данном случае встает вопрос о так называемом «радиусе доверия» внутри общества, который является основой социального капитала. Однако существует одна особенность социального капитала: «кооперативные нормы, честность, взаимность могут практиковаться в отношении небольших групп людей, не затрагивая остальных членов того же общества» [4]. Данную ситуацию мы можем наблюдать при анализе полученных при проведении исследования результатов опросов граждан экспериментальной и контрольной групп. «Среди практикующих политическое действие больше людей с уровнем социального доверия выше среднего» [6. — С. 118]. При этом ряд американских исследователей электорального поведения указывают, что политическая активность отдельного индивида определяется не уровнем его доверия в отношении окружающих, а от того, окружен ли этот человек людьми, в достаточной степени людьми с высоким уровнем социального

¹ Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — 2018. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9208> (дата обращения: 25.09.2018).

² Одобрение деятельности государственных институтов [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — 2018. — URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov (дата обращения: 25.09.2018).

доверия [1. — С. 50]. В данном случае можно говорить о корреляции между уровнем социального доверия и готовностью принимать участие в выборах. По мнению исследователя О.В. Панковой, доверие в первую очередь обеспечивает «организационный успех»: через доверие возможно делегирование полномочий «для реализации широкого диапазона стратегических целей» [7]. Граждане, вовлеченные в политические и общественные организации, в большей степени склонны как доверять окружающим, так и демонстрировать это доверие в том числе и вне своей социальной группы. Следовательно, необходимо говорить не о влиянии очного участия индивида в массовых спортивных событиях на уровень его электорального участия, а о корреляции между участием индивида в общественной жизни (посещение различных массовых мероприятий, участие в волонтерском движении и т.д.) и его вовлеченностью в электоральный процесс. Чем больше гражданин инте-

грирован в общественную жизнь, тем с большим доверием он относится к окружающим его членам общества и различным институтам, тем охотнее он проявляет себя в политической жизни, используя свое активное избирательное право.

Данный вывод подтверждает также и элемент данного исследования, направленный на поиск различия между электоральным участием граждан в выборах Президента РФ и депутатов Государственной думы РФ. Была оценена готовность граждан принимать участие в выборах того или иного института государственной власти. Разница в показателях составила 24,6%, то есть более трети респондентов, готовых прийти на избирательный участок на выборы Президента РФ (61,4%), отказались принять участие в выборах нижней палаты парламента, что также подтверждают замеры уровня доверия политикам и одобрения работы политических институтов ВЦИОМа.

Литература

1. *Macedo S.* Democracy at Risk: How Political Choices Undermine Citizen Participation and What We Can Do About It. — Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2005.
2. *Бурухин С.В., Бурухина Л.В.* Спортивные болельщики как социокультурное явление информационного общества. Вестник ТвГУ. Серия: Философия (2). — 2014. — С. 160–164.
3. *Зувев В.Н.* Социально-экономические условия формирования типологии болельщиков при проведении соревнований на спортивных сооружениях // Теория и практика физической культуры. — 2007. — № 3. — С. 18–23.
4. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). — Т. 2. — № 1. — 2010. — С. 17–34.
5. *Лебон Г.* Психология народов и масс. — СПб.: Макет, 1995. — 311 с.
6. Массовая политика: институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 286 с.; ил. — (Политология России).
7. *Панькова О.В.* Доверие как основа формирования и развития социального капитала. — Институт социологии НАН Украины, 2009.
8. *Тард Г.* Законы подражания — М.: Книга по Требованию, 2012. — 378 с.

SUMMARY

SECTION I. THEORY, HISTORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS

Why am I doing this?

Abstract. What is the main task of a political scientist today? Is it in the popular review of socio-political processes and the description of well-known phenomena? The main task of the political scientist today is a critical analysis of reality, a doubt in its seemingly fundamental truths. At the same time, modern problems can not be comprehended, without immersing in its darkest and unexplored depths, returning to its origins. Despite the fact that today the left-social theory is in critical condition, we again raise the thesis of its relevance and applicability to the realities of the present time. By examining the key contradictions of nowadays, we will perform an autopsy of the existing socio-political system and the subsequent diagnosis of it.

Key words: history of socio-political studies, political philosophy, postmodernity, Marx, neo-Marxism, social alienation, repressiveness, totalitarianism.

Author:

- Akhmedov Nikolay, student of the Department of social- political exercises faculty of political science The Lomonosov Moscow state University (Moscow, Russia)

The Mass Media and Politics: Theoretical Reflection

Abstract. This article is devoted to theoretical consideration of the mass media as a social and political phenomenon. Notions of the «mass media» and functions of the media are given. Special emphasis is made on critical approaches that stress distortion of reality by the media, commercialization of the media, the establishment of infotainment and concentration of media ownership. At the same time the author emphasizes that functions and the role of the mass media are hardly to assess unambiguously, and the media influence depends on many factors including characteristics of the audience.

Key words: mass media, audience, manipulation, infotainment, mediocracy.

Author:

- Goncharenko Yan, Master Student The Faculty of Public Administration The Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Globalism and antiglobalism: how two paradigms amplify a mutual conflict by using political images and myths

Abstract. After the attacks on women in Cologne in 2015-2016 and terrorist strikes in Europe and the US, the conflict between the globalist and antiglobalist movements has reached a qualitatively new level. The crisis of globalism, outlined by socio-political problems, continues to gather momentum. Western officials prefer a strategy of “sticking labels” to one side of the conflict instead of seeking an optimal solution. It can be seen now that the strategy continues to be popular, and the relationships between the two sides only worsens, the society of the Western world will be in danger of the beginning chaos. Contributing to the development of the conflict are biased myths, aimed at the political destruction of enemy.

In the article, we propose to analyze the components through the escalating conflict of two ideologies. It is a discourse analysis of political images of the conflict parties, as well as political myths have been formed through ideological confrontation.

Key words: globalism, antiglobalism, conflict, political images, political myths, nationalism, globalization.

Author:

- Karateev Dmitry, Senior Student of Political Science Faculty Saint Petersburg State University Department of Political Governance (Saint Petersburg, Russia)

Constitutional (a)symmetry: New vs. old theoretical framework

Abstract. While the literature on asymmetrical federalism is comprehensive in political science, there are not many structured legal studies on constitutional asymmetries. Although some studies have been carried out, the research on constitutional asymmetries remains occasional and scarce.

Moreover, the research of constitutional asymmetries suffers from limitations, mainly concerning two matters. The first is that traditional federal theory proposes symmetry as an essential integrative part of federal states. The second is that traditional federal theory bases this argument on uninational federal systems. However, recent literature stresses that traditional federal theory fails to recognize that asymmetry is identifiable, although covert, federal states, regionalized unitary states, and even in a transnational setting.

Key words: Federation, federalism theory, constitutional asymmetry.

Author:

- Sahadžić Maja, PhD Researcher, Government and Law Research Group, Faculty of Law, University of Antwerp (Antwerp, Belgium)

The concept and characteristics of the definition of “subsidiarity” in the scientific and philosophical discourse: the genesis and transformation of the ideas in the Catholic social doctrine

Abstract. The principle of subsidiarity is fundamental to the EU legal system. Within the framework of this paper, the author traces the transformation of some meaningful aspects of this category in the Catholic social doctrine (by studying the papal encyclicals and their scientific interpretation). The researcher also attempts to determine the level of influence of the cultural-historical context and the political position of the Vatican on changes in the philosophical approach of the papacy.

Key words: principle of subsidiarity, solidarity, social philosophy, Catholic social doctrine, polity, institutional hierarchy.

Author:

- Serebryakov Kirill, student Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)

SECTION II. TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER AND GLOBAL REGULATION

The influence of post-truth on international relations

Abstract. The article studies the current stage of the definition of the phenomenon “post-truth”, as well as the forms of its manifestation and methods of using it in politics. Special attention is paid to the analysis of the potential and real impact of this phenomenon on the international relations.

Key words: post-truth, post-truth policy, international relations, mass media.

Author:

- Kovshar Maria, graduate student, Lugansk Taras Shevchenko National University

Female political leadership in today's Latin America: context and specificity

Abstract. This article explores the specifics of women's political leadership in today's Latin America in the general context of modern power relations in the region. The author seeks to address the issue in the subjective (regional) and objective (regional studies) planes. Based on the examples of individual states, it is proposed to identify a number of prerequisites that contribute to the political activism of women, as well as several conditional specific types of "female" political leadership in Latin America. In conclusion, it is shown that, up to date, women's political participation in Latin America at its highest level is still not expressed in the formation of an independent, internally integrated group of influence, and each history of so-called "women's presidency" is rather a history of the presidency in general.

Key words: Latin America, political leadership, political elites, female leaders.

Author:

- Kseniya Konovalova, Saint Petersburg State University, MA student (Russia, Saint Petersburg)

The balance of power between the key actors of world politics in the framework of the US global strategy. Is it possible to reduce the tension in the United States — China — Russia triangle?

Abstract. Currently the military and political potential of Washington strategically is inferior to that of Moscow and Beijing in aggregate, but surpasses them separately. There is likely to be a serious rivalry for economic leadership between the USA and China. The winner of the competition will strongly influence the organization of the world system and will directly affect the military and political capabilities of key countries in the world. The USA needs to recruit serious support from long-standing and new partners. Otherwise, during the next 20 years, Washington risks to lose lucrative position to a new superpower. If the US-China alliance is formed, it will strongly influence the EU and Russia. While such a scenario is not implemented, the enhanced cooperation between Moscow and Beijing seems to be appropriate and can help Russia to make (technological) leap forward. Once our countries were placed on a revisionist line, Beijing has one more reason to strengthen ties with Russia.

Key words: China, the USA, cooperation, economic leadership, leading state, military doctrine, a multipolar world.

Author:

- Petrechuk Alexandr, master's degree student Department of Political Science Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Influence of Russia and China on the formation of a new world order on the example of Central Asia (the most important region for Russia)

Abstract. The rise of Russia as one of the real centers of world politics and of China as an economic power, as well as the rapid economic growth of regional powers in different continents, led to the fact that the single domination of the United States in the world political and economic arena came to an expected end. However, as practice shows, Washington categorically denies the right of other peoples to realize their national interests, which has generated the formation of a new world order.

This article reveals the causes and consequences of confrontation of world powers in the world arena as a result of the formation of a new world order. The role and influence, as well as the potential of Russia and China, as an alternative center of power, to form a new world order on the example of the Central Asian region are considered.

Key words: new world order, national interests, security policy, geopolitics, Central Asia, world power.

Author:

- Khidoyatzoda Komroni Jamolidin, Master of political sciences, Executive director Central-Asian expert club «Eurasian development» (Dushanbe, Tajikistan)

New geopolitical vector of Russia in the Persian Gulf

Abstract. The article analyzes the relationship between Russia and the Middle East in the political, trade, economic, military, social context, identifies the priorities of Russian foreign policy in the Middle East. The subject of the paper was to identify the main aspects of interaction and mutual influence of the Russian Federation and countries of the Persian Gulf in the new format in the beginning of XXI century. The Author shows that the Middle East topic occupies an important place in the realization of Russian national interests. In modern conditions, Russia has a real basis for consolidating and spreading its influence in the Middle East region and the realization of its national interests as well.

Key words: Russia, Middle East, Persian Gulf, international relations, geopolitics, oil-producing region, Islamic values.

Author:

- Mazin Said Musabah Almaqbali, Post-graduate student of the Department of comparative political science, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

SECTION III. THE PROBLEMS OF INTERNATIONAL SECURITY

Arctic region and the Antarctic in Global Security Policy

Abstract. This article is devoted to the study of the issues connected with the common heritage of humankind and the policy of mastering new spaces. The paper presents several variants of the territorial division of the Arctic zone proposed by different states. The paper also analyses the prospects for the joint use of the Antarctic space, as well as problems of settling this issue in the context of the 1959 Convention and the claims of individual countries.

The author views the Arctic region and the Antarctic as territories that are strategically important for all humankind. At the same time, special attention is paid to environmental aspects, resource potential and strategically important position of these territories.

Key words: Arctic region, the Antarctic, the World Ocean, resource development, security.

Author:

- Zuhba Damir, Student of the Faculty of political science in The Lomonosov Moscow state University (Moscow, Russia)

Kazakhstan: formation of the global peacekeeper

Abstract. This article is devoted to the foreign policy of Kazakhstan, aimed at mediation in the settlement of many conflicts. The paper touches on the Ukrainian crisis

and its impact on the economy of the countries of the EAEC and Ukraine. Particular attention is paid to resolving the tense situation between Russia and Turkey, related to the Russian plane crushed down, the importance of separatism in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China in relations between China and Kazakhstan. "The heart of Eurasia" will provide a platform for the negotiations on Syria, is involved in overcoming the Afghan problem, and will further work to bring peace and stability around the world.

Key words: Kazakhstan, international security, central Asia, post-soviet space, peacemaking.

Author:

- Mendagaziev Arman, Student of the Faculty of International Relations North-West Institute of Management — the branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russia)

The European Union and Russia: a strategic partnership in International security

Abstract. Currently, both the EU and NATO are experiencing a certain crisis in relations with not only their partners, but also with a number of internal tensions that are related to the consequences of rapid demilitarization at the turn of the century as well as the new US policy towards its allies. In such an uncertainty, a constant dialogue is particularly important between Russia and the European Union. It would minimize the tensions associated with all the events of recent years and the coming long-term projects. This article considers a number of problems and prospects for cooperation between the European Union and Russia in providing international security. The most productive areas for potential cooperation as well as the most relevant projects are identified in this paper. They require special relations and close interaction between the structures of the Russian Federation and the EU in a sense of collective security in a strategic perspective.

Key words: European Union, NATO, international security, strategic partnership, Arctic region

Author:

- Parkhomenko Georgi, Master student of the Department of comparative political science, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

SECTION IV. REGIONAL POLICY

The level of comfort of life of the Magadan region as a factor of zoning and determining its potential for development

Abstract. The territorial features of the Magadan region can be characterized by natural and climatic factors. There are harsh climatic conditions in this region for a human life. In the Magadan region there is a high level of seismicity, characterized by prolonged winter, low temperatures, sharp changes in the weather, abundant rainfall, frost. Despite such conditions, the region is developing with national economic goals. Internal feature and interrelation of territories, on the basis of which the areas are created, is revealed. To create comfortable conditions for work and life, it is necessary to know the natural and climatic features and use them while zoning the territory, in order to create a favorable environment. Conducted zoning on the basis of a combination of factors have allowed us to identify several areas, which characteristics should be taken into account during the development of the Magadan region.

Key words: Magadan region, zoning, level of comfort, seismic level, air temperature, pollution of rivers.

Author:

- Balashova Anastasiya, Student The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Modern ethno-political mythology in the context of political governance (on the materials of the Tatar people)

Abstract. In the article the author considers the concept of ethno-political mythology from the administrative positions. Turning to previous theoretical studies and practical examples, the author answers a number of questions: theoretical issues related to the process of ethno-political myth making: how objective is this process, is it possible to use myth making as a tool of public administration, the reasons for the development of ethno-political mythology. It is noticed that the forms of such myths are political, and content-ethnic. A number of functions of ethno-political myth making are singled out: the state of public unity, consolidation of public opinion, legitimization of power and others. In conclusion, the author shows how Russian modern regional policy operates the process of ethno-political myth makings, based on the example of the Tatar people.

Key words: ethno-political mythology, mythology, myth, identity policy, identity, historical policy

Author:

- Vysotskaya Zoya, post-graduate student of the Department of management inter-ethnic and inter-religious relations the faculty of public administration of The Lomonosov Moscow state University (Moscow, Russia).

The political mood of the youth of Kaliningrad region (sociological analysis)

Abstract. The article is based on the sociological data obtained during the survey, dated December 2017. It carries out analysis of the features of political attitude of young people in the Kaliningrad region. The three main criteria of these sentiments are: the degree of absenteeism, protest and separatism. It is revealed that absenteeism is shown in the youth environment of the region and it is expressed in low electoral activity and distrust in the Institute of political parties. A relatively high degree of dissatisfaction with the structure of the modern society does not become a prerequisite for the growing popularity of radical measures among young people. Despite the special geographical location, the region has also not identified any preconditions for the emergence of real manifestations of separatism.

Key words: political sociology, Kaliningrad region, elections, political sentiment, absenteeism

Author:

- Krishtal Mikhail, Candidate of geographical Sciences, researcher in The Institute for human Sciences in the Baltic Federal University named after Immanuel Kant (Kaliningrad, Russia).

SECTION V. POLITICAL SYSTEMS AND SOCIAL POLICY

U.S. political system: current problems and evolution trends

Abstract. Political system is one of the most important concepts in the modern theory of a state. However, this term is difficult to understand and has many scientific interpretations, as it is structurally and functionally very versatile and ambiguous.

Nevertheless, the author of the article departs from the usual theoretical approach to the consideration of the essence of the political system. Choosing a specific country as an object for analysis — the United States of America — we set the task not to go deep into the already well-studied theoretical basis of the political system, but to demonstrate on a real example how it can practically function, fail, change, be influenced by political elites and challenges of the time, as well as to be designed in a manner that reflects the expectations of the society, its needs and urgent problems.

Thus, this article is devoted to the analysis of a specific political system from the perspective of its current problems and possible evolution trends, formed in this case, primarily under the influence of the balance of political forces and the “deterioration” of the existing party system, as well as a consequence of the presidential campaign in 2016.

The results of the research lead the author to the formulation of conclusions about the key difficulties in the functioning of the American political system and possible ways of its evolution.

Key words: political system, United States of America, governmental authority, political elites, party system, political establishment.

Author:

- Abdullaev Murad, PhD in Philological Sciences (Journalism), political scientist, independent researcher (Miami, FL, USA)

Demographic policy in Russia: the economic relationship development and reproduction of the population

Abstract. In the conditions of modern world economic and political challenges that affect the dynamics of countries’ development, the issue of an effective demographic policy becomes strategically important, especially for the Russian Federation. The impact of the demographic factor on the country’s economy is expressed through the state of labor resources. Formation, usage and distribution of labor resources are closely related to the demographic parameters of the population: fertility, mortality, age, gender structure, migration, and other demographical characteristics. In simple terms, the impact of demography on the economy or economic demography has both positive and negative impact, depending on the number of factors and on the structure of the country. For example, geographic, historical or social factors form a special character of political actions taken by the state administrative system in some certain area or in the framework of the demographic policy in general. The article presents some results of the author’s study of the key indicators of demographic policy in modern Russia.

Key words: demographic policy, Russian Federation, population, population growth, population dynamics, economic development, social policy of Russia

Author:

- Dedkov Egor, studies Political Science in the Russian state social University (Moscow, Russia)

SECTION VI. POLITICAL CONFLICTOLOGY

The problem of respect of human rights in the context of armed conflict in South Eastern Ukraine

Abstract. This article discusses correspondence of the cases with the human rights in the context of the armed conflict in the South East of Ukraine. The author analyzed fundamental documents of the international law, aimed at regulating basic human rights and freedoms. They are International Humanitarian law, UN Charter, Geneva Conventions and Additional protocols, etc.

Based on the study, the author identified the following methods and technologies of maintaining the dialogue in the solution of the conflict. Firstly, strengthening the role of mediation in the negotiation process among the participating countries in “Normandy format.” An alternative conflict resolution is avoidance of the open conflict; it is not a war (no stimulating Ukraine by Western countries to activate implementation of the Minsk agreements). Another way is conflict substitution, i.e. moving the conflict to another way, focusing on the need for a new vector of development for Ukraine, namely the transition from a unitary to a Federal state.

Key words: Conflict in the South East of Ukraine, international right, the Channel format, the Minsk agreement, Geneva Convention, federalization of Ukraine.

Author:

- Dibrov Egor, Master’s degree in political science, Donetsk National University.

The role and importance of improving the UN’s counter-terrorism activities in the 21st century

Abstract. The analysis of the main directions of improvement of the UN anti-terrorist activities allows determining their relevance and importance for the improving of the effectiveness of the counter-terrorism. The first direction is the elaboration of a Comprehensive Convention — is still relevant, based on the expected consequences of the adoption. The second is the suppression of the financing of terrorism. It requires a return to the agreements set forth in the Charter of the United Nations. The globalization of the fight against terrorism and its financing must be supported by all States. The need to resist financing through unification is almost the main direction that can lead the fight from the abstract to the concrete action. The UN is one of universal and global organizations in the world; therefore abandoning it can become a sure road to chaos for the today’s world. Consequently, there is a need for changes due to the desire to maintain the effectiveness of the instrument on the basis of broad consensus.

Key words: Comprehensive Convention, UN, terrorism, confrontation, fight against financing, counter-terrorism management, UN Security Council.

Author:

- Kamensky Anna, student of the faculty of political science in the St. Petersburg state University (St. Petersburg, Russia)

The penetration of the “Islamic state” into Central Asia: causes and consequences

Abstract. Two years after its appearance, the group “Islamic State” (hereinafter — IGIL) was relocated to Central Asia. Researchers and analysts arose a lot of questions and concerns about this. The author of the article answers the question, what factors led to the emergence of IGIL and the growing influence of this group in Central Asia. A big number of factors play an important role in this issue: the poverty of the popu-

lation, on the one hand, and the rich natural resources in this region, on the other. Besides, they are lack of consistent development, political and economic instability, the existence of Islamic extremism among some Muslims, the existence of two fundamentalist Muslim countries — Pakistan and Afghanistan — in close proximity to the countries of the region. The proximity of Russia to this region, the presence of Chinese Muslims (in Xinjiang) near and neighboring countries of the Central Asian region and, most importantly, the strategy of IGIL for internationalization. All this factors expanded the sphere of influence of the terrorist groupments.

Key words: Islamic state, ISIS, Central Asia, extremism, Islamic fundamentalism.

Author:

- Sayed Mohammad Fayiza, Master's Student Comparative Politics Department, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

SECTION VII. NON-PROFIT ORGANIZATIONS AND DIPLOMACY

Specificity of non-governmental institutions implementing cultural diplomacy of the US

Abstract. In this article, the directions of activity of non-governmental institutions of the USA in the implementation of foreign cultural policy were examined. Philanthropic foundations play an important role in the spread of American culture, which have become a kind of institution for the realization of the "soft power" of the United States. The foundations are engaged in the development of foreign policy directions, the popularization of American culture, the training of foreign personnel for the activities of American foundations in other countries. Modern world can no longer be imagined without a rapid globalization, thanks to which transnational corporations have become new actors in international relations. So multinational corporations are the main carriers of information technology and the most important tool for the implementation of cultural diplomacy of both the United States and other countries of the world.

Key words: non-governmental institutions, cultural diplomacy, the United States of America, soft power, multinational corporations, foundations.

Author:

- Poletaev Matvey, Student of the Master's Degree of the Faculty for international regional studies and regional governing of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Humanitarian cooperation within BRICS: the way to a new world order

Abstract. A new world order ought to be formed taking into account the gradual shift of values. Modern centers of power ought to compete not only in terms of the quantity of natural resources and combat efficiency, but also in terms of the effectiveness of solving the humanitarian problems of mankind such as poverty, hunger, social marginalization, inequality, infectious diseases, illiteracy, loss of cultural diversity, etc. In this article, the example of humanitarian cooperation in the BRICS format illustrates the relationship between the policy of soft power and the process of establishing a polycentric world order.

Key words: humanitarian cooperation, soft power, trans-regional international organizations, BRICS, polycentrism, centers of power.

Author:

- Khatkevich Alexandra, student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

SECTION VIII. SPORT AND POLITICS

The politicization of sport and the international olympic committee

Abstract. When we think about sports, the first thoughts that usually come to mind are truth, purity, discipline, without any hesitation or connotations. Thus, we usually define sport as an activity that, in its original meaning, presupposes the qualities of a person, manifested through three main aspects, namely, the development of the body, will and spirit.

Given that sport teaches us to behave correctly and respect the principles, it is theoretically difficult to compare it with political action. However, in practice everything is different. An athlete, if they are not civilized, can show the basic qualities given to them by nature — something like animal instincts.

Key words: Olympism, Kosovo, IOC, Olympic Charter, Russia, Olympic principles.

Author:

- Marko Kimi Milić, Professor of the Higher school — football Academy of Belgrade (Belgrade, Serbia)

The Influence of the participation in mass events of the football world Cup 2018 on electoral behavior of russian citizens (experimental method)

Abstract. The article analyzes the influence of an individual's full-time participation in mass sports events as a spectator on their political behavior and involvement in the electoral process. In the framework of the study the author conducted several sociological surveys of control and experimental groups formed at the time of the Football World Cup 2018.

The experiment's stimulus of this study was the atmosphere of watching the match ¼ finals between Russia and Croatia in the fan-zone on the Sparrow hills in Moscow. The study obtained information on the correlation between individual participation in public life and the degree of its involvement in the electoral process.

Key words: turnout, electoral participation, world Cup, experimental method.

Author:

- Petrova Yulia, student of the faculty of Political Science of the Lomonosov Moscow state University (Moscow, Russia)

Информация для авторов

Статьи в журнале публикуются на безвозмездной основе. Журнал выпускается в электронном и печатном виде и распространяется в высших учебных заведениях России и мира, среди экспертного и политологического сообщества, политической элиты России, направляется в ведущие политологические центры мира.

Последующий номер нашего журнала будет посвящен следующей теме: «Новая цифровая эпоха: информационные технологии в современной политике» (номер сформирован).

Приглашаем политологов из России и зарубежья опубликовать свои исследования в нашем журнале в 2019 году. Темы выпусков будут размещены на сайте журнала: www.rupolology.ru

Считаем, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир— Мир сотрудничества, развития и процветания. Статьи в журнал просим направлять на адрес электронной почты редакции журнала: studes@yandex.ru.

Оформление статей

Редакция просит авторов придерживаться следующих основных принципов оформления статей.

1. В журнал принимаются статьи на русском языке в электронном виде, в стандартных форматах текстовых редакторов Microsoft Word и OpenOffice Writer (расширения: *.doc, *.docx, *.rtf). Так как журнал издается как на русском, так и английском языках, то приветствуется направление авторского перевода статьи на английский язык.

2. Ориентировочный объем статей — 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков, включая пробелы), объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией.

3. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные:

3.1. Заголовок статьи.

3.2. Краткая аннотация статьи, кратко раскрывающая ее основное содержание. Объем аннотации не должен превышать 1 тыс. знаков с пробелами. В общем объеме статьи текст аннотации не учитывается.

3.3. До 7 ключевых слов, соответствующих основному содержанию статьи.

3.4. Для каждого автора отдельно приводится:

3.4.1. Фамилия, имя, отчество (при наличии).

3.4.2. Научный статус, место работы (при наличии), город и страна проживания.

3.4.3. Адрес электронной почты.

3.4.4. Фотография автора, публикуемая вместе со статьей.

4. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные на русском и английском языке.

5. Допускаются только затекстовые библиографические ссылки, отсортированные в алфавитном порядке в конце статьи; использование подстрочных сносок для библиографических ссылок не допускается.

6. Форма связи библиографических ссылок с основным текстом — с помощью указания номера источника в библиографическом списке и, в случае необходи-

мости, страницы цитирования в квадратных скобках. Допустимые обозначения: [1. — С.196] [2. — С.330–332] [3] [4; 5; 7].

7. Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Примеры оформления библиографических ссылок: <http://schola.su>

8. Использование подстрочных сносок допускается только для содержательных примечаний.

9. Иллюстрации могут быть встроены в текст статьи. Все иллюстрации (включая графические схемы и диаграммы) в обязательном порядке дублируются авторами в высоком разрешении отдельно от текста статьи. Площадь изображений — не менее 3 млн пикселей.

10. Единственная допустимая форма выделения особых терминов и понятий — курсив; не допускается выделение целых предложений или абзацев.

11. Не допускается наличие таблиц, содержащих более пяти столбцов. В случае наличия вертикально ориентированных таблиц с большим количеством столбцов, авторы должны провести их транспонирование либо, если это невозможно, сократить или разбить их на составные части.

12. В случае значительного расхождения текста с основными принципами оформления статья может быть возвращена на доработку автору или отклонена.

Редакционный совет журнала «Русская политология — Russian Political Science»

АБРАМОВА МАРИАННА ГРИГОРЬЕВНА — заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

БОЙЦОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА — профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель образовательной программы «Стратегическое управление и экономическая политика», доктор политических наук, профессор

ВАСИЛЕНКО ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА — профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук

ВАТЫЛЬ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор политических наук, профессор (Беларусь)

ВИЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, доктор политических наук, профессор

ГУТОРОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

КОНСИ ЛУИС ГИЛЬЕРМО АРКАРО — профессор факультета права Епископского Католического Университета г. Сан-Паулу, доктор философии (Бразилия)

КУЛЕШОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА — профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук

МИХАЙЛОВИЧ ДЕХАН — член Союза философов Мексики, профессор факультета социальных наук Монтеррейского технологического института, доктор философии (Мексика)

МОШНЯГА ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ — профессор департамента политических и административных наук факультета международных отношений, политических и административных наук Молдавского государственного университета, доктор политических наук (Молдова)

МЧЕДЛОВА МАРИЯ МИРАНОВНА — заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор политических наук, профессор

МУХАРЯМОВ НАИЛЬ МИДХАТОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и права института экономики и социальных технологий Казанского государственного энергетического университета, доктор политических наук, профессор

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ — профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук

СИДОРОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ — заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

СОЛОВЬЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ФЕДОРКИН НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ЦЫГАНКОВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ — профессор Университета Сан-Франциско, доктор философии (США)

ЦЫГАНКОВ ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ШИРИНЯНЦ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ — заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ШОМОВА СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА — профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна департамента медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук

ШУТОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ — декан факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

ЯМАМОТО КЕНСО — научный сотрудник Центра изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ, доктор философских наук (Япония)

Редакционная коллегия журнала «Русская политология — Russian Political Science»

БЕРЕЗКИНА ОКСАНА СТЕПАНОВНА — доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВАСЕЦОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА — доцент кафедры политологии Востока, помощник директора Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВОЛОШИН АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ — руководитель Научного портала социально-политических исследований, кандидат политических наук

ГОРОХОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ — главный редактор журнала «Русская политология — Russian political science», кандидат политических наук

ДУБОВИ АЛЕКСАНДР — координатор Научно-исследовательского центра евразийских исследований (EURAS) юридического факультета Венского Университета (Австрия)

ЕЖОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра политологических исследований Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ЕФАНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук

ЗАСЛАВСКАЯ НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА — доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук

ЗВЯГИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА — старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем, старший преподаватель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук

ЗЕЛЕНИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

КВАШОНКИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ — доцент кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

КИРСАНОВА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА — преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

КОСОРУКОВ АРТЕМ АНДРЕЕВИЧ — старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

КУРБАНОВ АРТЕМИЙ РУСТЯМОВИЧ — старший преподаватель кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ЛАРИНА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА — преподаватель кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, кандидат политических наук

ПУЧНИНА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА — старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

РУДНИЦКАЯ АНАСТАСИЯ ПАВЛОВНА — доцент кафедры политологии и международных отношений Российского государственного социального университета, кандидат политических наук

САЖИНА ВАРВАРА АНДРЕЕВНА — доцент кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, руководитель отдела внеаудиторной работы со студентами факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат социологических наук

СЕЛЕЗНЁВА АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА — доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук

СМИРНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА — старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН, эксперт Российского совета по международным делам, кандидат политических наук

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ — старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, начальник отдела учебно-методической работы факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ХОРДЕЦКИ БАРТОШ — адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани, PhD (political science), PhD (law) (Польша)

ШАРАПОВ ИГОРЬ РОДИОНОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

Редакция журнала «Русская политология — Russian Political Science»

ГОРОХОВ АНДРЕЙ — главный редактор

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ — заместитель главного редактора

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ — заместитель главного редактора

КАРАВАЕВА МАЙЯ — корректор

ШАДСКАЯ МАРИЯ — советник-лингвист по переводу текстов (английский, французский)

СМИРНОВ НИКОЛАЙ — советник по продвижению и информационным технологиям

БОЛДИН ВЛАДИМИР — советник по взаимодействию с российскими и международными системами научного цитирования

МАМЕДОВ ИНТИГАМ — советник по вопросам международного взаимодействия

ЗУРНАДЖЯН ГОР — советник по взаимодействию с органами государственной власти и общественными организациями.

АНДРОСОВА НАТАЛЬЯ — графический дизайнер

Отдел редакции по работе с англоязычными политологами

МАТИЕШИНА АНТОНИНА — консультант отдела

Отдел редакции по работе с испаноязычными политологами

ДАШКИНА ИРИНА — советник отдела

МАТЮСОВА АНАСТАСИЯ — советник отдела

ХОЛОДКОВА АННА — советник отдела

ЮЩЕНКО ВИКТОРИЯ — советник отдела

Отдел редакции по работе с итальяноязычными политологами

ЛОЩИЛИНА МАРИЯ — советник отдела

**Журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 15.08.2016, номер свидетельства ПИ № ФС 77-66809**

Номер свидетельства	ПИ № ФС 77-66809
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология — Russian political science
Дата регистрации	15.08.2016
Форма распространения	печатное СМИ, журнал
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А.А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д. 71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№ 3(8), 2018 год
Подписано в печать	01.11.2018
Цена	Бесплатно

**Электронный журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 18.10.2016, номер свидетельства ЭЛ № ФС 77-67389**

Номер свидетельства	ЭЛ № ФС 77-67389
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология — Russian political science
Дата регистрации	18.10.2016
Форма распространения	сетевое издание
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А. А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д. 71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№ 3(8), 2018 год
Подписано в печать	01.11.2018
Цена	Бесплатно